

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ

**ПОВЕСТИ
САНДРЫ ЛУБАЙН**

и другие рассказы

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ

**ПОВЕСТИ
САНДРЫ ЛУВАЙН
И
другие рассказы**

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К12

Оформление переплета
Мария Суворова

Кабаков, Александр Абрамович

К12 Повести Сандры Ливайн и другие рассказы / Александр Кабаков. – Москва : АСТ, 2013. – 252, [4] с.

ISBN 978-5-17-077183-7

Александр Кабаков – прозаик, журналист; автор романов «Все поправимо», «Последний герой», повестей «Невозвращенец», «Беглец», сборника рассказов «Московские сказки».

Сандра Ливайн – американская писательница, автор сборника детективов и... плод воображения Александра Кабакова. «Моему читателю не надо объяснять, что повести Сандры Ливайн включили в книгу моих рассказов не по ошибке – я ее родил, существует эта дама исключительно на бумаге. Однако при этом она не менее реальна, чем все персонажи рассказов, написанных от моего имени в последние годы и включенных в эту книгу.

Детективы Сандры Ливайн и другие мои фантазии на сиюминутные темы – две стороны одного мира».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-077183-7

Подписано в печать 10.12.12. Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 13,44. Тираж 4000 экз. Заказ № 9807.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

© Кабаков А.А.

© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

УБЕЖИЩЕ	7
МНЕ ОТМЩЕНИЕ	33
НОЧЬ ПУТИ	61
КИПР	87
КОШКА, КОТОРАЯ ВОДИТ JAGUAR	99
ВСЯ РУБЛЕВКА СТОИТ	110
ПРЕВЫШЕНИЕ	125
ПОВЕСТИ САНДРЫ ЛИВАЙН	138
Эплвуд, Нью-Джерси. Будний день	139
Экспресс в 5:12	174
Старик и дама. Двойной портрет соседей художника	189
Каюта первого класса, мадам?	209
Александр КАБАКОВ. Кое-что о Сандре	245

УБЕЖИЩЕ

Шоссе летело в небо. Облака в небе вроде бы медленно плыли, но в то же время стремительно неслись, непрерывно меняя форму и цвет. Это был настоящий театр: отвернись на минуту – прозеваешь самое важное.

* * *

В начале семидесятых его ровесники дружно пошли из младших научных сотрудников и старших инженеров в смотрители лифтов, истопники, сторожа автостоянок и стройплощадок, просто в тунейдцы с фиктивными справками о трудоустройстве, полученными от знакомого маленького начальника в обмен на зачитанную до дыр тамиздатскую «Лолиту» или на запиленного «Сержанта Пеппера». И садились писать заведомо непроходной великий роман или покрывали холсты гениальными бес-

предметными разводами либо вполне конкретными беспощадными прозрениями – страшными рожами современников и мрачными пейзажами страны... Пили портвейны «Кавказ» и «Агдам», по ночам в подвалах или доведенных до состояния свалок квартирах брэнчали на гитарах и пели всякую самодельную безвредную диссидентщину...

А он боялся. Вернее, не то чтобы боялся, хотя и боялся тоже, но, главное, принципиально отвергал этот путь напыщенного безделья и безосновательной веры в собственную незаурядность. Впрочем, в компании ходил, пил тот же портвейн – предпочитая водку, но было неловко выделяться – и беседовал о свободном искусстве, проклинал державшую всех приличных людей за горло власть. Относительно власти был согласен полностью, хотя основания для нелюбви к ней у него были несколько другие, чем у друзей, что же касается ценности свободного искусства, то на этот счет сильно сомневался, рассматривая стоявшую пачками вдоль стен живопись на подрамниках и слушая чтение глав очередной нетленки.

Однажды из-за этих его сомнений произошел драка.

Провожали по израильской визе в Вену – а потом, конечно, в Нью-Йорк, в рай современной культуры! – одного неудачливого выпуск-

ника Суриковки, тихо, не скандаля в приемной Верховного Совета, отработавшего водителем троллейбуса весь срок, пока положенное отъезжантам мучение не кончилось, и завтра улетающего на волю. С собою художник собирался везти холсты, наскоро загрюнтованные поверх собственного сюрреализма и халтурно, в три дня скрытые под кривыми китчевыми портретами родственников. Грунтовали общими силами, а портреты писал сам отъезжающий – с довоенных фотографий девушек в беретиках и мужчин в полувоенных кителях. Должно было сойти за семейные реликвии, а уж на свободе предстояло чепуху смыть и сразу устроить сенсационную выставку где-нибудь в Сохо, о, Сохо! Однако в Третьяковке хмурая тетка-эксперт, явно гэбэшной внешности, с ненавистью глядя на мошенника, припечатала на обратные стороны всех картин потрясающую формулировку: «Художественной ценности не представляет, вывозу не подлежит». Таким образом, автор не мог претендовать ни на транспортировку своих шедевров за границы социалистической Родины, давшей ему счастливое детство и бесплатное образование, ни на продажу этих же шедевров какой-нибудь отечественной организации, хотя бы самому захудалому дворцу культуры – художественной ценности не представляет... Словом, провожающие

разобрали жутковатые портреты по рукам до лучших времен – может, удастся через западных дипломатов передать. А те холсты, которые остались невостребованными, спьяну и в пылу злобы на власть художник изрезал, вынес во двор и кинул в вечно тлевшую помойку, еще плеснув туда для надежности растворителя.

И никто не приехал на пожар, потому что все тогда было спокойно, даже пожаров настоящих вроде не было, а помойка – ну, ерунда, пусть себе горит.

Вместе со всеми наш герой – назовем его, как положено, N – заворачивал в газеты доставшуюся ему картину и возмущался дикарскими, подлыми порядками. Точнее, удивлялся: что ж за идиоты коммунистические начальники? Ведь сами плодят себе врагов. Что случилось бы, если бы разрешили выставиться бедняге в каком-нибудь фойе, если бы даже галерея его родного Саратова, откуда когда-то приехал он пробиваться в Суриковку, купила пару его ловких подражаний Де Кирико и повесила бы их в зале «Работы наших земляков»? Да ничего не случилось бы с их все поглотившей властью, никто бы не умер, все так же эти старые дураки целовались бы и объединялись с людоедами всех стран, строили свои поганые ракеты... А парень не уезжал бы неизвестно куда, пол-

ный ненависти. Мирно интриговал бы в Союзе художников с целью получения новой мастерской и при случае демонстрировал бы зарубежным гостям свободу творчества в Советском Союзе. Настоящие идиоты.

Между тем к середине ночи все сильно напились, конечно, и решили уже не расходиться, а ехать всей компанией утром в аэропорт – прощаться сквозь металлические прутья забора, когда друг пойдет по полю к трапу, ведущему прямо в рай. И черт с ними, пусть фотографируют и подшивают фотографии в свои сраные досье, хватит их бояться. Собирался ехать и N, хотя ему это было более опасно, чем всем этим дворникам и сантехникам, ему-то в кадры его трижды проклятого института могло прийти неприятное сообщение откуда следует, запросто отложили бы защиту, а то просто выгнали по сокращению лаборатории...

Однако тут-то и произошел конфликт. Будучи уже очень нетрезвым, отчего он всегда становился назойливо откровенным, N поймал свежего предателя Родины в углу и, словно надеясь сообщить ему последнюю мудрость, сказал оскорбительные и беспощадные слова.

– Понимаешь, чувак, – сказал N, покачнулся и слегка придавил приятеля к стене, что было совсем некстати, – все правильно, чувак, жизнь

проходит, и прожить ее надо там, чтобы не было больно за бесцельно...

Тут оба усмехнулись шутке, ставшей популярной в последние годы, когда уезжали один за другим, вдруг как бы обнаружив еврейскую ветвь родни. И для N не было бы никакой проблемы в том, чтобы получить через друзей приглашение от неведомой тети из Хайфы – мало ли какие могут быть у русского человека тети... Действительно, в Израиль ехала едва ли половина, остальные пробивались через Австрию и Италию в Штаты.

– ...Но, чувак, – продолжал N, все никак не отпуская припертого к стене, – понимаешь, старик... ну, здесь у тебя персональной выставки никогда не будет, я согласен...

Они все были уверены, что ничего никогда не будет.

– ...но, старик, – тут N, к счастью, понизил голос, не то был бы бит, пожалуй, всей компанией, и справедливо, – а если и там не будет? А? Не по идеологии, понимаешь, старик, а по художественным достоинствам? Там же все почестному, так, чувак? И если там скажут, что не то... ну, по художественным, ты пойми, старик! Ты представь! Тогда что? В петлю?.. Вот я не еду...

Объяснить, почему он не едет, N не удалось. А он хотел сказать, что дело не в допуске пер-

вой формы, из-за которого он невыездной минимум на пять лет после увольнения, а то и навсегда, хотя, конечно, дело было прежде всего именно в этом, но N как раз хотел объяснить, что дело не в этом, а в том, что он боится свободы, которая обязательно покажет, кто чего стоит на самом деле, и очень страшно обнаружить на свободе, что не стоишь ничего, а тут хоть утешение есть на всю жизнь – коммунисты виноваты, так что надо еще сто раз подумать, прежде чем рваться на свободу, и вот он, N, например, не готов к такой проверке... Здесь в институте все знают, что он давно не то что кандидатскую, но и докторскую защитил бы, если б вступил. Здесь он непризнанный гений, а там может оказаться признанной бездарью... Мысли это были неглупые, и даже странно, что N, невыдающегося, как он сам считал, житейского ума человек, дошел до них еще тогда, в семьдесят втором, а не в девяносто втором, например, или в девяносто шестом, когда все дошли, когда многие из неухавших и оставшихся в живых участников той вечеринки стали ходить вместе со старушками в пионерских галстуках и стариками в райкомовских шляпах на митинги против свободы. Но что ума N был действительно небольшого, подтверждалось тем, что этими мыслями он решил поделиться с человеком, у которого

в кармане уже лежала справка о лишении советского гражданства в связи с переездом на ПМЖ в Государство Израиль.

...Так что N не договорил, получив слабый, интеллигентский удар не сжатым как следует кулаком. Это еще хорошо, что ненастоящий, неумелый оказался удар, потому что вообще-то у художника рука была тяжелая. Тем не менее кровь из носу N пошла, поднялся шум, N стоял с закинутой головой, друзей принялись мирить и почти помирили, при этом N так и мирился, закинув голову. Никто толком и не понял, что произошло, ни художник, ни N никому ничего не стали объяснять. Однако, когда пришло время ехать в аэропорт, стали будить задремавших, потом допивать для храбрости и от огорчения предстоявшей вечной разлукой, потом вытаскивать чемоданы, потом ловить редкие утренние машины – тут N резонно решил, что хотя они и помирились, но после драки будет как-то странно махать из-за прутьев стального забора уже бывшему, ведь отъезд – это конец всему, так что в любом случае бывшему, другу. Поэтому N просто пожал ему руку, как раз ту, которой получил по физиономии, взял свернутый в трубку холст и спокойно ушел к открытию метро, чтобы поехать домой, привести себя в порядок после трудной ночи и успеть на работу. Художник в волнении и пе-

реживаниях принял дополнительное рукопожатие, скорее всего, за еще один знак примирения, а отсутствия N потом, при окончательном прощании, не заметил – толчея, слезы, глупо бодрые шутки... Что же касается оставшейся компании, то от нее N понемногу, года за полтора, отошел.

А насчет художника N, увы, оказался прав, но в петлю неудачник не полез, а прекрасно устроился на Брайтоне, ремонтировал квартиры разбогатевшим соотечественникам и прилично с этого жил. Там, на деревянном променаде, N его однажды встретил, будучи по важным, но скучным делам в Нью-Йорке и решив провести вечер среди сравнительно русскоговорящих. Обнялись, пошли отметить свидание в знаменитую «Одессу», вспоминали всю прежнюю жизнь, не считая дурацких проводов, и маляр все пытался заплатить, вытаскивая золотую *American Express*...

Холст же, доставшийся N, все прошедшие потом годы переезжал из квартиры в квартиру вместе с временным владельцем, так и оставаясь свернутым в трубку. После возвращения из Америки N нашел его, развернул – тут же вся краска осыпалась, и наружный маскировочный слой вместе с грунтовкой, и тайный, настоящий... Отвратительные были при советской власти материалы для живописи.

* * *

Понемногу облака стали распухать, превращаться в налитые синим мраком тучи, раздерганные нити отрывались от их краев, исчезали в пустоте. А тучи тяжело падали на шоссе вдаль, там, где оно тонким лезвием врезалось в горизонт, и откуда разлетались белые осколки молний.

* * *

Прошло тридцать лет, все изменилось, прежняя жизнь исчезла примерно посередине этого тридцатилетия, а к новой у N почти не было претензий – во всяком случае, тех, которые были к старой. Жить теперь можно было как угодно, в том числе и так, как N всегда хотелось: зарабатывать много денег всеми возможными способами, придумывать которые он был склонен от природы. Только раньше, когда он пил по вечерам в компании друзей с художественными наклонностями, все эти способы никуда не годились, за них светила тюрьма, поэтому он и ругал вместе с друзьями власть, а теперь ругать ее было, на взгляд N, не за что, ну, разве что за всякие непринципиальные мелочи. А друзья, по доходившим до него слухам, руга-

ли ее на чем свет стоит за то же самое, за что ругали и прежнюю, – свободы нет, кругом несправедливость, тупость и хамство. Он, в сущности, со всем этим был согласен, но считал перечисленные свойствами – в большей или меньшей степени, вот в чем разница – любой власти, чему находил подтверждение не только в отечественном опыте, но и в заграничной жизни, которую в новые времена неплохо узнал. А если другой власти не бывает, невнимательно, привычно думал он, стоя в бесконечной, никакой мигалке не подвластной пробке, то чего ж злиться? Ну, не повезло ребятам, но ведь никто их теперь не трогает, живут, как хотят и могут. Я, оказалось, могу...

Много чего было за тридцать лет, N уже и забыл почти все, что было, забыл начисто, а если иногда что-нибудь напоминало ему о чем-то забытом, он мельком удивлялся – надо же, сколько всего произошло и продолжает происходить, выдавливая из памяти оставшуюся позади жизнь, будто не было ее! Вот, например, семья как-то исчезла, а как – уже не вспомнишь. Дети у них с женою не получились, вдвоем они терзали друг друга долгие годы, а потом как-то все увяло, растворилось в мгновенно исчезающих днях, остались только глупые слова «не сложилось». Но и тогда, когда N уже привык к этим словам и «не сложилось» тоже ста-

ло забытым прошлым, в его жизни ничего не поменялось. Он все так же спешил, зарабатывал, тратил, терял и восполнял, ни на одну минуту не усомнившись в том, что только так и можно жить, что другой жизни не бывает, а бывает лишь более или менее удачная такая жизнь.

Почему-то счет всему он вел именно от того, семьдесят второго года, когда отдалился от компании друзей. Вот только этот счет и прерывал на секунду его существование, вдруг дергало – а ведь уже пятнадцать лет прошло... двадцать... четверть века, с ума сойти... тридцать... Только этот счет огорчал его по-настоящему: а ведь конец скоро... скоро... кто знает, когда, но ведь все ближе...

Однажды, на каком-то форуме или черт его знает что это было, обычная пустая болтовня с короткими, но действительно важными разговорами в перерывах, ради этих разговоров все и ехали сюда, на дурацкий, давно надоевший курорт, – вот на форуме, в вечернее разгульное время, пока большинство заливалось по самые уши шампанским, которое он терпеть не мог – исчезнувшее из поля зрения «Советское» и это, тысячедолларовое, одинаково, – да, так вот, вечером второго дня форума N сидел в холле и беседовал с одной из тех девиц, которых привезли для участников мероприятия специальным

самолетом. Девушка была слишком, отвратительно хороша собой, но, к удивлению N, говорила почти грамотно, почти без мата и провинциального акцента, совсем неглупо, к тому же и по-английски тоже прилично, не распознав поначалу в N своего. В ней же русскую выдавали прежде всего вечернее платье, вовсе не обязательное для коктейльного приема, яркий макияж и общая ухоженность, не оставлявшая сомнений в том, что ее основное занятие связано с ее собственным телом.

– Никак не подумаешь, что вы русский, – повторила она, мотнув для иллюстрации удивления серебряной гривкой, – и на вид, и по-английски говорите так хорошо...

– Сейчас все по-английски говорят хорошо, – уже немного кокетничая по привычке ведущего холостую жизнь, ко всему готового мужика, как бы недовольно, как бы брюзгливо пробормотал он, – вот бы еще русский выучили...

– Ну, ведь вы же... взрослый... – привычно употребила она дурацкое современное слово вместо «пожилой», осеклась и поправилась: – Средних лет. Мы английский... ну, типа, специально учили, а вы...

Тут она по-настоящему смутилась, поняв, видимо, что «мы» и «вы» тоже подчеркивают его возраст, по крайней мере вдвое больший, чем ее.

– А вы откуда? И здесь что делаете? – спросил N уже почти грубо, что отчасти входило в образ, отчасти же получилось естественно, поскольку «взрослый», «мы» и «вы» все-таки его задели.

– Вообще сама с Волгограда, – неожиданно просто ответила она, и N опять удивился этой простоте в явной профессионалке класса премиум, – но уже два года в Москве живу... А сюда переводчицей позвали.

Он довольно оскорбительно засмеялся.

– Не больно-то здесь переводчицы нужны, особенно с английского...

– А у меня еще немецкий активный, – теперь она обиделась, – и испанский немного... А вы думаете, что если девушка интересная, значит, обязательно, ну, как бы...

То, что она не произнесла известное слово, ему очень понравилось. Похоже было, что девушка все еще не выбралась из своего Волгограда, где, как она успела рассказать за следующие пятнадцать минут, жила с папой, инженером на военном заводе, и мамой, педагогом, окончила с отличием филфак или что-то вроде того, поехала в Москву в гости к уже устроившейся подруге, да вот так и задержалась, первые полгода только училась «г» говорить не фрикативное, в Волгограде тоже говорят мягкое «г», прямо как на Украине, и вроде научилась, как вы считаете?

Они уже порядочно выпили. Она пила, как ей и положено по профессии, шампанское – никакие рассказы и манеры не убедили N в том, что она действительно только переводчица, он заказывал порцию за порцией коньяк. Тем временем банкет понемногу утих, продолжали дебоширить лишь записные гуляки, из зала доносился их хохот и визг менее культурных, чем его собеседница, девушек. А N впервые за многие годы говорил, как с нормальным и даже близким человеком, ничего не опасаясь, никаких практических выгод от разговора не ожидая.

Решили разойтись по номерам, переодеться в зимнее и встретиться на центральной площади, поглядеть на горы и снег под луной. Она, естественно, явилась в бессмысленно роскошном лыжном костюме, а он только сбросил в номере смокинг, натянул свитер под обычное черное пальто. В тонких туфлях было холодно...

– Вы, конечно, извините, – вдруг спросила она, когда, насмотревшись на красоту и прилично отпив из его фляги для тепла, уже собирались возвращаться, но еще не договорились, в чей номер, – а сколько вам на самом деле лет?

Он поежился не только потому, что отвечать честно «пятьдесят четыре» не хотелось, а потому, что слишком практичным показался вопрос, прикидывает девушка, какая предстоит ночью работа.

– Ну, пятьдесят четыре, – слишком внятно и громко ответил он, – а в чем проблема? Пока еще, тьфу-тьфу, все в порядке...

Стало тошно от собственной пошлости. Но она как будто и не услышала его слов.

– Я вот хочу у вас спросить, как у взрослого, – и тут же опять исправилась, – как уже даже пожилого, извиняюсь, конечно, человека...

Он остановился и посмотрел ей прямо в лицо. В ночном сиянии снега, звезд и витрин лицо это показалось ему совершенно детским, будто ей было не двадцать пять по меньшей мере, а лет десять-двенадцать. Непонятно, когда она успела снять краску...

– Ну, давай, ребенок, – сказал он, почему-то мгновенно почувствовав страшную тоску, даже сердце, как уже иногда бывало, споткнулось и заспешило. – Давай, спрашивай. Что хочешь узнать? Женат ли?

Она вздохнула.

– Вы все равно меня блядью реально считаете, а зря, – на этот раз он подумал, что и подлые слова она употребляет к месту, – я совсем не это хотела у вас спросить...

Прошло с того февраля уже года три, а N все думал о том, почему его так задел ее вопрос, и о том, что два самых главных в его жизни разговора происходили не на трезвую голову, и о том, сколько же времени он отдал таким пу-

стым вечерам, а только два запомнились, и о том, почему глупый и самовлюбленный мазила так сильно, на десятилетия пометил его своей неловкой пощечиной, и почему неглупая, но слишком нахальная девка задала ему вопрос, на который он уже так долго пытается ответить, но не может.

Он не встречал ее больше. Иногда ему казалось, что в толпе ей подобных на банкетах и приемах мелькало ее лицо, он подходил с улыбкой – и извинялся. Простите, принял вас за одну знакомую...

«Вы еще не наигрались?» – вот что спросила она тогда, и с тех пор N часто спрашивал у себя то же самое.

* * *

Обрушился ливень. Казалось, будто едешь по дну буйной реки, шоссе метрах в двадцати перед машиной сливалось с небом. Из воды вылетали желтые подслеповатые огни встречных, в воде растворялось красное мерцание попутных – его все обгоняли, он шел в правом ряду, опасаясь в темноте пропустить поворот. Наконец в черной стене леса открылась узкая просека, он свернул и по более ровному, чем на шоссе, асфальту поехал еще медленнее.

Это не было внятно сформулированной мыслью, нельзя было назвать это и желанием, больше подходило слово «ощущение». Им N обозначил в конце концов то, что испытывал уже несколько лет, что все чаще всплывало на поверхность в каком-нибудь пустом, неделовом разговоре с кем-нибудь из немногих приятелей, кто еще сохранился, не сгинул в стороне от быстрой, по часам и даже минутам расписанной его жизни.

Надо бы уйти, говорил он, и разговор спотыкался, на мгновение гас, будто огонек зажигалки от легкого, внезапного движения воздуха. После недолгой паузы удивленный, но привычно ерничающий приятель уточнял с усмешкой – как Толстой, что ли? В чем дело? Смысл жизни потерялся? Но он уже успевал собраться и отвечал тоже с усмешкой – ну, конечно, как Лев Николаич, и помереть, доехав до станции Астапово... Нет теперь такой станции, поддерживал шутку приятель, есть станция Лев Толстой, так что место занято...

А уйти хотелось.

И не то чтобы по-толстовски, от мира и семьи – N уже давно, в сущности, ушел от того и другого. Отделился, оставив на границах бдительную стражу обязательных слов и привыч-

ных действий, создав внутри себя нечто вроде собственного Министерства иностранных дел для переговоров по практическим проблемам и Министерства обороны для защиты рубежей. На попытки нарушения этих рубежей отвечал мощнейшим оружием массового поражения под названием «деньги», которое прежде, как правило, действовало отлично, ему удавалось откупиться от всех агрессоров – женщин, родственников, друзей, партнеров... Ради этой своей обороноспособности он ничего не жалел, тратя на поддержание денежной готовности все свои силы.

Но этого становилось мало – уйти было необходимо от самого собственного существования, да и сил на охрану границ уже просто не хватало. Тем более что в последнее время система обороны начала давать сбои один за другим, что-то сломалось в ней, так что результаты получались обратные желаемым: люди привыкали к денежным ковровым бомбометаниям и отвечали привязанностью, искренней любовью и даже просто своей уже непоправимой зависимостью от его помощи. Вот зависимость-то его просто убивала. Как-то так получалось, что не они от него зависели, а он от них, он сам был пятой колонной внутри себя. И это разрушало его психологическую безопасность, и он все упорнее возвращался к мысли о необходимости бо-

лее надежной защиты, какого-нибудь бункера – как одуревший капиталист в пятидесятые, строивший глубокое, полностью автономное убежище от русской водородной бомбы.

Уйти, надо уйти, твердил он про себя или даже вслух, пока ирония собеседника не заставляла и его свести разговор к шутке. Но шутка была лишь слабой, неэффективной мерой защиты, а единственно правильным, надежным решением был бы уход.

Н присмотрел это место, несколько раз случайно проехав мимо.

Из-за пробок на шоссе, по которому он добирался до своего загородного жилья, все объезжали ремонтировавшийся мост, и он поехал вслед за всеми, и увидел это прекрасное место, и еще раз увидел, и однажды притормозил, съехал на обочину. Тогда храм стоял еще без крестов, а внутри сияли только что оштукатуренные пустые стены и лежал штабель свежего бруса. И священник посреди пустого пространства как-то нескладно топтался, закидывая седую голову, задирая косоватую бороду – явно в строительных размышлениях...

– Понимаете, – он не знал, как полагается говорить со священником, и решил говорить самым обычным образом, как говорил бы с любым человеком, озабоченным проблемами ремонта

большого здания. – Вы, наверное, и сами знаете... Просто я в курсе, сам недавно строился... Надо стройматериалы закупать вперед, в запас... Потому что они дорожают быстрее, чем работа... Вот во дворе...

– В ограде, – поправил священник.

– В ограде, – поспешно исправился он, – можно даже навес поставить и все складировать... то есть складывать. Вы на закупках в запас много сэкономите, а потом, когда все купите, можно и стройку начинать... Только надо со специалистами сначала посчитать, сколько чего потребуется... И молдавскую бригаду не берите.

– У нас свои строители, – сказал священник, – уж простите, у нас в этом правила отдельные.

Тут N почему-то почувствовал, что от этого человека, чье длинное обтекаемое тело в длинной ровной одежде, испачканной опилками, колыхалось мерно и непрерывно, а глаза при этом смотрели внимательно и спокойно, от этого человека не надо обороняться, потому что, в отличие от всех других известных N людей, этот не станет прорывать оборону и закрепляться на завоеванном плацдарме, ему в принципе все равно, открыты или закрыты границы N – границ этих для него вообще не существует, видимо.

Он приезжал раз в неделю, потом два, постепенно взял на себя всю организацию ремонта. Потом придумал, как оповестить не только окрестных старух, но и нескольких более или менее совестливых московских коллекционеров, что храм открыт и нуждается в иконах. Потом полностью оплатил золочение куполов...

При этом N так и не покрестился, все смущался, как-то невнятно говорил батюшке, что тайно был крещен в детстве, а второй раз вроде бы не годится... И, даже входя в церковь, не осенялся крестным знамением, а только обнажал голову или, поскольку редко ее покрывал, слегка кланялся, как знакомому при встрече.

С трудом, примерно за полгода, осилил Библию, многое пропуская и никак не понимая, что священного есть в бесконечных повторах и поименных перечислениях давно умерших людей. Однако Евангелия перечитывал, так что вскоре запомнил их хорошо и особо помнил разночтения у евангелистов... Однажды, перечитывая Марка, заплакал в том месте, где «давали Ему пить вино со смирною; но Он не принял», потому что отказался Распятый от обезболивающего уже на кресте, при закатной жаре... Слезы утер, смутившись, хотя был в это время совершенно один.

Впрочем, после этого купил в церкви серебряный копеечный крестик и шнурок, стал носить.

Так оно и шло, покуда он не принял окончательного решения, которое, как все окончательные решения, возникло будто бы само собой, непонятно, в какой именно момент — вот только что еще ничего не определено, а вот уже все ясно, как будто всегда так было. Странно, что не приходило в голову раньше. Настолько все просто, исчерпывающе, окончательно, что по-другому и быть не может..

Но кое-что его смущало.

* * *

С этим он сейчас и ехал сквозь дождь, который уже совсем бесновался.

* * *

Ворота были открыты.

Священник, косо загораживаясь от струй, несущихся под ветром параллельно земле, черным старым, с изломанной высывающейся спицей зонтом, вышел навстречу и, как опытный водитель, приглашая и остерегая выстав-

ленными ладонями, помог ему запарковаться в ограде.

– Вот, батюшка, – все еще стесняясь этого обращения, прокричал N сквозь дождь, – я на нее, на машину, гендоверенность сделал, а то полностью оформлять – геморрой, а гендоверенность за деньги сделали без проблем...

Он совсем смутился от того, что говорит такими отвратительными словами, но другие как-то забылись.

– И еще вот что, – спешил он, – там средства... в общем, тремя траншами на реквизиты, которые вы дали...

Они уже стояли на паперти, под крышей.

– И еще вот, – наконец осмелился он сказать главное, с чем ехал, – я насчет своего решения... Понимаете... батюшка, я ведь это решил... ну, только для себя... то есть никакой жертвы в этом нет, понимаете?.. Я просто спрятаться хочу, спастись... А то ведь достало все.

– А вы не думайте, – священник улыбнулся, – вы не думайте ни о чем, вот и все. Спасти хотите? Ну, и правильно. Всегда люди в храмах от мира спасались, а если от мира не спасешься, душу-то трудно спасти. Я вот тоже только здесь и спасся. Знаете, кем я был? Ой-ё-ёй!.. На флоте когда-то служил, кавторанг, представляете, бригада ракетных катеров... Ну, да что ж теперь говорить. Будем вместе спастись, а?

Минуту прожил без греха, вот и спасение... Там ваша комната, мы вчера туда поставили мебель кой-какую, хотите посмотреть?

Священник открыл узкую створку справа от больших церковных дверей, и N заглянул внутрь. Он увидел кровать с ободранными деревянными спинками, фанерную тумбочку, раскоряченный стул в рваной обивке и гардероб с косо отворенной дверцей. На стенке висел древний дачный литой раковина с пипкой, под ним на табуретке стоял зеленый эмалированный таз. И только темная до неразличимости икона в углу отличала помещение от обычного номера в райцентровском доме приезжих.

– А туалет тут недалеко, возле рынка, – сзади донесся голос батюшки, – и баня у нас в поселке хорошая, работает через день... Вот. К утрене в ограде приберете, ну, и ночью прислушайтесь. Хотя мы на сигнализации в милиции, так что тут безопасно... Располагайтесь.

Он обернулся, и на секунду они замешкались, священнику пришлось отступить спиной, чтобы N вышел из своей комнаты. Они снова оказались на паперти, недавно на деньги N покрытой плитками скользкого искусственного мрамора. Он шагнул к приоткрытым церковным дверям, впервые занеся руку, чтобы перекреститься...

А ранним влажным утром он уже мел в ограде и думал о том, что дождь всегда будет растаскивать строительный мусор и тут совком и метлой действовать глупо, надо придумать что-нибудь, как-то рационализировать это дело, думал он.

И больше не думал ни о чем.

МНЕ ОТМЩЕНИЕ

Самым подходящим во всех отношениях местом был офис.

Обычно к середине дня наступало затишье, народ в кабинет уже не ломился. Лида, работавшая с У с самого начала, то есть уже лет двадцать, поворачивалась на крутящемся кресле спиной к дверям приемной, ставила на маленький столик рядом с компьютером чашку чаю, аккуратно обедала бутербродами с сыром. Пошла она в секретарши из учительниц, когда все рухнуло, а ей, одинокой училке, было уже сильно за тридцать. Крепкая закалка советского педагога помогла ей сохранить ровную строгость и непоколебимую официальность в мате и оре, постоянно летевших из кабинета У и, казалось, вообще заполнявших любое пространство вокруг этого человека. Называли ее все Лидией Григорьевной, только десяток ветеранов, не покидавших «банду» все это двадцатилетие – или покидавших, но вернувшихся

с раскаянием, — позволяли себе «Лидочку», но «вы». Сам У никаким именем к ней не обращался, указания, краткие и невнятные, поскольку У слова недоговаривал и умело употреблял самый новомодный жаргон, отдавал без обращения и на «ты». Она кивала: «Да, Виктор Олегович», но некоторые избранные своими ушами слышали, что иногда она к нему обращается тоже на «ты» — впрочем, удивляться можно было только тому, что именно она позволяла себе такую некорректность, прочие-то, вся контора до последнего клерка, «тыкали» президенту совершенно спокойно. Поддерживался как бы революционный, романтический стилек девяностых, и вроде никто его сознательно не консервировал, он самовоспроизводился из воздуха конторы. И ведь стены уже были новые, голубые стеклянные стены новостроенной башни, в которую переехали из легендарной бывшей школы; и народ обновился молодежью, по возрасту годящейся в дети тем, кто теперь в тяжелозадах лимузинах съезжались на совет директоров, а когда-то, тридцатилетними, заваривали всю кашу вместе с юным У, кудрявым и наглым; и вокруг башни шла другая, совсем не романтическая жизнь — а компанию свои люди по-прежнему называли «бандой», друг друга Кольками, Юрками и Ленками, матерились через слово и по утрам рассказыва-

ли, кто сколько и до какого беспамятства вчера бухнул.

Надо прийти в обеденное время, подняться по пустым лестницам – народ толпится, ожидая лифтов, – и, поднимаясь, позвонить на прямой. Услышать «алё» и удостовериться, что У на месте. Потом рывок на один лестничный марш вверх, распахнуть дверь в приемную как бы с ходу, как бы торопясь по делу к назначенному часу, бросить на ходу «Лидочка, привет», открыть тяжелую дверь в кабинет.

И пока У будет неохотно отрываться от компьютерного экрана и поворачивать голову, чтобы увидеть, кто вошел, надо успеть вытащить пистолет.

* * *

Н никогда прежде не задумывался о таких вещах.

Как многих чувственных (что было, то было) людей, его не терзали сильные страсти. Вероятно, именно его равнодушные люди и принимали за доброту. Во всяком случае, у него была репутация очень доброго парня. Все, кто его знал, были уверены, что никогда и ни за что Н не причинял и не причинит никому зла сознательно, разве что нечаянно, не желая то-

го. И даже многочисленные его женщины, которых N не то чтобы разлюбил, а и не любил никогда, оставленные им из неосознанного страха любви, — даже они считали его, конечно, не слишком достойным, но и уж точно не злым, поскольку боль они испытывали из-за него, но явно не по его желанию. Его б воля — N бы их всех осчастливил, только без его участия. У него и выражение такое было: «Отдаю в хорошие руки, ласковая, к чистоте приучена»... Товарищи, сослуживцы и просто собутыльники тоже среди его достоинств — было их немало, например, быстрый ум, точность, добросовестность в любой работе — главным числили доброту. Всегда был готов помочь, хотя, если присмотреться, помощь его обычно была такая, которая от него больших усилий и тем более жертв не требовала. Особенно легко помогал деньгами, которые у него водились уже давно, еще когда они мало у кого были. И, что особенно часто ему ставили в заслугу, никому гадостей не делал, интриг не плел. А что ему никогда и не хотелось ничего такого делать именно по равнодушию и безразличию, то об этом никто или почти никто не задумывался.

Только одна женщина считала его отвратительным человеком, предателем и подлецом, который если специально и не толкнет, то по

слабому и упавшему пройдет без угрызений совести. Но женщина эта была его женою, а от обиженной жены муж всегда может услышать дурную правду про себя, считай весь остальной мир его хоть святым.

* * *

Однако план убийства в офисе имел существенный недостаток.

Еще в буйные, взрывоопасные времена, когда только переехали в башню, внизу поставили рамку металлодетектора, а рядом с нею маленький столик для выворачивания сумок, портфелей и рюкзачков, с которыми ходили большинство задержавшихся в юности служащих. Охрана, сплошь состоявшая из сдержанных сорокалетних мужиков хорошей выучки, начала пропускать сквозь рамку и обыск даже своих, с постоянными электронными пропусками. Мимо рамки шли только высшие начальники, они не прикладывали и пропуска к глазку электронного турникета — охрана здоровалась с именем-отчеством, дежурный нажимал невидимую кнопку под конторкой рецепции, и стальная палка турникета бессильно повисала, открывая проход.

Только на это и можно было рассчитывать.

Правда, в некоторых случаях У лично распоряжался немедленно отобрать у изгнанного пропуск и предупредить охрану, более того – особо нежелательных вносили в черный список, им навсегда запрещалось входить в башню, и даже если кто-нибудь, по неведению, заказывал такому отверженному разовый пропуск, то охрана заявку не принимала. Но N в такие подробности башенного быта не вдавался, так, долетали какие-то слухи. Год за годом N проходил через сам собой открывавшийся турникет, удостоверение с магнитной полосой лежало в забытом отделении бумажника, портфель для досмотра никогда не раскрывал – только кивал охранникам и улыбался девушке, сидевшей рядом с дежурным у телефона на предмет приема и передачи пакетов.

Теперь N надеялся пройти таким же образом, поскольку приказ еще мог и не обрести распоряжениями начальника службы персонала об исключении из телефонного списка и начальника службы безопасности – об изъятии пропуска. А на слухи, не подкрепленные распоряжениями, охрана не реагировала, слухи ходили постоянно всякие.

Надо только идти быстро, уверенно, как бы промелькнуть, как обычно шли все топ-менеджеры, вечно опаздывавшие на какое-нибудь совещание. Быстрым, сосредоточенным шагом

три метра от машины, вкось остановившейся перед крыльцом, чтобы немедленно уехать на внутреннюю начальническую стоянку. Два метра по вестибюлю. Слегка боком, одновременно кивая охранникам, сквозь открывшийся сам собою турникет. И к лестнице, по которой для тренировки поднимался и раньше, как многие опять же начальники, — чтобы не ждать лифта и не ехать в забившей кабину толпе.

Если же остановят...

«Если» разрушало весь план. Более того — в этом случае вряд ли удалось бы повторить попытку в других обстоятельствах, по другому плану, служба безопасности насторожилась бы и приняла бы все соответствующие меры.

Служба эта с первых дней существования «банды» была предметом самых серьезных забот высшего начальства, принимали исключительно бывших офицеров ГБ, причем начальник службы подбирал всю компанию из тех, кого хорошо знал лично. Только однажды, в тот безумный год, когда неведомо откуда появились в башне вице-президенты и директора с манерами брайтонской шпаны и диким одесско-американским акцентом, принципиально изменилась и служба безопасности. Возникли какие-то одутловатые бритоголовые молодые люди в черных костюмах мешком, их стало невообразимо много, они болтались по этажам,

мозоля глаза спиральными заушными проводками и непрерывно что-то бубня как бы в пространство. Контраст с аккуратными проборами, строгими пиджаками и незаметностью гэбэшников был неприятный. Назывались эти явные «быки» ЧОП «Молния». Но вскоре, вслед за неудачно и ненадолго внедренными американскими начальниками, исчезли и они. Один из этих отмороzków сделал замечание начальнику отдела информационного обеспечения, курившему в неполюженном месте. Ходил начальник отдела в лияялой майке и драных джинсах, так что выглядел трудным подростком, а не менеджером с зароботком далеко за сотню в год. Он твердо послал дурака куда следовало, тот, естественно, скрутил подонка... На этом все и кончилось, и через два дня отставные рыцари плаща и кинжала снова стояли на своих местах и здоровались, с кем положено, по имени-отчеству.

Они вполне могли уже получить распоряжение, которое выполняют точно, можно не сомневаться. И хорошо, если У велел занести его в черный список – тогда можно громко обидеться и спокойно уйти, не вызвав никаких подозрений. Вполне вероятно, что охранники и подсочувствуют, если они вообще обсуждают между собой такие вещи – надо же, столько лет проработал человек руководителем, а теперь

не пускать, как врага! М-да, Виктор Олегович чудит... Гораздо хуже, если просто скажут – будьте добры, в рамочку... и портфель, пожалуйста... и когда будете уходить, сдайте, пожалуйста, пропуск... Тогда только развернуться и бежать, быстро уходить. А служба безопасности заинтересуется, и даже копать им не придется – разрешения на оружие они и пробивали когда-то для всего начальства. Подумают немного и примут превентивные меры, и уже близко никогда не подойдешь к У.

И придется так жить дальше.

* * *

Все тогда и началось, в тот год, когда пришли эти американцы с комическими, как псевдонимы провинциальных актеров, фамилиями и чужими именами, все эти алексы славски и джеймсы алмазофф.

Вспыхнула война, У вел ее упорно и зло, американцы вяло отмахивались, будучи, видимо, не готовыми к такому сопротивлению – вероятно, затеявшие все это ребята из администрации не предупредили их о том, что предстоит схватка с беспредельщиком, сохранившим до пятого десятка упорство и злость капотненского хулигана. И все остальное ста-

рое руководство тоже держалось крепко. «Банда» целиком включилась в борьбу, действуя партизанскими методами неожиданных вылазок и саботажа: вдруг, не сговариваясь, проваливали голосование на совете директоров или единодушно, но ничего не объясняя, просто не замечали очередного американского нововведения и вели дела так, будто никаких реформ нет и не было.

А N устранился.

То есть не то чтобы прямо и открыто перешел на сторону врага, но просто работал так, будто ничего не произошло. На совещаниях в основном помалкивал – как, впрочем, уже и все последние годы, – если же высказаться было необходимо, выступал исключительно с позиции здравого смысла, а не заведомо против всего, что исходило от чужаков. Больше всего N хотел мира, потому что боялся развала компании, к которому должна была привести война, как привели подобные войны к развалу других компаний. А развала компании N, не обманывая себя, боялся не из высокого чувства корпоративного патриотизма, а просто дорожа собственным положением. Все эти отважные инсургенты из «банды» не боялись ничего, потому что им и нечего было бояться – тылы у всех подстрахованы, паспорта в карманах, счета даже не в Цюрихе, а на

далеких островах, семьи в случае чего и сами проживут, у некоторых жены зарабатывали не меньше...

А его деньги, почти все, уже давно уходили в маленький немецкий город, где в уставленной цветами палате лучшей и самой дорогой в мире клиники для таких больных восьмой год жила его жена, и он был виноват в том, что она живет там.

* * *

И вот, когда началась война «банды» против, как говорили в коридорах, «американского империализма», N испугался насмерть. Чем бы ни кончилось, N терял все. Если победят американцы, его выкинут вместе со всей прежней верхушкой, если одолеет Y, ему не простят коллаборационизма, если выйдет ничья, в результате которой руины достанутся затеявшему операцию и наверняка планировавшему именно такой результат чиновному воронью, его выбросят вместе со всеми участниками битвы, как расходный материал.

Все же тихое пережидание показалось ему самым безопасным – возможно, потому, что оно соответствовало его характеру. N действительно не чувствовал искренней ненависти к чужа-

кам, не ощущал кровного родства со своими, но и не мог решительно переметнуться, как-то неловко было...

А потом американцы просто рассосались, исчезли. Черт их знает, почему – возможно, изменились планы на самом верху.

И У принялся раздавать награды и казнить изменников.

Однако ж уничтожить его было не так-то легко даже для У. Потому что он был как бы талисманом «банды».

* * *

Их знакомство началось в те времена, когда никто и вообразить не мог, что когда-нибудь жизнь повернется таким образом. В странные, полупьяные, полные безнадежного веселья семидесятые годы У пришел в НИИ и сразу, как тогда говорили, проявил себя, особенно на фоне общего безделья и презрения к карьере. Серьезный молодой ученый по-настоящему занялся порученной темой, хоть и не самой заметной в институте, но требовавшей и хорошей теоретической подготовки, и умения организовать работу маленького коллектива, лаборантки и механика, отвечавшего за оборудование. При том, что с механиком У сразу принялся необуз-

данно пить каждый рабочий день, точнее, вечер, а с лаборанткой немедленно началось, как сам выразался, «использование в служебном положении»... Уже года через два у У была прочная репутация безобразника, пьяницы, но почти гения.

А N к тому времени имел не менее прочную репутацию одаренного, но не слишком, старательного, но не сверх меры, вполне приличного специалиста и доброго малого с единственной слабостью – по женской части. Пил, как все, но не больше и без скандалов. Любую работу делал быстро и хорошо, но всем было понятно: не в работе его счастье. Впрочем, женщины, имевшие основания судить, считали, что счастье его и не в женщинах: вроде бы и готов в любую минуту и почти с любой, но без приложения особых усилий, по обстоятельствам. Да N и сам не совсем понимал, в чем его счастье, а твердо знал только одно: и не в счастье дело.

Они были знакомы, но не более того – разница в возрасте и, главное, в образе жизни мешала сближению. Приятельствовать начали лишь на заре новых времен, когда выяснилось, что оба готовы к тому, к чему мало кто был готов.

Вдруг обнаружилось, что У способен быстро и толково разобраться в бесчисленных документах, необходимых для создания кооперати-

ва, понимает, что такое платежка, и вообще умеет обращаться с деньгами большими, чем мэнээсовская зарплата – хотя прежде и ее-то пропивал за неделю.

А N оказался сведущ не только в тематике своей лаборатории, но и всего института и сумел выделить в ней то, на что неизбежно должен был возникнуть спрос.

И они объединились, и вскоре научный кооператив «Керосинщик», названный ими так и в честь законченного обоими вуза, и в память о бестолковом пьянстве недавних времен, стал оказывать весьма существенные консультационные услуги тем, кто сумел сбросить ослабевшую руку власти с нефтяного вентиля. Организация добычи, транспортировки и переработки...

К середине девяностых Y был не в первой десятке, но и не в последней сотне богатых людей страны.

А N так и остался высокооплачиваемым специалистом – высокооплачиваемым даже по новым меркам, но не более.

«Старый, – сказал ему однажды Y, – знаешь, почему у меня бабла до хера, а у тебя так себе?»

N молчал с обычной своей, несколько кривой и поднимавшей брови уголком усмешкой, ожидая от Y ответа на риторический вопрос.

«А потому, — как всегда, проглатывая окончания слов и слегка картавя, закончил Y, — что я и хочу до хера, а ты так себе! Всосал?»

N не обиделся — слишком давно они знали друг друга, чтобы обижаться на правду. Тем более что Y, несмотря на такое тонкое понимание равнодушной натуры своего приятеля и служащего, платил ему хорошо и помогал всегда, когда требовалось.

В Германию жену N отправлял тоже Y. У самого N тогда с деньгами было не очень — только что купили дом, слишком дорогой по его доходам, а тут как раз ударил кризис, так что отдать Y долг за первый год пребывания жены в больнице N смог нескоро.

* * *

И вот, когда американцы сгнули, Y вызвал его и, глядя прямо в лицо круглыми, карими с рыжеватым оттенком глазами, предложил уйти.

«Бабки на выход получишь, — сказал Y, — какие тебе положены, и давай, вали».

N так и стоял у двери, не успев сесть, хотя всегда садился, не дожидаясь приглашения.

«Ты, сука, — тут Y заорал, как обычно орал, матерясь, — меня тоже хотел кинуть, как бабу

свою! Но меня ты хер кинешь, понял?! Ты, предатель сраный, ты пожалеешь, я тебя теперь достану до конца, ты мне теперь враг!»

Было похоже, что, вопреки своему правилу, У крепко выпил в рабочее время.

Н вышел, не ответив.

* * *

Заявления N не подал, и все продолжалось, как будто и не было этого бешеного, полного истинной злобы крика.

N понимал, что случилось с У, — слишком много и тесно У в последние десять лет общался по делам «банды» с настоящими бандитами, а у этого народа не было более страшного обвинения, чем предательство. Они находились в постоянном состоянии войны друг с другом и с миром вообще, а на войне нет ничего ненадежнее союзничества и опаснее предательства. Обычную хитрость и прямой обман могли простить, отчаянная драка могла завершиться разумным миром, и противники возобновляли вполне нормальные отношения — но предавший союзник, и особенно друг, переходил в разряд вечных кровных врагов и подлежал уничтожению при любой возможности.

Конечно, следовало бы уйти и найти какой-нибудь другой источник денег, но N не решался. Время – да и возраст – были уже не такие, чтобы начинать свой новый бизнес, а ни в одну команду не возьмут: история ссоры с Y уже, естественно, была всем известна, и крики Y известны дословно, как становилось каким-то образом известно все, что происходило в башне. Предателей, сливавших информацию, Y регулярно грозился найти и истребить, но без результата... И никто не возьмет на работу, да еще в руководство – а не в руководство тем более, да и N не пойдет – человека, которого Y объявил личным врагом. Не то чтобы Y боялись, но считались с ним, справедливо признавая деловой дар, да и вообще – кому нужен лишний геморрой? Хоть бы речь шла о каком-нибудь выдающемся персонаже, а то – ну, специалист, ну, хороший специалист, ну, мужик вроде добрый и порядочный – так что? Да и насчет порядочности... Может, зря его предателем Y назвал, а может, и не зря...

И N остался. На совещаниях уже сидел вообще как глухонемой, в остальное время из кабинета выходил редко, свои направления вел, стараясь не принимать никаких решений, которым не было бы прецедента – чтобы не создать проблему и не столкнуться с Y. В сущности, N вполне мог простить Y все, что было в том ис-

терическом вопле, все, кроме упоминания жены. Потому что и у него в уме как-то так получалось, что ведь действительно предал ее, кинул, хотя какое предательство, когда человек просто заболел..

И за все это N искренне и сильно желал Y смерти.

* * *

Понемногу N стал замечать, что его все реже зовут на совещания, потом обнаружил, что не позвали и на совет директоров. И как раз решались его вопросы.. Лида, глядя в стол, взяла вину на себя: «Простите, я упустила, Виктор Олегович очень меня ругал..» Было совершенно ясно, что Виктор Олегович выводит его из дела и ждет момента, чтобы выкинуть вон окончательно. Просто уволить одного из отцов-основателей, видимо, все еще не решался..

Так прошел еще год.

Однажды, на исходе этого года, столкнувшись на лестнице, его зазвал к себе директор по планированию и развитию, молодой джентльмен из последнего призыва «банды», говоривший по-английски лучше, чем по-русски, и приезжавший на службу в деловом костюме, но на роликах – в общем, новая генерация. Завел в ка-

бинет, налил виски из скрытого в глобусе бара, себе водички без газа – и молча раскрыл перед ним папку.

Из документов, аккуратно подшитых в папке, безусловно следовало, что в ближайшее время против него будет возбуждено уголовное дело. Увод от налогов неких сумм, причем не из его личного дохода, а из денег компании, передача других сумм сложными способами и по длинной цепочке неким должностным лицам, тоже вроде бы не в личных интересах, а в интересах компании.. И прочие обычные дела. На всех бумагах действительно стояла его настоящая подпись, и подписание бумаг этих входило действительно в его круг обязанностей, но N теперь никак не мог сообразить, о чем же он думал, читая и подписывая весь этот кошмар.

«Вы понимаете, – мягко сказал роликобежец, когда N закрыл папку, – что компания, чтобы отделить себя от этого... этих недоразумений, должна сейчас же начать корпоративное расследование... в общем, вы понимаете? И у нас есть обязанность передать результаты соответственно... вы понимаете?»

«Я понимаю, – N стоя допил виски и поставил стакан прямо на середину последнего документа. – Я все понимаю, сынок».

* * *

А ночью, когда N сидел уже, кажется, за второй бутылкой и ждал беспамятства, позвонили из Германии.

Звонил врач, говорил по-английски.

На вопрос о жене ответил не сразу, да, да, ей было не совсем хорошо, но теперь лучше, и она спит после укола.

Я позвоню ей утром, сказал N, передайте, что утром я ей позвоню.

* * *

Был еще вариант с клубом.

Все знали, что Y бывает в этом клубе ежевечерне, точнее, еженощно, закончив часам к одиннадцати все дела. Собиралась там компания людей, одним из которых хотел бы, видимо, быть и сам Y, – сравнительно молодые актеры, музыканты, вообще люди шоу-бизнеса, ставшие известными уже в новые времена, когда, собственно, и появился шоу-бизнес, объединивший тех, кого раньше называли «творческой интеллигенцией», а когда-то, давным-давно, «богемой». Каким-то необъяснимым образом это слово, «богема», и сейчас выплыло, рядом с неромантическим «шоу-бизнесом», вместе с выплывшими оттуда же, из древней

истории, «барышнями», вполне уживавшимися рядом с «телками». Вот человеком богемы и хотел быть У. И внешне, по крайней мере, уже вполне был богемой, и даже носил более богемную одежду, чем сама богема, и придавал своему, заурядно простому, если присмотреться, лицу даже более дерзкое и пофигистское выражение, чем самые дерзкие художественные пофигисты... Его вроде бы принимали за своего, все здесь были приятели, дружбаны, однако как-то не забывалось, что его у подъезда ждет длинный «мерс» с круглосуточным шофером. Или, может, все забывали, а сам У помнил? Но и отказываться от машины и шофера было глупо и пошло, а пошлости У никак не допустил бы.

Вот в этом клубе, с этими дружками У и напивался каждую ночь, сильно, но не мертвецки, в машину садился сам. И ехал поспать часа четыре, и наутро в башне всегда появлялся вовремя, за полчаса до начала официального рабочего времени. Здоровье внутри совершенно неатлетического тела У сохранил железное, никогда не похмелялся и никогда – или почти никогда – не пил в течение дня.

Клуб среди бандитских мест не числился, народ там бывал хоть и сильно пьющий и даже буйный, но к настоящему насилию не склонный. Поэтому у входа стоял всего один охранник, а рамки металлодетектора не было вообще.

Так что с проносом пистолета никаких проблем не возникло бы.

Зато могли возникнуть просто с проходом в заведение. N был там всего раза три, охранник не мог запомнить его как завсегдатая, а потому обязательно начал бы выяснять – вы куда, к кому, а столик заказывали, а если не заказывали, то мест нет... Конечно, можно было бы и заказать столик, однако не исключено, что в этом случае возникла бы еще одна проблема: служба безопасности «банды» наверняка находится в контакте с администрацией клуба, чтобы не мозолить глаза Y, но и контролировать ситуацию, знать, что посторонних ночью не будет. Его фамилия могла бы их удивить.

Тем не менее вариант с клубом был в принципе не хуже, а в чем-то и лучше варианта с офисом, и N оставлял клуб на тот случай, если в башню просто не пустят – простите, есть указание... Тогда следует заказать на этот же вечер столик, в конце концов, на любую фамилию, вряд ли секьюрити будет проверять документ на предмет соответствия заказу.

* * *

Если бы ему сказали, что все его планы построены на логике сумасшедшего и вообще N сошел с ума, N, вероятно, согласился бы.

Н действительно чувствовал, что в голове его что-то изменилось, изменились даже те неуловимые ощущения, которые всякий человек испытывает, сосредоточенно о чем-нибудь размышляя, – почти неуловимые, но все же ощущения... Однако, вполне осознавая эти перемены как безумие, Н в то же время никак не мог заставить себя думать по-другому. И его логика в одно и то же время представлялась ему и нелепой, и железно неопровержимой.

* * *

Утром жена позвонила сама. Очень громко – возможно, это усиливала немецкая телефонная связь – и совершенно без интонаций она сообщила, что остается в Германии навсегда. Виза у нее до конца года, на ее счету достаточно денег, и ей уже пообещали, что она сможет помогать нянькам и сиделкам в той работе, для которой не нужна квалификация. Н начал что-то говорить о другом счете, которым она тоже может пользоваться, но услышал в трубке пустоту, а потом гудки.

В предыдущий раз точно то же самое она говорила по телефону полгода назад.

* * *

Проще всего было бы с утра заехать в банк, распорядиться насчет перевода всего, что оставалось, на тот самый счет жены, потом вернуться, открыть маленький сейф в стене, в котором уже давно ничего не хранилось, кроме похожей на ноутбук коробки из твердого серого пластика, а внутри коробки, в фигурном гнезде, лежал пистолет, потом налить последний стакан до краев... Нет, не надо пить.

И все.

Это было бы проще и разумнее всего, но логика, проклятая логика и еще какая-то странная, не требующая доказательств уверенность убеждали его в том, что так ничего не закончится.

Чтобы покончить со всем по-настоящему, надо было обязательно сначала убить Y. А уж потом...

* * *

С вечера N сказал шоферу, что завтра будет ездить сам. Парень, глядя прямо перед собой, молча кивнул, в кивке было сомнение – в зеркало видел, как хозяин вытащил фляжку, при-

сосался к горлышку, потом, не закрывая, бросил фляжку на пол...

Теперь действительно ехал с трудом, глаза закрывались, в маленькой пробке у поворота к башне даже задремал на секунду. Не чувствовал абсолютно ничего.

Подъехал к воротам тем не менее совершенно свежим, физически бодрым, как будто впереди был обычный день. Аккуратно поставил машину, вышел, сделал два шага ко входу, все так же ничего не чувствуя, кроме некоторой озабоченности – впереди было трудное дело, а перед трудным, но понятным, определенным делом N всегда чувствовал себя слегка озабоченным, но спокойным.

* * *

Делая третий шаг, N увидел, что из-за угла навстречу ему к воротам поворачивает непропорционально длинный, как такса, «Мерседес». На таком из всей «банды» ездил только Y.

Не переставая говорить по телефону, Y высунул длинные ноги из проема задней, во всю ширину распахнувшейся двери и с некоторой натугой вылез весь. С крыльца уже спускался навстречу охранник, из остановившегося позади джипа выскочили еще двое.

Увидев его, У на секунду остановился, на секунду же, видимо, забыв, что произошло вчера.

* * *

Охранники ничего не успеют, подумал N, ни скрутить меня, ни выстрелить. Вот тебе и все планы, подумал N, мне помогает случай или кто-то там еще, значит, все правильно, я все правильно решил. N сделал еще два шага по направлению к У.

* * *

У теперь смотрел на него с раздражением, в котором было и ожидание неприятного разговора, и презрение к этому ничтожеству, способному еще выяснять отношения, и даже недовольство собой – тем, что допустил такую ситуацию...

* * *

Спокойно полезть в карман, будто за сигаретами, спокойно вытащить руку с пистолетом, выстрелить два раза и успеть сделать третий выстрел, когда они кинутся к У.

* * *

Н сделал еще один шаг.

Лицо У изменилось, раздражение начало превращаться в недоумение.

* * *

И тут Н понял, что никто ему не помогает – наоборот, кто-то оставил его один на один с этой минутой.

* * *

Минута истекала.

* * *

«Прости меня, Витя, – сказал Н к концу минуты и обрадовался, услышав, что говорит именно то, что хочется сказать, – прости».

* * *

Н с удивлением посмотрел на вытащенный из кармана пистолет, разжал пальцы и услышал короткий стук от столкновения металла с асфальтом.

* * *

Ничего нельзя закончить, думал N, ничто не кончается так, не может быть, чтобы кончалось так просто. Не я это закончу, думал N, и не Y, и никто из нас не может закончить, потому что не мы начали.

* * *

День был солнечный, но ветреный, тени веток и листьев быстро ползли по асфальту.

И казалось, что это мелкая вода плещется под ногами.

НОЧЬ ПУТИ

Действие происходит в начале семидесятых.

То есть около сорока лет назад.

Да, жизнь моя теперь измеряется непостижимыми цифрами...

Я служил тогда старшим литсотрудником – были такие должности в наших периодических изданиях – газеты «Гудок», органа Министерства путей сообщения СССР и Центрального комитета профсоюза железнодорожников. Как многие знают, в ней примерно за полвека до меня служили другие молодые люди, ставшие потом советскими литературными классиками, а тогда безвестные приезжие с юга Ильф, Петров, Булгаков, Олеша... Этому их скоплению имелось совсем не метафизическое, а практическое объяснение: могучее транспортное ведомство располагало огромными возможностями, потому в железнодорожную газету брали кого попало, в том числе бесприютных и не совсем пролетарского происхож-

дения южан, в основном веселых и пронырливых, втаскивавших друг друга одесситов — лишь бы могли ловко переписывать произведения рабочих корреспондентов. Будущие гении откровенно халтурили, в чем можно убедиться, обратившись к подшивке газеты за двадцатые годы, но при этом получали вожделенную комнатку-пенал в общежитии (см. «Двенадцать стульев») и приличные по их меркам деньги. Так вот: «Гудок» оставался и в мое время удивительной газетой по той же причине, туда по-прежнему брали на работу тех, кого ни в какую уважающую себя советскую газету не взяли бы, — евреев, беспартийных, разведенных, пьяниц горчайших... Работать в «Гудке» среди советских журналистов считалось непрестижным (не тогдашнее слово, а тогдашнее забыл), но таким отщепенцам, как мы, ходу в журналистике все равно больше никуда не было, да мы и не стремились. Платили в железнодорожной газете, между прочим, вполне неплохо и даже раз в год-два жилье кому-нибудь давали.

Впрочем, отвлекся. Старики, стоит им начать что-нибудь вспоминать, обязательно отвлекаются на всякую ерунду, которая им кажется забавной и поучительной, а слушатели томятся, стесняясь перебить или просто встать и уйти.

Так вот: сидел я однажды часа в четыре душного летнего дня в комнате на третьем этаже «Гудка». Нет уже того «Гудка», бизнес-центр с гостиницей на этом месте. Да... В высокое старинное окно шпарило солнце, со двора доносились голоса рабочих, выкатывавших из грузовика огромный рулон бумаги для типографии, располагавшейся с дореволюционных времен в этом же доме, а в соседней комнате коллеги готовились выпивать, оттуда слышен был возбужденный гомон – все заметки в номер сданы, наставала пора ежедневного пьянства. Собрался было и я присоединиться к прочему народу.

Но тут открылась дверь, и вошел незнакомый человек, то, что у нас называлось по-железнодорожному «товарищ с линии», жалобщик или, наоборот, автор письма-заметки, желающий воспеть успехи родного депо. Тут надо пояснить, что и в те времена не пускали в редакции газет и журналов кого попало, хотя металлодетекторов, конечно, не было. Установили охрану после того, как один непризнанный изобретатель отрезал голову главному редактору технического журнала прямо в кабинете. Буквально ампутировал и вышел со словами: «Теперь он не будет мешать техническому прогрессу»... Ну, и установили всюду охрану. У нас, в «Гудке», она представляла собой старуху

в вохровско-железнодорожном берете, сидевшую у входа в роскошном, но очень драном старинном кресле. Я это кресло уже собирался спереть, а старухе взамен принести обычное, современное, но тут приехали люди и забрали кресло в музей, потому что оказалось, что оно принадлежало тетке Грибоедова. Вот бы я теперь сидел и писал этот рассказ в грибоедовском кресле!..

Опять отвлекся, черт!

В общем, старуха пускала в редакцию вообще-то любого, но с предварительным звонком сотруднику, к которому визитер хотел пройти.

Поэтому я слегка удивился, когда в мою комнату без предупреждения вошел тот человек. Вероятно, подумал я, он заблудился, шел в отдел пропаганды и культуры (был такой, честное слово!), а попал ко мне. Почему культуры или, на худой конец, пропаганды? Потому что человек этот никак не мог быть принят за железнодорожника, а, пожалуй, за провинциального учителя или иного мелкого служащего с гуманитарными наклонностями. Он был высок, худ и сутул, некрасивые даже по тогдашним советским меркам очки кривовато сидели на толстом носу, длинные уже не по моде, растрепанные волосы не прикрывали порядочную плешь – в общем, не красавец, а явный интел-

лигент. На взгляд ему можно было дать под шестьдесят. Одет он был так, что я теперь вспомнить никак не могу, да и тогда сразу забыл.

– У вас что? И вообще – вы ко мне? Может, вам в отдел пропаганды надо? У вас какой вопрос, товарищ? И как вас внизу пустили?

Говорил я с ним, признаюсь, по-хамски, поскольку меня, как любого редакционного профессионала, жгла ненависть к графоманам, чайникам. Нам они были чайниками, а контролирующим партийным инстанциям – трудящимися. И попробуй скажи что-нибудь прямое такому с общей тетрадкой малограмотных рифм или воспоминаний о том, как он трудился в родной путевой дистанции и был награжден за это знаком «Ударник социалистического соревнования»! Попробуй скажи, что стихи его – вообще не стихи, а мемуары не представляют интереса даже для родственников, скажи даже вежливо и сдержанно – тут же полетит жалоба куда следует. Оттуда могут просто указать главному редактору на высокомерие сотрудников, а могут и самого виноватого вызвать к куратору – вплоть до цековского, с длинным оформлением пропуска во втором подъезде...

Он смотрел на меня сквозь свои довольно толстые стекла почти без выражения.

– Вы сразу про все спросили... – Голос у него был неожиданно низкий, довольно красивый, даже, я бы сказал, поставленный, говорил он спокойно. – Я сразу и отвечу: я хотел бы устроиться на работу, к вам, в... это... в «Гудок». Корреспондентом, или как у вас называется? Мне очень нужно, понимаете? Мне знакомые сказали, что здесь у вас у всех бесплатные билеты на любые поезда, а мне это очень нужно, просто необходимо...

Бог его знает, что было в его актерском голосе такого, что заставило меня не расхотаться и не выгнать его вон сию же секунду, даже рискуя получить за это замечание от начальства. Наглость во мне обычно возбуждает резкое противодействие, глупость – отвращение. Но в этой его смеси наглости и глупости было что-то еще, какая-то третья составляющая.

– Значит, вам очень нужно, – повторил я и совершенно издевательски засмеялся. – А зачем же, позвольте узнать? И заодно уж – кто вы все-таки и почему решили, что можете быть корреспондентом газеты «Гудок»? Вам, простите, сколько лет? И вы хотите стать начинающим журналистом? А чтобы получить необходимый вам билет, надо стать не просто, а специальным корреспондентом. Я вот здесь неплохо работаю уже три года, но даже не мечтаю о такой карьере...

И ведь не могу сказать, что мне его было жалко, что я его щадил – нет, скорее мне было... интересно, вот, пожалуй. Даже если он просто сумасшедший – чем вызван именно такой бред? Зачем ему нужен наш билет «форма 2А», действительно дававший постоянное право на проезд «в любых вагонах любых поездов железных дорог СССР»? Билеты такие у нас в редакции действительно были, но только, конечно, не у всех, а у заведующих отделами (которые никогда и никуда не ездили) и у трех специальных корреспондентов, которые ездили действительно много. Прочие завидовали...

К моему удивлению, он засмеялся тоже. Как-то очень свободно и естественно для чайника он себя вел. Обычно они либо заискивают, либо прут, как танки.

– Да вы не думайте, что я идиот или просто нахал, – отсмеявшись, сказал он. – Хотя я понимаю, что очень похоже... Для чего мне такой билет, я вам не скажу... ну, это личное. Про «Гудок» и эти билеты мне товарищ рассказал, он вообще к железной дороге имеет какое-то отношение, он меня и носильщиком работать устроил, и к вам рекомендовал обратиться, он вас знает, где-то вы встречались, и считает, что вы должны меня выслушать.

Он назвал смутно знакомую мне фамилию, встречались с этим малым мы, кажется, в Дом-

журе, популярнейшем тогда Доме журналистов. Что он имеет отношение к железной дороге, я не знал, и вообще знакомство было шапочным – за знаменитым домжуровским кофе и рюмкой коньяку у знаменитой буфетчицы Тамары Михайловны... Сильная была личность, эта буфетчица...

Впрочем, опять меня в сторону ведет.

– А почему вы носильщиком работаете? – уже с осознанным интересом спросил я, тогда людей с такой внешностью в носильщиках еще не водилось. – Вроде бы интеллигентный человек... Вы кто по профессии?

– Я не вроде, – буркнул он негромко, но с явной обидой, что мне очень понравилось. – Я историк, медиевист, то есть специалист по Средневековью...

– Я понимаю... – тоже с некоторой обидой перебил я. Ишь ты, по-твоему, если журналист, так и слова знает только про соцсоревнование...

– А носильщиком мне работать было во всех отношениях удобно, – продолжал он, не обратив внимания на мою обиду. – Сутки работаешь, двое свободен, и деньги выходят приличные, и время есть – как раз в Питер съездить. Билет достать всегда могу – кассиры помогут, я их всех знаю...

Тут он осекся и сменил направление разговора.

— А что я на вид хилый, то это обманчиво, я выносливый, как верблюд. Да там силы много и не надо, вытащил чемоданы из купе, а дальше — на тележке...

— Зачем же вам надо все время в Ленинград ездить? И зачем вам в «Гудке» работать, если вы и так чуть ли не на десяток билетов до Ленинграда и обратно в месяц зарабатываете? — продолжил я допрос.

К страннейшему этому человеку я испытывал все больший интерес. Был я в те времена полон фантазий, начинал сочинять свою первую повесть, весьма романтическую, и тут мне померещилась какая-то темная история. Я и теперь прежде всего вижу в любой ситуации ее лирическую или криминальную составляющую — и, надо сказать, почти всегда оказываюсь прав. Голод-то само собой, но и любовь до сих пор правит миром, это вы меня не переубедите, хоть все население после каких-нибудь выборов на демонстрацию выйдет — я все равно под всякими «долой!» и «позор!» буду видеть обнимающиеся парочки и карманников с безразличными лицами аристократов...

— Зачем мне в Ленинград ездить... Я же вам сказал, это личная необходимость. Зарабатываю я носильщиком даже не на десять, а на все двадцать билетов в месяц, а то и больше,

при этом деньги мне самому ни на что, кроме билетов, почти не нужны, это верно. Но дело в том, что я носильщиком больше работать не могу...

– Спину потянули? – проявив, как мне казалось, понимание специфики, спросил я.

– Нет, спину я не потянул, – сказал он и замялся. – Видите ли... Мама узнала, что я носильщиком работаю, устроила скандал, а ей я противостоять не могу. Мы живем вместе, то есть я к ней вернулся... то есть я там и прописан, но раньше жил у жены... второй жены... а теперь вот развелся и живу с мамой, а она всегда меня подавляла... Моя мама – старый большевик, понимаете? И квартира ее, и пенсию она получает большую, чем моя зарплата в академическом институте была, и командовать она привыкла, у нее звание было старший майор госбезопасности, то есть можно считать по армейским званиям – генерал... Таскала меня с собой по всем республикам и областям, меня ординарцы кормили, а она грамоте учила по брошюрам резолюций. Я и специализацию историческую потому такую выбрал – подалее от всего этого... А теперь она хочет, чтобы я всегда жил с нею. Думаю, чтобы и умер с нею.

Он замолчал, и я с изумлением увидел, что в уголках глаз у него появились слезы.

– Да, допекла, видно, вас матушка, – сочувственно, но вполне бестактно брякнул я. Однако он, кажется, ничего не услышал: протирая очки, он смотрел в окно, в небо, слезы подсыхали, а думал он явно о чем-то очень далеком от этой тоскливой редакционной комнаты.

Тут мне в голову пришла благородная и одновременно несколько корыстная идея. Часа на два можно отвлечь его от неразрешимых проблем, а заодно выспросить и о «личном», и о матери, закаленной, как сталь, и вообще – узнать в подробностях эту явно небанальную человеческую историю.

– Слушайте, пойдете в Домжур, – предложил я. – Рабочий день у меня давно кончился. Выпьем по паре рюмок, кофе там отличный, из венгерской машины, народ всякий встречается... Сядем в уголке, расскажете мне... ну, что захотите. Обоснуете, например, свое намерение поступить в «Гудок» на работу... Я приглашаю, я и угощаю.

– Угощать меня не нужно, – видно, опять я задел его самолюбие. – Мне под расчет выписали столько, что на любую выпивку хватит. Но в Домжур ваш я не пойду, я там был однажды. Вот именно: всякий народ там встречается, большей частью мне несимпатичный. Мама моего бывшего подчиненного встретил... А выпить с вами я бы охотно вы-

пил, мне правильно сказали, что вы слушать умеете... Только где?

Между тем, пока мы с ним разговаривали, в соседней комнате гуляли вовсю, потом стихли, потом потопали по коридору – разошлись до завтра или потянулись добавлять в «Ветерок», за «Художественным» кинотеатром...

Я предложил ему подождать минуту и пошел осмотреть поле битвы. Как я и предполагал, мародерам вроде меня там было чем поживиться. Нашлись и три бутерброда со слегка заветренной темно-розовой колбасой, и несколько редисок, и, главное, припрятанная кем-то для утреннего опохмела бутылка водки отыскалась в известном месте – в шкафу, за годовыми подшивками. Совесть меня не мучила – не люблю запасливых.

А стаканы я вынул из нижнего ящика своего стола.

Он пил без лихости, не залпом, но жадными маленькими глотками – так пьют, по моим наблюдениям, те, кто употребляет не «для компании», а по личной потребности. Поймав мой взгляд, он кивнул.

– За последние пару лет привык, – вздохнул нелицемерно, было понятно, что с удовольствием и отвык бы. – Ну, носильщики после каждой смены... Да мне и самому... вроде уже нужно, так что, не поверите, иногда бутылку проношу тай-

ком от мамы в свою комнату, ставлю между стеной и кроватью... И всю ночь. Это ведь уже алкоголизм, как вы думаете?

– Об этом пусть думают врачи, – сказал я беспечно, тогда еще беспечно! – А вот печень мы сажаем, это точно...

Мы захрустели редиской и после краткой антиалкогольной беседы выпили по второй.

– Прежде всего, – сказал он, с сомнением осматривая бутерброд, – насчет оснований для работы в «Гудке». Вот я тут написал... не знаю, это у вас как называется, репортаж?.. о поезде «Красная стрела»...

Я вздохнул – очевидный чайник, хоть и симпатичный. Кто об этой «Красной стреле» не писал! О ней написано столько, что писать о ней уже как бы запрещено. К тому же поезд этот был из разряда «спец» – спецраспределители, спецполиклиники, спецпоезд – или еще говорили «режимный». Ездили в нем главным образом иностранцы и наши начальники, что ж тут писать? Тут даже отдельных недостатков быть не может. Вроде как в Большом театре.

Но отказываться от прочтения этой мути было уже неудобно, и я взял три мелко сложенных листка, заполненных серыми буквами плохой машинки.

К концу чтения я совсем растерялся.

«Вечные истерики, русские цари от психопата Петра до одержимого мономанией Ленина – все исходили из того, что в стране должна быть одна столица. И ее таскали с места на место, благо по национальным меркам недалеко. Между тем всякий непредвзятый наблюдатель российского существования неизбежно приходит к выводу, что столиц две и что глубочайший смысл есть в этом раздвоении, смысл, идущий с поверхности вглубь. Две столицы – двуглавый орел – Европа и Азия – национальная шизофрения (раздвоение)...

С давних времен, еще даже не формулируя, я ощущал, что линия соединения, сращения этих сиамских близнецов и есть по всей справедливости действительно стольное место. Где ж оно? Да вот же, господа, стоит у перрона! Вздыхает и пускает дым поезда № 1, “Красная стрела”, а обратно № 2, четные номера, полет вниз по карте...

Путешествие из Петербурга в Москву и наоборот всегда было, есть и будет государственным актом. Екатерина Первая вполне осознала это и объяснила Радищеву.

Здесь, во всеобщих пьянках, в свиданиях незаконных пар, в обсуждениях до самого прибытия судеб России, в откровенных рассказах незнакомцев и незнакомок, вершилась настоя-

щая жизнь имперской столицы. Какой же русский не любит именно этой быстрой езды, летящих за окнами вровень с поездом ночных облаков, теплого уюта самого комфортабельного места в стране!

Из Москвы: министерские ревизии в областной центр, актеры на "Ленфильм", бауманские профессора на лекции в Военмех и, конечно, гуляки праздные...

Из Питера: морские полковники из Адмиралтейства на доклад в Генштаб, актеры на "Мосфильм", консерваторские профессора на занятия с московскими провинциальными вундеркиндами и, конечно, питерские сумрачные поэты, певцы тления и гордой разрухи — красоваться перед московскими жизнерадостью...

И после счастливой ночи выходишь на точно такой же, как оставленный восемь часов назад, перрон, идешь к точно такому же Ленину... Но воздух здесь другой, и вместе с мелкими каплями европейской сырости на коже оседает особая свобода, та, которая знакома только беглецам.

Я обязательно перехожу на другую сторону Невского и иду по ней, почти не глядя по сторонам. В этом особое удовольствие: а чего мне здесь рассматривать, разве я не дома здесь, просто давно не забегал в эту комнату

окнами на северо-запад... Питерские магазины с пятью ступеньками входа вниз, в полуподвал; питерские кино в арках, одно за другим на тридцати метрах улицы; питерский "Елисей" уже открылся, и питерская пьянь уже подтягивается к отделу; кони на мосту, толпы у Гостиного, ветер с реки... И впереди день счастья, особого питерского гулянья...

И так бредешь до "Пяти углов" и незаметно для самого себя сворачиваешь, и вот уже пустые улицы, разбитый тротуар, гнилью тянет из подвальных окон, Федор Михалычем смотрят подворотни. И надо добраться до первой же пирожковой, ведь даже когда в Москве не осталось ни одной рюмочной, вблизи Сеной можно было найти работавшую с восьми утра, и закусить пирожком с чьей-то печенкой, и взять еще один для закрепления эффекта – и окончательно почувствовать: побег удался...

Вероятно, питерцы точно так же сбегают в Москву. Многие даже сбежали окончательно и еще долго рассказывали, от чего: от безысходности, от несгибаемости начальства, от прямой и недлинной перспективы... Но для нас, замордованных московской расплывчатостью, в которой можно все, только надо знать, что именно, для нас день там – безусловное счастье...

В конце концов я выхожу к серой реке и бреду вдоль нее, от площади к площади, от гигантской головы Исаакия к выпуклой пустоте перед дворцом, и дальше, и, сам не замечая, перехожу мост, и погружаюсь все глубже в Питер, и уже теряется в нем маленькая фигура московского беглеца, искателя любви...»

Вот что я прочел – и очумел, честно говоря. Никто и никогда такого в нашу газету не приносил. Я закурил, угостил сигаретой его – он курил, как и пил, жадно, но неумело – и несколько минут разглядывал безумного автора, пренебрегая неловкостью ситуации.

– Теперь у меня к вам несколько вопросов, – сказал я, наконец собравшись с мыслями. – Первый: вы газеты читаете? Вы там видели когда-нибудь что-нибудь подобное? Только коротко.

– Нет, – действительно коротко ответил он. – Не читаю, возможно, поэтому и не видел.

– Значит, вы не понимаете, что это не репортаж, а умеренно вольнодумное эссе, которое не может быть опубликовано ни при каких условиях? И вообще – как вы собирались работать в газете, если вы газет не читаете? Вы знаете, что любая заметка в наших газетах пишется

строго по образцу уже написанных и опубликованных?

– Откуда ж мне знать, – уныло сказал он не мне, а в пространство. – А почему же, объясните, как это... вольнодумие? Я совершенно не хотел... Там про Ленина в двух местах, так можно убрать. И «господа» тоже, это я просто для красоты...

– Потому, – не выдержав этой прозрачной наивности, гаркнул я, – потому, что там не в Ленине дело, там каждое слово несоветское, да к тому же и вся интонация не газетная, и информации ноль!

– Почему же ноль, – продолжал безнадежно упрямыться он, – я многое вставил из жизни... Вот про артистов, их там много ездит, я даже Бернеса видел... И полковников из Адмиралтейства... Я раньше деньги не экономил, ездил сам в этом, двухместном, в эсвэ – так иногда они приглашали выпить... Я могу из их разговоров добавить... И потом еще информация: там же понятно, что рассказчик едет к любимой, в конце, правда? Я могу описать, как обратно они едут вдвоем, там же паспорта не спрашивают. Только это будет слишком... ну, как у Бунина. Читали его рассказ «Генрих»?

И вдруг я все понял.

– Давно у вас с нею началось? – Я постарался, чтобы в вопросе не прозвучало обычное любопытство.

И он ответил без удивления и паузы, не ссылаясь на «личное», словно мы уже давно говорим о его любви и несчастье. Водка все же подействовала правильно.

– Около двух лет назад была в Ленинграде академическая конференция. Я делал одно из сообщений, а она просто сидела, слушала, не моргая своими круглыми глазами, я не сразу даже заметил, что у нее глаза и цветом, и формой точно как вишни. Я не поэтизирую, просто такая внешность... Сидела, записывала, как полагается аспирантке второго года среди высокоученых персон... Потом за общим ужином... в специально подготовленной университетской столовой, по десять рублей с человека, и коньяк был... Как она из своих аспирантских десятку выкроила, не знаю, но оказались мы за столом рядом, я за нею вежливо ухаживал. Потом пошел провожать на Васильевский, где она в объединенном аспирантском общежитии жила. Она всю жизнь жила в общежитиях, детдомовская. И по сей день живет. Перспективы получить что-нибудь никакой – у ассистента-то кафедры общей истории, да пусть и доцента... Максимум – отдельная в общежитии комната, но кто ж туда мужчину пустит? У нас нравственность на всех распространяется... Да. Я так и не понял, чего ее потянуло в никому не нужную историческую науку, детдо-

мовке-то разумнее было пойти в какую-нибудь практичную профессию... Но она всю жизнь делала только то, что хотела, и, надо сказать, всегда добивалась, чего хотела. Я отчет себе отдаю – она захотела меня и получила, моя роль здесь десятая. В общем...

В общем, произошло все, как в моднейшем тогда романе – любовь выскочила перед ними, как убийца в переулке.

Ему было пятьдесят шесть, ей тридцать. Когда он смотрел на нее, обязательно начинал плакать, даже со всхлипываниями, так что в общественных местах, на улицах, на них иногда оглядывались, хотя внешне разница в возрасте не так уж бросалась в глаза. А она не выпускала его руки из своей, и если так идти было неудобно, то забегала и шла спиной вперед, глядя неотрывно ему в лицо.

Поначалу он разгулялся.

– Ну, письмом попросил я академический отпуск, придумав какую-то безумную тему, требующую постоянной работы в Питере, в хранилищах Некрасовки. И получил, конечно, – нравы в нашем институте, соответственно зарплатам, необременительные. И маме наплел про исследования, и она поначалу – впервые в жизни – мне поверила... Поскольку в гостиницу было не попасть, да еще без командировки, да еще незаконной паре, снял я по объявлению,

прилепленному к столбу, комнатку в полувымершей коммуналке в конце Литейного. Все деньги – сбережений у меня было прилично, тратить некуда, а питались мы с мамой в основном мамиными заказами, коробки привозили за какие-то копейки из их столовой старых большевиков – ну вот, все деньги я со своей книжки снял, и зажили мы с моей любимой, как в сказке. Ужинали в понравившемся ей больше всего «Норде», нас уж там знали. Потом ехали на Литейный в такси... В общежитии она показывалась раз в неделю, чтобы не выселили, с утра обычным порядком работала на кафедре и в библиотеке – настойчива она, я ж говорил, сверхъестественно. Да и как иначе было выбиться после детдома? А я ничего не делал целый день и даже не пытался, в библиотеку не заглядывал, бродил по городу, выпивал в каждой рюмочной понемногу... Тогда, наверное, и начал привыкать. Вечером прибегала она – у нас место было назначено перед Кировским театром...

– И сколько ж такое могло продолжаться? – сдуру перебил я, как будто спешил куда-то, хотя мы никуда не спешили. Мы давно уж стояли в «Ветерке», за липким, как бы мраморным, круглым столиком, и один за другим опорожняли мерзавчики дагестанского. Между нами лежал растерзанный цыпленок табака...

Вопрос словно выключил его, рассказ продолжился обрывочный и сухой.

Деньги кончились, отпуск за свой счет тоже, поскольку никакого счета не осталось, кроме очередной нищенской институтской зарплаты. Когда он заикнулся, что у них в третьей комнате, может быть, поселится его ленинградская приятельница, в ближайшем будущем жена, мама устроила такое, что его трясло неделю и была одышка. А потом просто сказала: «Я – ответственный квартиросъемщик. Мне партия дала эту квартиру не за красивые глаза. И уличную девку я здесь не пропишу». От «уличной девки» он опять стал задыхаться, а мама удалилась в другую комнату и вызвала к себе кардиологическую «скорую» из специальной больничной поликлиники. С врачом она долго беседовала о лечении стенокардии диетой и несколько раз засмеялась. Уходя, в прихожей врачаха пробормотала: «Мне бы такую кардиограмму».

Тогда он уволился из института и пошел в носильщики.

И опять настало счастье. Денег сделалось достаточно, чтобы раз в неделю ездить в Ленинград купейным, двенадцать пятьдесят, день гулять, потом поужинать – и вдвоем в Москву, ночь в эсвэ, в двухместном, как в раю! Эсвэ стоил по двадцать пять билет. Потом она проводи-

ла день в Ленинке по своим аспирантским делам, дремала над рефератами и возвращалась, обязательно в купейном – он бы взял ей эсвэ, но боялся оставлять наедине с попутчиком. А сам шел таскать чемоданы, покачиваясь после ночи бессонного пути... Итого получалось семьдесят пять на всю дорогу плюс рублей тридцать на «Норд» или «Баку». А он работал как заведенный, больше выколачивал, чем самые опытные в бригаде. Как будто не под шестьдесят ему было, кабинетному человеку, а под тридцать и он всю жизнь гири таскал.

Каждый раз вез ей из Москвы подарки – у носильщиков связи были, дефицит все время вокруг крутился. То водолазку грузинскую бордовую схватит, ее цвет, то духи польские...

И раз в неделю, иногда в две, они запирались в двухместном купе. Если кто-нибудь увидал бы там этих любовников, не поверил бы глазам. Никаких припадков страсти – он ложился на спину, а она массировала ему брюшину – к ночи разыгрывалась язва... Потом спали, сцепившись руками через проход между полками. Ночью он просыпался, смотрел на станционный свет, волнами пролетающий мимо окна, молился, как умел, чтобы эта ночь была всегда.

Какой-то хитростью он купил обручальные кольца без справки из загса.

К зиме вывернулся наизнанку, замучил всю бригаду – ему достали шикарную женскую дубленку, югославскую, австрийские сапоги на цигейке, большую лисью шапку... Морозная была зима, он ехал накануне Нового года, вез огромную динамовскую сумку – еще добыл в последний момент бесполосых чеков и купил на них исключительно теплый исландский свитер со снежинками...

Но и это кончилось, мама добралась и сдавила руки на горле.

– Надо же что-то делать, вдруг получится с «Гудком», как вы считаете? Тогда бесплатный билет, и гонорары, говорят, бывают в газетах? – Он улыбнулся, кривя рот от смущения. – Вот я и написал эту чепуху, сам понимаю, что никуда не годится...

– Совсем не чепуха, вы здорово пишете, – возражал я. Кажется, я тоже плакал. – Мы придумаем, что с этим делать... Допустим, в «Неделе»...

Потом мы потеряли друг друга, я обнаружил себя в метро, а он исчез. Сложенные странички торчали из моего кармана...

Боже, если ты есть любовь, то уж не такая ли ты любовь?

Года через четыре я ехал в Ленинград дневным поездом – уж не помню, почему не «Стрелой». Стоял в коридоре, смотрел в окно.

Где-то, не доезжая до Бологого, за окном медленно поплыло странное человеческое поселение, обосновавшееся на далеких боковых путях: старые деревянные пассажирские коробочки-вагончики, к тамбурам пристроены деревенские крылечки, белье сохнет на веревках, трубы, высунутые в окна, дымят, собаки и дети бегают...

И два человека несут куда-то ребристую чугунную секцию отопительного радиатора.

Им очень тяжело.

Один маленький, свободно болтающийся в ватнике почти детским телом, на затылке узелок светлых волос вылезает из-под серой солдатской ушанки, идет спиной вперед. Другой высокий, согнувшийся в три погибели, чтобы сравняться с маленьким, в резиновых сапогах, в непонятного цвета и покроя одежде, в криво сидящих очках, с длинными непокрытыми волосами. Он старается взяться ближе к середине, чтобы на него приходился больший вес...

Мне не показалось – я узнал его. Я узнал их.

Победа любви иногда выглядит удивительно некрасиво.

– Ремонтно-восстановительный поезд, – сказал в пространство попутчик, стоявший у соседнего окна. – Всякий сброд на работу берут и крышу дают. Но живут же люди – ужас...

– Эти двое, – возразил я, – они счастливы. Я это точно знаю. Можете им позавидовать.

Пассажир посмотрел на меня искоса с изумлением, явно приняв за сумасшедшего.

Вероятно, я и был тогда немного сумасшедший. И сейчас хотя бы капля сумасшествия сохранилась, надеюсь, во мне.

Иначе жить уже не имеет совершенно никакого смысла.

Я сразу хочу предупредить: только не думайте, что я из головы сочинил эту ужасную историю для обличения современных условий жизни и всех ее, как говорится, свинцовых мерзостей. Вы газеты почитайте, телевизор переключите с юмора на новости... А я просто долго живу, кругом город большой, народу много. Выпьешь иногда с людьми, поговоришь, всякие бывают обстоятельства.

Вот, например, одна пара, они не женатые, но давно съехались. А уже году к девяносто четвертому совершенно дошли до нищеты. Вернее, на бутылку «Кристалла» всегда есть, ну, и на кусок колбасы, фарш готовый, огурец с лотка – но больше буквально ничего. Он по профессии был раньше научный сотрудник, делал в своем институте приборы против американцев, чтобы обнаруживать их ракеты черт его знает где, еще в безвоздушном небе, она тоже сотрудник, но по книгам, работала в Библио-

теке имени В.И. Ленина, через дорогу Кремль. А потом что? Как все. Турция, Китай, джинсы, кожа, пуховики, рубашки. Потом вообще ничего. Кому нужны челноки, когда везде все есть, кроме денег? А он, между прочим, в молодости занимался спортом вплоть до мастера, знаете, называется биатлон, то есть бежал на лыжах и стрелял из ружья. И она тоже была спортсменка, тогда многие научные сотрудники увлекались: на байдарке плавала и лазила по скалам, у Высоцкого Владимира Семеновича даже песня была, помните.

Ну вот.

А теперь она сидит ночью в ларьке, и он тут же в рядах на подхвате, погрузить-убрать. И опять же подчеркну: вы не думайте, что я этим хочу сказать про наше время в целом. Я как раз считаю, что время неплохое. И если его приборы уже не нужны, так слава богу, потому что, значит, мы не собираемся воевать с американцами. А что он раньше по линии приборов пошел, так это было его дело, мог в бухгалтеры и сейчас жил бы, как люди живут, с машинами и домами недостроенными, но он же решил тогда выбрать, где лучше платят и, главное, общественное уважение. И она тоже. Допустим, училась бы на патронажную сестру, и теперь бы ее рвали на части, десять долларов за укол. А книги, куда они денутся?

Поэтому я считаю так: если кто выбрал, где лучше, то пусть не обижается потом, когда станет хуже. Потому что были такие, которые выбирали не где лучше, а где хотели от природы, и некоторые даже вплоть до отъезда на постоянное место или тюрьмы, так вот они теперь не обижаются. У каждого человека есть свое время, а как пройдет – так пройдет, и нечего обижаться, это ж время.

Да, так вот: эта пара однажды, пару лет назад, допустим, вдруг собралась и уехала отдыхать, представляете себе? На какой-то остров, я уже сейчас не помню, главное, что туда не надо брать визы, просто сел и полетел, как, допустим, раньше в Симферополь или Пярну. Откуда я знаю, что они полетели на остров, а не, допустим, продали наконец квартиру и уехали сначала в Марьино, а потом в бомжи? Можно, я не буду говорить? Вы должны меня понять: если я этих знал как облупленных, так я и других знал... Народ делится, особенно когда выпьет. Один видел, как к этому приборостроителю какой-то мужчина подходил, взяли они по бутылке «Балтики седьмой» и сидели долго за ларьками. А мужчина прилично одетый, как нормальный бандит – в кожаном пиджаке черном и черных брюках, ботинки остроносые, в общем, все мы представляем себе авторитетных бизнесменов. Сидели

они, разговаривали, и из их разговора получалось, что бизнесмен этого лыжника-стрелка еще по спорту знал и теперь ему по спорту предлагает работу типа съездить на остров отдохнуть. И библиотекарьша подошла, как ларек сдала по смене, и они вместе уехали в машине того бизнесмена, «Мерседес»-джип, ящик черный...

Откуда я знаю, что было дальше? А откуда я знаю, что вы умрете и я тоже не буду жить больше, чем мне положено? Потому что все умрут, а другие родятся, и так же будут жить, как мы с вами живем. Поэтому я и знаю, что происходит дальше, после того, как к бывшему биатлонисту, дошедшему до края, и его подруге, как теперь говорят, гражданской жене, байдарочнице и скалолазке, начинающей утро с пива, подходит в наше время богатый бандит и увозит их на своем «Гелендевагене». И больше их никто никогда не видит ни возле метро, ни во дворе нашей пятиэтажки, а квартиру их продает ДЕЗ...

Отвлекусь на минуту: насчет гражданской жены. Вот уже все говорят «гражданский брак», а при этом имеют в виду, что люди не ходили в загс. А того не понимают, что гражданский брак как раз и записывается именно в загсе, и организация эта так и называется – отдел записи актов гражданского состояния. Кроме

же гражданского брака есть исключительно церковный, перед которым причаститься надо, и стоять под венцом, и взять после мокрую от волнения и потому будто чужую ладошку невесты, и... Короче, называется – «таинство», понятно? А те, кто ни в храм, ни в загс не ходил, те просто, безо всяких иносказаний, живут в развратном прелюбодеянии и беззаконии. В общем, ладно... А то еще говорят некоторые, заодно уж вспомнил: «съемная квартира». Ну, что же за дураки такие, господа прости! Съемный протез зубной бывает, крышка у гроба обычного бывает съемная, а у модного, в каких теперь богатых хоронят, откидная... Квартира же бывает либо своя, чего я всем желаю, либо наемная, наемная, понимаете?! Блин... Чехова почитайте или еще кого-нибудь, кто до отмены грамоты жил...

Короче – про то, что происходит дальше, у меня уже нет сил рассказывать, лучше сами посмотрите это кино.

Остров, желто-зеленый, вполз под крыло, вытеснив сине-зеленую воду, и, покачнувшись, встал в окошке боком.

В гостиничном номере работал кондиционер, который пришлось сразу выключить, потому что она покрылась мурашками, а он немедленно начал чихать. Они открыли балконную дверь, от бассейна доносился галдеж

немецких и датских детей, в соседнем номере по-арабски говорил телевизор, а они не вылезали из простыней, сдвинутые кровати разъезжались, подушки валялись на пол, и пот капал с его лица на ее лицо. Из балконной двери дул сильный теплый ветер, и под этим ветром они бесчинствовали, как бывало в молодости и уже давно не бывало в Москве, в вечном похмелье и тоске.

В самолете она напилась в последний раз, в конце концов, ей было всего тридцать шесть лет, она была тренированной крепкой женщиной, и два дня морских купаний, свежего сока с утра, здоровой овощной еды вывели ее из постоянной московской невменяемости.

Не считая завтраков, обедов и ужинов, все остальное время этих двух дней они провели в постели.

Потом они начали действовать точно и безошибочно, как на соревнованиях, сверяясь с графиком задания и не отступая от него ни на минуту.

На третий день они подошли к указанному отелю, сели в кафе на перекрестке и выпили по два кофе, прежде чем дождались появления объекта. Объект, высокий и рыхлый мужчина в длинных пестрых шортах, длинной белой майке и шлепанцах на полных розовых ногах, сел в прокатный маленький японский джип и,

привычно, по-московски, газуя, поехал на набережную – видимо, обедать.

Они вернулись в свою гостиницу, он вошел в Интернет, тихо радуясь возможностям выданного заказчиком ноутбука, и по адресу маленького турбюро прочитал про «небывалые пятидесятипроцентные скидки в течение ближайшей недели». Задание таким образом подтверждалось, выполнить его надо было в течение семи дней, потом объект мог покинуть остров.

На следующее утро они взяли в прокате большой английский вездеход армейского образца и подъехали к кафе на перекрестке. Объект опять сел в кургузый «Судзуки» и покатил в горы, взяв для компании свободную от работы украинскую официантку из ресторана своего отеля.

Они ехали следом, она была за рулем. На повороте их «Дефендер» прижал несчастную японскую машинку к обрыву, но объект чудом удержался – затормозил, проскреб носом по гравию, повис. Они промчались дальше, ушли высоко в горы, возвратились, сверяясь с картой, другой дорогой, и тут же отдали джип в прокатную контору, а «МастерКард» на неведомое имя, по которой брали машину, он изломал и сбросил под решетку уличного стока.

Вечером они ужинали в рыбном ресторане, устроенном на пришвартованной к набережной шхуне, потом вернулись в гостиницу, он открыл ноутбук. На выданный ему в Москве адрес русской почты пришло сообщение: *“Vizovite gor-nichnuyu zavtra utrom”*.

Утром он выглянул в коридор, увидел темно-волосую полную красавицу с тележкой, нагруженной средствами для чистки ванн, рулонами туалетной бумаги, стопками чистых полотенец, поманил ее рукой, будто помогая въехать в гараж. Красавица вошла в номер, толкая перед собой тележку, наклонилась, с видимым усилием вытащила из-под полотенец большой прямоугольный пакет из желтой крафт-бумаги, положила его на ближнюю кровать и, взглянув на изжеванные простыни, усмехнулась: «Сразу наших видно».

В пакете была разобранная и аккуратно сложенная в мятую бумагу СВД – снайперская винтовка Драгунова – ствол, приклад, прицел, глушитель. Нельзя сказать, что он хорошо знал это оружие, но несколько раз стрелял когда-то, еще на сборах по своей военно-учетной специальности.

В очень дорогом спортивном магазине на набережной он купил длинную спортивную сумку и в номере долго укладывал в нее собранную винтовку. Бумаги и картонки, наполнявшие сум-

ку для придания товарной формы, он оставил внутри, чтобы вид у нее был битком набитой.

Окно спальни объекта выходило во внутренний двор отеля, там, в небольшом саду из кривых узловатых деревьев и высоких листьев, растущих как бы прямо из асфальта, расставлены были столы, где днем сладко дымило барбекю и отдыхал народ.

Они прошли через холл. Они долго обсуждали между собой такой способ прохода незамеченными. Они были образованными и умными людьми и додумались сами до того, чему специалистов учат: ни на кого не смотреть, разговаривать между собой, то, что хочешь скрыть, нести на виду, и идти, не обращая внимания на направление – лучше ошибиться дверью и исправиться, чем долго искать ту, которая нужна.

Темнокожий малый в рецепции полностью подтвердил их выводы, даже не глянув в сторону невысокой женщины в бейсболке и крупного мужчины в полотняной панаме, несущего сумку с какими-то спортивными принадлежностями, – козырек и поля сильно затеняли их лица. Обычно портье быстро запоминают постояльцев, но сезон был в разгаре, отель полон, постояльцы менялись каждое утро...

В садовом ресторане сейчас было пусто, только одна большая финская семья – немоло-

дые родители, двое пацанов лет по шесть-семь и младенец – ужинала.

Они миновали сад и вышли к бассейну, где не было вообще никого, вода светилась и сновали худые кошки. Там они провели сорок минут.

В начале сорок первой тень объекта появилась в окне, приблизилась.

Он вынул из сумки резиновые аптечные перчатки, купленные еще в Москве, ловко натянул – тренировался. Вынул хорошо протертую винтовку, мельком глянул по сторонам, приложился...

Тень ушла в глубь комнаты, исчезла, но через три секунды вернулась, плотно легла на штору.

Он сделал серию из трех, почти ничего не было слышно, сухие щелчки. Тень исчезла, звон стекла сильно запоздал.

Они перелезли через огораживающую сад невысокую известняковую стену, прямо под ней он оставил винтовку, в сумку сунул булыжник, панаму и бейсболку. Когда шли по набережной, незаметно опустил руку за парапет, разжал пальцы. Плеск не был слышен – из всех кафе гремела греческая отчаянная музыка.

В номере его ждал новый мэйл: “*Dengi na schetu*”. Они выпили поровну приготовленную

загодя литровую бутылку водки и уснули, сидя на полу.

Она проснулась в три, в открытую балконную дверь дул сильный сырой ветер. С трудом встала, вышла из номера, шатаясь, спустилась по боковой лестнице. На набережной ветер дул со свистом, мерцали витрины, медленно проехало такси – длинный шестидверный древний «Мерседес». Она влезла на парапет, прикинула: здесь должно быть метра три, но если правильно нырнуть, головой достанешь как надо – и вошла ровно.

Ранним утром он все понял и пошел к морю. На набережной стояла небольшая толпа, косо приткнулись к тротуару полицейская машина и короткий автобус «скорой помощи». Он протиснулся, не обращая внимания на вопль коронера, расстегнул молнию черного мешка, увидел ее лицо.

В супермаркете он опять купил водки, выпил в номере всю. Примерно час жег паспорта и билеты в унитазе и убивал ноутбук, останки его сложил в пластиковый пакет и взял с собой, выходя из номера.

Он ушел из гостиницы, миновал старый город, свернул с шоссе, двинулся тропой, уходящей в ущелье. Пакет с обломками швырнул далеко с обрыва и через минуту шагнул следом.

В общем, так и не нашли убийц того мужика. Наверное, не стоило мне все это рассказывать – мало, что ли, вы в ящике таких ужасов видите. «Убийцы пока не найдены...»

КОШКА, КОТОРАЯ ВОДИТ JAGUAR

Немалую часть своей жизни Юрий Ильич прожил без любви к кошкам. Не то чтобы он их именно не любил – в том смысле, в котором не любят сослуживца, интригана и сплетника или соседа, устроившего евроремонт силами молдавской бригады, из-за чего весь подъезд покрылся прилипчивой белой пылью, – то есть в смысле активной нелюбви. Нет, он их не любил в том смысле, что был к ним равнодушен, нейтрален, просто не замечал. Ну, ходят там, внизу, держат хвост трубой, даже не ходят, а всегда пробираются, избегая открытых пространств, – ну, и пусть себе. Не обижал, этого никогда не бывало, даже в детстве, насколько Юрий Ильич помнил свое уже смутное детство. Он вообще был не способен причинить кому-нибудь серьезную физическую боль, а уж мелким и слабым существам – тем более. Честно говоря, он не мог совсем спокойно даже тарака-

на раздавить, необходимое это действие вызывало в нем небольшой спазм, мышечную тошноту. Хорошо, что тараканов теперь в Москве не водится, бросили они нас на произвол экологической судьбы...

Да, так вот: Юрий Ильич к кошкам, да и к собакам тоже, был вполне безразличен до того времени, когда далеко не в первый раз женился. Новая жена его была женщиной сложного характера, а уж Юрий Ильич при всей его как бы мягкости и подавно не сахар, что впоследствии естественным образом привело к долгой и несчастливой супружеской жизни. Не будем на этот раз вдаваться в подробности, все счастливые семьи, что общеизвестно, похожи как две или больше капли воды, а несчастливые — каждая, как любят писать некоторые авторы, несчастлива уникально, почему про них, несчастливых, и читать интересно. Правда, не у тех авторов, которые употребляют слово «уникально»...

Словом, не о семье сейчас речь, а о кошках. Среди многих добрых дел, которые несчастливая жена совершила в отношении (это мы из одного протокола списали: «Совершил в отношении потерпевшей высказывание насильственного характера»), да, в отношении Юрия Ильича... А про недобрые опять же не сейчас... Итак, среди добрых: она воспитала

в нем любовь к животным вообще и к кошкам в частности особенную. Точнее, не она, а ее кошка по кличке Кулиса, названная так хозяйкой в честь театрального – не кошки, а хозяйки – прошлого.

Кошка Кулиса, откликавшаяся молчанием, только ушки шевелились, также на Кулю и Кулек, мгновенно, как это свойственно всем кошкам и некоторым, самым прекрасным из женщин, заставляла любить себя всех, кто появлялся в радиусе трех-пяти метров от нее и оставался в этой зоне хотя бы на день-два. Вот и наш, как принято говорить, герой оказался в этой зоне любви. Он просто без всякого смысла сидел на стуле, несколько в стороне от центра комнаты, еще не освоившись на площади новой жены (свою квартиру он, конечно, оставил предыдущей), когда Куля прыгнула ему на колени. Юрий Ильич застыл, испытывая некоторое неудобство и даже брезгливость, поскольку кошка своими лапами недавно становилась на унитаз, которым пользовалась, заметим, к ее чести, весьма ловко, а теперь она этими же лапами топталась по его голым ногам, поскольку молодой муж был по-домашнему, в трусах. Не зная, что делать, так как новая жена кошку обожала, а он все еще, вот уже месяц, почти обожал жену, бедняга попытался спихнуть животное самым деликатнейшим об-

разом, однако ничего из этого не вышло. Кулиса – как это обычно делают и упомянутые женщины – немедленно применила пресловутую политику кнута и пряника одновременно, а именно: вцепилась Юрию Ильичу в ноги всеми мелкими, но очень остренькими когтями и крепко потерлась головой о его голый живот, покрытый малосимпатичной, но тоже шерстью. А потом посмотрела вверх своими виноградного цвета и формы глазами, прямо объекту своих чар в глаза.

И пропал мужчина, растекся любовью, растерял не то что бдительность, но и последний здравый смысл, принялся утверждать на всех углах, что кошка Кулиса обладает особым, нечеловеческой силы умом и любит его, Юрия Ильича, с нечеловеческой тоже силой. В доказательство первого сообщал о способности пользоваться унитазом, при этом задними лапами Кулиса становилась внутрь раковины, широко их расставив, чтобы не мочить, а передними лапами опиралась о край устройства, так что в целом позой напоминала Ленина на каком-то съезде, молодежи, что ли. Еще и вытягивала одну лапу вперед – движение было, конечно, рефлекторное и судорожное, связанное с физиологическим процессом, но очень напоминало... Тем более что нам неизвестно, не было ли рефлекторным и судорожным движение

вождя на трибуне и с чем оно было связано... Да, а доказательств второго неофит-кошколюб (филинофил, строго говоря) не приводил, только закатывал глаза, как глупый актер, играющий Ромео, и говорил: «Вы не видели, как она посмотрела... И головой вот так сделала...» При этом он крутил лысой головой сорокалетнего мужика, становясь похожим не на кошку, а на барана почему-то.

Словом, так и пошло. То есть так пошла жизнь: Юрий Ильич, как и многие, с годами все меньше обожал жену, то есть временами уже еле терпел, пользуясь в этом полной взаимностью, причем еще неизвестно, кто пользовался; и, тоже как многие, все больше обожал других животных – уличных собак, бездомных кошек, вездесущих ворон, хитрых и важных, как провинциальные начальники, попугаев, тихо и очень осмысленно, вопреки распространенному о них мнению, бормочущих всякую забавную ерунду, и так далее – о людях не будем. При себе же имел старую уже, очень старую кошку Кулюшку и любил ее так, что иногда – стыдно сказать – плакал, на нее глядя.

А кошка Кулиса за прошедшее с их знакомства время действительно сильно состарилась. Все больше спала, хотя, как положено кошке, и в молодости спала большую часть суток. Ни-

когда не играла со случайно оказавшимися в ее поле зрения предметами, вроде пояса от купального халата или упавшей на пол крышечки от валокордина, при том даже, что крышечка пахла валерьянкой. А специальную веревочку для игры Юрий Ильич давно уж не брал в руки, зачем пожилую кошку огорчать воспоминаниями... И прибалчивала его Кулечка: то приходилось знакомому ветеринару, приглашаемому на дом за пятьсот рублей, зубной камень кошке счищать и ушки мыть борным спиртом, то Юрий Ильич искал по лучшим ветеринарным аптекам, которых в городе стало пропасть, самый особый корм против мочекаменной болезни, она для кошек вроде как инфаркт и рак для людей – номер один...

Только одно не менялось в прекрасной Кулисе – неземная, несравненная красота, которую не только вечно влюбленный ее рыцарь видел и славил, но и совершенно посторонние люди отмечали. Шерсть Кули была белая, а подшерсток сероватый, местами почти черный. И от этого происходил потрясающий зрительный эффект: сразу после вычесывания, расчесывания и других утренних косметических процедур, вытягиваясь и мяся воздух перед собой от удовлетворения, она приобретала вид фигурки из литого и полированного серебра. Всякие фигурки кошек Юрий Ильич

постоянно отовсюду привозил, у него уже и коллекция составила из нескольких сот статуэток и мелких скульптур, так что сходство мог оценить предметно (вот, пожалуйста, слово «предметно»; а еще распространяли сарказм относительно авторов, употребляющих «уникально»... ладно, это просто так). Ну, серебряная была кошка! И так уж хороша она делалась, когда вся вытягивалась вперед прямо струной, несмотря на провисший животик, а передние ее руки, то есть передние, конечно, лапы, плавноплыли в пространстве, и «пальцы» с когтями сжимались и разжимались... Правда, происходило это недолго, потому что немолодая красавица быстро утомлялась и валялась набок, вывернув голову таким образом, чтобы смотреть на Юрия Ильича снизу томно, щуря и вдруг широко открывая виноградные глаза. Тут, бывало, он и не мог удержаться от слез.

Вообще с возрастом стал слезлив, это бывает с мужчинами. А возраст подступил быстро и незаметно, как подступает хитрый и умелый враг: вот его еще не было, а вот уж он перед тобой, и сделать ничего не успеваешь. Состарился Юрий Ильич, и жена его состарилась, и оба они любили кошку, а друг друга только раздражали, за длинную жизнь сделавшись во многом похожими друг на друга, во многом же

оставшись совершенно разными, а раздражало одинаково и то и другое. Не говоря уж о принципиальных расхождениях, бытовых обидах и душевных разрывах, которых накопилось – ой-ёй-ёй!..

Тем временем вместе со старостью наступила и пенсия, сначала у жены одновременно с климаксом, а потом и у Юрия Ильича незадолго до импотенции. Жизнь стала не только малоприятной, но и реально (вот и «реально», дописался... ведь это похуже, чем «уникально»!) тяжелой. На еду Кулисочке хватало, но уже не на всякую, а сами-то большею частью ограничивались кашами. Впрочем, по возрасту чего-то другого почти и не хотелось.

А Юрий Ильич от тоски, бедности и свободного времени стал порядочно выпивать, тем более что бутылка плохой водки теперь дешевле, чем пакет приличного кошачьего корму.

Вот тут наконец и собственно о происшествии.

Выпивши, Юрий Ильич в сумерках возвращался домой. Там его ничего хорошего не ждало. Раздражение и вечная обида жены на все существо мужа; гречневая каша-продел с вытягивающейся нитками вареной курицей; и проклятый телевизор, все более чуждый. Одно только счастье: приляжет к больному правому боку – холецистит – Кулюша.

Тут вдруг перед ним возникли хулиганы. Нормальные хулиганы: в кофтах с капюшонами и широких брюках выше щиколотки, районные эсэсовцы.

— Отец, — сказал самый отвратительный из них, в крупных синих угрях, — а, отец... Дай немного бабок, отец, рублей сто или, ну, короче, двести, максимум, понял, тыщу, залить керосина, а то конкретно умираем... Все по чесноку, мы отдадим, нас на районе все знают.

Во-первых, поскольку Юрий Ильич был выпивши (а поганцы на самом деле совершенно трезвые, потому что еще только собирались подломить аптечный киоск и затариться медицинкой), то он, герой-то наш, почувствовал себя униженным в своем достоинстве и прочих правах человека. Во-вторых, как ни больно в этом признаваться, в пенсионные времена сто рублей стали для него вполне деньгами, а с собой было вообще только восемьдесят. В-третьих, он решил убежать, не понимая, что его догонят раньше, чем он делает первый шаг.

И точно: на его движение последовала быстрая и неадекватная реакция, а именно: тот, который с синими прыщами, вытащил из-за спины немаленький кусок крученой арматуры и занес над головой потенциального потерпевшего. А еще один, с серьгой в виде православ-

ного креста в оттопыренном и нечисто мытом ухе, тоже откуда-то сзади вытащил продолговатую элегантную дубину, которой, как Юрий Ильич знал, американцы играют в бейсбол. Им, этим местным отмороженным, может, и деньги не очень были нужны, а только побить кого-нибудь до крови и судорог. А Юрию Ильичу физическое насилие, как вы помните, вообще было чуждо, даже не в таких безнадежных ситуациях.

И герой наш (так уж и быть, оставим ему это наименование, в принципе заслужил) сильно испугался. Он испугался даже не самой смерти, а связанных с нею хлопот: жена будет всю ночь звонить в милицию и «скорую», потом ее вызовут для опознания, потом неизвестно, где и на какие безумные деньги хоронить... В общем, геморрой, как говорится.

Но тут негодяи остановились, дружно открыв мерзкие щербатые рты, а сзади Юрия Ильича что-то мягко толкнуло.

Он, рискуя получить битой по затылку, оглянулся и увидел низкую, плоскую, как вдруг вспомнившийся отцовский портсигар, длинную четырехглазую машину темно-красного цвета.

Машина тихо рычала, точнее, мурлыкала, а на передней кромке ее капота вытягивалась и призывно выгибалась его серебряная Кулисочка.

Правая дверь машины была раскрыта.

Он плюхнулся на низкое, молочного цвета кожаное сиденье.

Автомобиль рванул с места, раздвинув хулиганов, как мелкую прибрежную волну рассекает уходящий по тревоге боевой корабль.

Кошка обернулась и помахала ему передней лапой.

Он хотел поинтересоваться, куда они едут, но за рулем машины никого не было, а кричать кошке было бесполезно – она летела, рассекая воздух, и не могла ничего услышать сквозь свистевший в ее ушках ветер.

Раньше безмоторный Юрий Ильич видел такие машины, но не знал, что они спасают одиноких.

Потом они приехали туда, где их ждали, и наконец повалились на диван приходить в себя. Никто их не трогал – в раю были одни только кошки и женщины, понимающие, что такое любовь.

Переволокнувшись, влюбленные так и заснули: Кулюшка обнимала руку Юрия Ильича своими коротенькими лапками, а он прижимал ее к своему горячему – воспаление же – правому боку.

Счастливые, добрались. Даже завидно.

ВСЯ РУБЛЕВКА СТОИТ

Таких пробок здесь не было никогда. В небе плыли удивительных очертаний облака, а под этими облаками вилась бесконечная змея неподвижных машин, тускло сверкающих в сером облачном свете.

Он всегда ездил в это время – получасовой промежуток между правительственными кортежами и обвалом джипов и *Bentley*, принадлежащих рублевскому среднему классу, то есть сто-двести личных миллионов на каждого, по подсчетам *Forbes*. Его *Maybach*, прогибая мостовую Кутузовского, не то полз, не то летел, *Range Rover* охраны осторожно лип к тяжелому немецкому задку лилово-кремового дредноута, а в результате пассажир лимузина входил в конференц-зал ровно в ту секунду, когда минутная стрелка застывала вертикально. Все знали, что за получасовое опоздание он может уволить кого угодно без объяснений, а за пятиминутное – потребовать от кого угодно объяс-

нений в письменном виде. По заведенному им порядку секретарь при его появлении объявлял: «Председатель совета директоров компании «Петро Рос» господин Петр Росляков!» – и все вставали. Американский этот обычай не столько грел его тщеславие – в сущности, он вообще не был тщеславен, – сколько, на его взгляд, задавал приличный тон отношениям и солидный стиль.

День его был расписан по минутам не в смысле распространенного фигурального выражения, а буквально, например: «Генеральный директор Северо-Уральского отделения – 13:17–13:38. Японские судовладельцы – 13:38–14:05. Ланч с японцами...» И так далее.

Если бы кто-нибудь мог остаться с ним наедине в его свободное время... Впрочем, предположение бессмысленное, поскольку понятия «свободное время» в его сознании не существовало, а если бы случайно у него из-за просчета помощника выдались пустые и бесполезные пять-десять минут (помощнику было бы сделано краткое и сразу последнее предупреждение), то ни с кем наедине он не остался бы, а быстро просмотрел бы документы к следующим переговорам, или доклад заместителя, или...

Но все же... Остаться наедине и спросить, не обременительна ли для него такая жизнь и не хочет ли он – хотя бы иногда – провести час,

день, неделю без расписания, без обязательств, без охраны, без встреч с неприятными и норовящими обмануть его людьми, словом, без всего, что и составляет его обычную жизнь... Он очень удивился бы. А что же делать? Лечь и смотреть в потолок всегда широко открытыми и редко мигающими глазами? Или в небо? Или, наоборот, лечь на живот и смотреть во мглу подушки? И о чем думать? Если о корректировке контрактов, то какое же это свободное время, это работа, и заниматься ею лучше сидя, поскольку необходим монитор компьютера, а его, конечно, можно укрепить на потолке, или на подушке, или – тоже решаемая проблема – даже на небе, но зачем лишние действия?

Нет, сказал бы он – как мы уже знаем, его зовут Петр Росляков, – нет, никакого свободного времени мне не нужно. Благодарю вас, всего доброго.

И его вполне можно понять, если серьезно подумать. Ведь судите сами – что такое свободное время? Это время, которое мы заполняем свободно выбранными занятиями. А уж занятия Петра Рослякова, председателя совета директоров компании «Петро Рос», были им выбраны абсолютно свободно, свободнее некуда. И учеба в distinguished Керосинке, Институте нефти и газа, среди выпускников которо-

го, пожалуй, теперь не многим меньше миллионеров и даже миллиардеров, чем среди каких-нибудь гарвардских... И комсомольская беззаветная работа, приведшая его сначала в молодежный кооператив, а потом уж известно, куда – как всех... И даже то, что некоторое время под статьей ходил – так ведь и это был его свободный выбор, хотя мог бы спокойно перекачать уже имевшиеся тогда активы куда-нибудь в Доминикану, да и сам... того... А он по своему свободному выбору здесь искал своей правды – и нашел-таки условно... И развод с женой, некогда комсомольской красавицей и активисткой, а впоследствии постоянной покупательницей, которую как родную встречал весь Третьяковский проезд, – все ей отдал, кроме минимума, необходимого для собственного сдержанного быта, – лишь бы на бизнес не претендовала...

Словом, он всегда был свободен, и, следовательно, все время его было свободное.

Прозвище у него в компании было Электроник, то есть как бы искусственный, электрический человек. Кино детское когда-то было такое... Впрочем, никто это прозвище где попало не произносил – все знали, что чувство юмора – не самое главное чувство у Петра Романовича, при том что и прочие чувства тоже не слишком сильные...

Между тем на Рублевке, вообще известной своими пробками, продолжало твориться нечто невообразимое. Тяжелый, слегка сутулый, как все гиганты, автомобиль Рослякова уже не летел и даже не полз, а просто стоял, как и все остальные. Вероятно, нигде в мире не съезжается столько таких дорогих автомобилей, чтобы выстроиться без движения на плохой дороге протяженностью несколько километров. Сотни тысяч, если не миллионы долларов, воплощенные в лакированном железе, жгли дорогой бензин и стирали роскошную резину от самого кардиоцентра до Триумфальной арки. В машинах этих сидели люди, чьи рабочие минуты и часы стоили вполне соответственно их машинам. Дорожная полиция присутствовала при этом, не проявляя никаких признаков служебной деятельности, поскольку все, кому положено, уже проехали.

И вся Рублевка стояла.

Потому что в небе над шоссе плыли облака, и они извещали о конце света.

\$30 за баррель

— вот что было написано в небе облаками — дымными, непрерывно движущимися и никуда не уходящими, подсвеченными тревожным огненным солнцем.

– Включай мигалку, – сказал Петр Романович шоферу.

Шофер молча включил мигалку и еще по собственной инициативе крякалку.

Естественно, ничего на дороге не произошло. Потому что, даже если бы соседи Рослякова, все до единого, решили бы пропустить его мигающий и крякающий автомобиль, им бы это не удалось – машины стояли бампер к бамперу и дверь к двери.

Жизнь прекратилась, не дожидаясь дальнейших указаний.

Во всяком случае, в уме Рослякова то, что происходило, было равно прекращению жизни, то есть именно концу света: он опаздывал.

Через пять минут он позвонил секретарю совета директоров и сказал, что сегодня на заседании не будет. Причин, естественно, сообщать не стал, как никогда их не сообщал никому, что бы ни случилось. Не стал и слушать, что начал говорить секретарь, – как, за редкими исключениями, не слушал никогда и ничьих объяснений, поскольку все они были лживыми, а истинные обстоятельства он знал сам, – просто отключил телефон.

Пробка стояла мертво.

Через полчаса ему позвонили по другому номеру и напомнили, что сегодня в двенадцать тридцать его, как и еще примерно с десятков че-

ловек, известных не столько по фамилиям, сколько по названиям самых больших в стране компаний, ждут в правительстве. Он начал объяснять, почему не сможет быть, но на той стороне отключились, не дослушав.

Тут только Росляков заметил, что сидит в машине один, если не считать, конечно, водителя, а помощника в салоне нет, как будто и не было. При этом даже если допустить, что помощник сбежал – чего допустить Росляков никак не мог, то надо было бы понять, как он мог сбежать из машины, левые двери которой были заблокированы правыми дверями белого *Mercedes*, а правые – левыми вишневого *Jaguar*.

Но факт состоял в том, что помощника и след простыл, и Петру Романовичу приходилось самому отвечать на звонки.

Примерно часа через полтора после того, как пробка встала абсолютно неподвижно, состоялось заседание совета директоров, на которое срочно собрали и мажоритарных акционеров компании «Петро Рос». Черт их знает, откуда они ехали и как добрались, но присутствовали все. Было принято решение о продаже контрольного пакета акций государственному акционерному обществу «Рос Петро». Блокирующий пакет, принадлежавший лично г-ну Рослякову П.Р., совет директоров предложил

у владельца выкупить по цене, назначенной советом директоров. В голосовании по цене г-н Росляков не участвовал в связи с отсутствием на заседании, впрочем, если бы он присутствовал, его голос был бы единственным «против». Обо всем этом сообщил Петру Романовичу неизвестный голос, при этом зафиксировался неизвестный номер, с которого никто и никогда ему не звонил.

Одновременно мажоритариями было принято решение о смещении г-на Рослякова с поста председателя совета директоров в связи с невозможностью исполнения им своих обязанностей по объективным причинам.

Об этом наш герой узнал из выпуска новостей – водитель без приказа включил радио. При этом он и закурил в салоне.

Объективные причины конкретизировал звонок по третьему, сугубо личному телефонному номеру Петра Романовича Рослякова. Звонивший, конечно, не представился и сразу перешел к делу, которое завела прокуратура на гражданина Рослякова Петра Романовича по многочисленным фактам нарушений экономического законодательства страны, принесших государству ущерб, объем которого будет точно оценен в дальнейшем. Предварительно речь идет о миллиардах, а рублей или евро, не сообщается в интересах следствия.

Звонок по телефону, стоящему в машине, кратко известил о возбуждении уголовного дела по факту убийства гражданина Рузаева А.М., по каковому делу гражданин Росляков П.Р. привлекается в качестве подозреваемого. Ему предлагается явиться в течение двадцати четырех часов для дачи показаний, в противном случае он будет объявлен в международный розыск. Петр Романович попытался узнать, кто такой Рузаев и зачем его кто-то убил, но в телефоне уже была пустота. Причем это была не такая пустота, какая возникает в трубке после окончания разговора, а такая, как если бы Росляков поднес к уху бульжник.

Петр Романович глянул в окно, не полностью затянутое шторкой, потом в другое – и очень удивился: там, за окнами, были уже совсем не те машины, что стояли бок о бок с Maybach десять минут назад. Следовательно, пробка поехала! Он извернулся и посмотрел в заднее стекло – охраны позади не было, отстали, вероятно. Однако ж они не могли отстать, потому что вся их работа состояла в том, чтобы не отставать.

За три с лишним часа неподвижного сидения в автомобиле у Петра Романовича возникли не только деловые, но и физиологические проблемы. Как с ними справлялся водитель, оставалось загадкой. Только помощник, сволочь, выкрутился...

А машина Рослякова по-прежнему стояла, это он чувствовал. Общее движение пробки на нее не распространилось.

Тут, как всегда кстати, позвонила на давно выключенный номер бывшая жена. Пятнадцать минут она плакала по роумингу из Майами, а потом сообщила, что заблокированы все ее счета, а как раз перед этим она обнаружила, что не пришел транш от Рослякова за текущий месяц. Ей буквально нечем расплатиться за мелочи, только что купленные у *Tiffany*, не говоря уж о том, что ей просто не на что жить, и прислуга уже разбежалась, и дом зарастает грязью от гардеробных до бассейна. Росляков вдруг вспомнил, как он ее называл в подобных случаях до того, как избавился – за немалые деньги – от необходимости называть ее как бы то ни было. И уже едва не произнес это короткое и эффективное, но почти забытое им слово, однако она опередила его аргумент в дискуссии – если ты, Росляков, сказала она, немедленно все не наладишь и я не смогу расплатиться и у *Tiffany*, и у *Donna Karan*, я подаю в суд. И ты мне отдашь половину акций как нечего делать, сука ты, Росляков.

Петр Росляков, в эту же минуту злорадно сказала радио, тридцать восьмой в русском списке *Forbes*, по некоторым сведениям, уже покинул страну. Источник в аэропорту «Шереметьево» сообщил, что арендованный Росляко-

вым девятиместный самолет класса бизнес-джет взял курс на Франкфурт, откуда полет продолжится в Лондон. Таким образом, Петр Росляков, видимо, станет очередным российским лондонцем, скрывающимся в гостеприимной британской столице от закона.

...Он закрыл глаза. Пейзаж, который теперь лежал перед ним, уже никак не напоминал Рублевку.

По всей дышащей болотными парами равнине стояли игрушечные журавлики – из тех, что клюют и клюют в блюдце, дно которого чуть покрыто водой. Только эти журавли были гигантские и несколько условной формы, так что напоминали игрушки лишь общими очертаниями и характером движений.

Их были сотни.

И над ними плыли те же страшные облака.

Петр Романович Росляков беспрепятственно открыл дверь машины и ступил на пружинящую болотную почву. В эту же секунду на горизонте польхнул и ровно загорелся гигантский факел.

– Ничего страшного, Петр Романович, – успокоил, как маленького, немедленно оказавшийся рядом помощник. – Нормальное явление. Углеводороды же...

Росляков шагал по болоту сшитыми на заказ у *John Lobb* ботинками, настроение у него было прекрасное.

– Пошлите в совет директоров мой протест и категорический отказ подчиниться их решениям, – на ходу диктовал он помощнику, и тот умудрялся на ходу же записывать все в ноутбук и распечатывать на принтере, парящем в воздухе рядом. – Собрание мажоритарных акционеров незаконно, поскольку не была заранее объявлена повестка дня, – продолжал Росляков. – И немедленно позвоните генеральному прокурору, я хочу переговорить с ним сейчас же. Жене переведите... ну, сами там подсчитайте, сколько она просит, и пошлите половину. Предупредите, что, если она подаст в суд, я вообще перестану платить и по крайней мере до решения суда она сама будет мыть полы у себя в Майами... А *Tiffany* пусть вернет, хватит у нее и так побрякушек. Теперь насчет Рузаева – подключите федеральную службу...

Тут впереди замаячила спина шофера. Не оборачиваясь и не выпуская сигарету изо рта, он пробормотал: «Что-то совсем борзееет хозяин», но тут же и смолк: Росляков, не вставая со своего сиденья, сильной рукой врезал наглому холую по шее, так что сигарета вылетела и скрылась далеко впереди, там, где туманно виднелась Триумфальная арка...

– Не смей курить, здесь все огнеопасное! – рывкнул Росляков, и шофер съежился, скукожился, смазался и сник до полного исчезновения.

А нефтяное поле лежало впереди, по бокам, позади, везде полыхали без всякой пользы факелы, били черные фонтаны, и бурильщики размазывали бурые потеки по радостным лицам...

– Сырьевая экономика, – заканчивал свое выступление Петр Росляков, Россия, компания «Петро Рос», – не хуже любой другой экономики, господа. Все, что нужно людям, делается из сырья, а без такого сырья, как нефть, вообще невозможно существование человечества. Мы отвечаем за планету, которую Бог поручил нашим заботам, и мы просто обязаны добывать углеводороды, и те страны, на долю которых выпала нелегкая миссия обеспечивать цивилизацию энергетическим сырьем, должны пользоваться особым уважением всего мира. Мы – сырьевой придаток, господа? А как понравится вам звание «технологические придатки сырьевой экономики»?

Форум тридцать секунд переваривал эту дерзость, но потом все же взорвался аплодисментами.

Петр Росляков открыл глаза.

Пробка действительно понемногу начала двигаться.

Можно успеть точно к началу утреннего совещания.

Все было обычно, водитель сидел прямо, представить себе его говорящим или тем более

куращим в машине было невозможно. Помощник деликатно смотрел в сторону, чтобы взглядом не побеспокоить задремавшего начальника.

Поток все ускорялся, а ближе к Киевской поехали вообще нормально.

Небо над всем городом было абсолютно чистое, ни облачка.

– Посмотри сегодняшнюю цену, – велел Росляков помощнику, – там вроде бы что-то происходит...

Парень пролетел быстрыми, как у приличного пианиста, пальцами по клавишам ноутбука.

– Все нормально, Петр Романович, – улыбнулся он, – поднимается, расчетами на завтра сто восемьдесят два...

Росляков откинулся на сиденье, снова прикрыл глаза.

Жизнь идет правильно, в полудреме подумал он. Жизнь должна идти правильно.

В это время запищал телефон – тот, который личный.

Помощник ответил и надолго замолчал, потом, так же молча, нажал отбой.

– Что там? – спросил Росляков, уже зная, что там. Жизнь должна идти правильно, подумал он, должна, должна! Почему же...

А вокруг уже останавливались, вжимаясь в стальную толпу, дорогие машины, которые только здесь скапливаются в таких количествах.

Рублевка опять стояла в пробке, и никто не знал, когда она снова поедет.

С востока небо начало темнеть, и, непрерывно меняя форму, поплыли над Москвой облака.

ПРЕВЫШЕНИЕ

Ранним утром такого ясного дня, какие бывают в середине зимы, когда в небе вдруг обнаруживаются определенно весенние оттенки, а легкие сквозняки отчетливо пахнут гниловатой оттепелью, Макс Виноградов проснулся по телефонному будильнику.

Настроение у него было прекрасное без всяких существенных причин. Впрочем, возможно, оттого, что ему предстояла небольшая приятная поездка — из тех, которые тем приятнее, чем привычнее. Чувствовал он себя так хорошо, так бодро, что даже озноб чуть-чуть пробивал. Готовый ко всему организм охотно и благодарно откликнулся на соприкосновение с очень холодной, потом очень горячей, потом опять очень холодной водой, брызгающей на стенки душевой кабины и тихо плывущей по ним вниз. Макс мельком глянул на себя в зеркало и остался вполне удовлетворен и небольшой бородкой, и гладко выбритой круглой головой, и ясным

взглядом, имевшим, безусловно, позитивное выражение – для мужчины, недавно отметившего сороковник и ведущего не совсем здоровый образ жизни в клубах и других местах досуга, вид был неплохой, даже очень неплохой. Именно так и следует выглядеть в наше время, господа, сорокалетнему мужчине, устойчиво неженатому, прилично обеспеченному, с неплохим делом в руках, живущему в одном из богатейших и, безусловно, интереснейшем городе мира. Да и вообще, где бы вы ни жили и чем бы ни занимались, выглядеть сейчас вам не помешало бы именно так – если, конечно, вы сорокалетний мужчина, а о женщинах здесь пока речи нет.

Короче, Максим – или, кратко и по-дружески, Макс – Виноградов совершил утренний туалет, после которого приобрел прекрасный запах актуального в текущем сезоне парфюма...

Только не ждите названия, не ждите! Еще не хватает автору отбиваться потом от суровых, но несправедливых обвинений в *product*, извините за выражение, *placement*. Не обидно было бы, если б действительно бабки взял, а то ведь упомянешь марку ради достоверности и художественной убедительности, а на тебя тут же и наедут – вот, мол, до чего опустился беллетрист... Нет уж, спасибо, без нас хватает мастеров этого дурного дела, а мы поостережемся.

Итак, чистый и благоухающий Макс быстро оделся – а чего там одеваться, ну, джинсики какие-никакие, футболка, пиджачок неброский – и зарядил кофейную машину. Три минуты ожидания кофе он потратил наилучшим образом: просто сидел за столом, крутя в руках сигарету (никогда не курил до хоть какого-нибудь завтрака, никогда!) и рассматривая свою холостяцкую квартиру, из тех, которые теперь и наши риелтеры по-европейски красиво называют студиями. Действительно, квартира была хорошая, купленная совсем недавно, но уже подорожавшая вдвое, просторная, прилично обставленная мебелью в гигиеническом алюминиевом стиле хай-тек, – да чего уж говорить, хорошая квартира, нам с вами как раз такая снится. Макс рассматривал свое жилье как бы со стороны, как будто только что сюда впервые попал, и испытывал спокойное чувство удовлетворения, несмотря на ужасный бардак в виде валяющейся везде одежды, CD без коробок и стоящих на всех полированных поверхностях разноцветных кружек с засохшими на дне бежевыми остатками кофе и чая. Ничего, днем придет белорусская женщина Галина, снабженная ввиду заслуженного доверия своим ключом, и наведет полный порядок, включая стирку и глажку с помощью современной бытовой техники, за небольшие ежемесячные деньги..

Он сидел, вдыхал сильный запах кипящего кофе, крутил сигарету, был счастлив.

Ну-с, а потом, секунду поколебавшись в выборе между паркой-аляской с богатым мехом вокруг капюшона и легким плащиком, сделал выбор в пользу плаща, там, в Европе, всегда тепло, что бы ни писали на погодном сайте, кинул на плечо ремень кофра с деловым, необходимым в поездке костюмом – и вышел, как следует заперев тяжелую дверь, к лифту. Тут он опять испытал то же самое чувство довольно глубокого удовлетворения: каковы бы ни были его планы, в лифте он мог поехать только вниз, поскольку жил на самом верхнем этаже и выше его квартиры было лишь хорошо зачиненное острие карандаша, на который снаружи очень походил его сравнительно недавно построенный дом. Так что не пентхаус, конечно, но и не так, чтоб совсем не пентхаус...

И дорога в аэропорт порадовала Максима Виноградова. Вообще-то люди его поколения в большинстве воспринимают окружающую действительность как единственно возможную, не слишком придавая значение отпадным переменам к лучшему в городском пейзаже. Будучи совершенно благополучны, они тем не менее постоянно поругивают жизнь, кругом обнаруживая исключительно недостатки, неудобства, дурной вкус и обличая корыстолю-

бие, мздоимство, прямое воровство в среде начальства. То есть днем они и сами работают начальством, и даже немаленьким, и все, свойственное начальству, свойственно и им, а вечером съедутся в каком-нибудь популярном на сегодня клубе (никаких названий!) и обязательно полчаса все ругают. А уж только потом нюхнут понемножку и начинают зажигать по-взрослому...

А Максим, в отличие от многих, хорошо помнил прежние московские виды и потому с удовольствием любовался новыми. Взлетали и нисходили эстакады. Назначенные охранять город от шума щиты, тянувшиеся вдоль них, были похожи на раскрытую скорлупу креветочного хвоста. Гудели трубы тоннелей, мелькали и улетали назад слезящиеся лампы на их стенах. Острыми обломками вспарывали горизонт небоскребы, угловатые кристаллы их скоплений на мгновение закрывали перспективу. Огромные стеклянные сараи торговых центров с густой россыпью как бы игрушечных машин перед ними издали заявляли о себе рекламными щитами шириной с добрые заводские ворота, но укрепленными на столбах высотой с три этажа. И надо всем этим, как уж было в самом начале сказано, сияло удивительно чистое, светло-серое с легким сиреневым оттенком небо, какое бывает только над Москвой в такую пору.

Макс гнал свою машину (ну, поверьте на слово, и страна-изготовитель достойная, и марка хорошая, и модель, а больше ни-че-го вы от меня не узнаете!) в сторону МКАД по еще сравнительно пустым улицам, любовался новыми красотами, открывающимися с каждого перекрестка, и думал о женщинах.

Женщины занимали в его жизни, как и следовало предполагать, самое большое место. То есть была жизнь – бизнес, развлечения, хорошее устройство быта – как оболочка, а внутри этой оболочки, заполняя ее всю, были женщины. Их было много, последовательно и параллельно, одно время он даже приспособился посылать ежедневную эсэмэску «Привет, малыш» в пяти копиях, но обычно хватало двух-трех. Женщины бывали в его отлично обустроенной для этого квартире; и в их разнообразных, иногда совсем не годных ни для чего квартирах; а иногда даже в его офисе по вечерам, когда служащие разбегутся; да, чего уж греха таить, и в подсобке какого-нибудь веселенького клуба, среди сломанных стульев и оставленных мастерами хип-хопа усилителей и микшеров... И никогда не возникало у Макса с женщинами конфликтов, такой он был от природы удачно устроенный человек. Никогда они не заявляли никаких претензий, не пытались растянуть, а тем более прорвать собой оболочку его жизни,

стать не главным содержанием существования, а самим существованием. Если же какая-нибудь из них, проснувшись утром в квартире стиля хай-тек, обнаруживала склонность к тому, чтобы просыпаться здесь и в обозримом или, того пуще, необозримом будущем, то больше она уже не просыпалась здесь никогда. То есть пошла, например, в Максовой рубаше, достигающей ей до колен, да включила любимую Максову кофейную машину по собственной инициативе – все, *незачот*, как пишут люди в Сети. И не получать ей больше ежедневных эсэмэсок, и если встретит она через пару недель Макса в их любимом клубе, то смело может рассчитывать на нежный поцелуй и дружеские объятия – и опять привет, продолжение не следует ни за что. И ведь надо же: не обижались они на него! Как-то так он их нежно целовал и дружески обнимал, что смирились они с переменой отношений без всякого не то что скандала, но даже и без тени обиды. Хороший Макс парень, говорили они между собой, нереально хороший, а что не женится, так ты, подруга, прикинь, ты бы на его месте на нас женилась бы? Тут следует отдать должное их женской логике, которую многие не признают. Вы просто сначала научитесь так нежно целовать и дружески обнимать, как Макс, тогда и у ваших женщин логика появится.

В общем, Макс ехал все быстрее и быстрее по пустоватому шоссе, все ближе и ближе к выезду из города, думая про женщин. Думал он буквально следующее: «Из аэропорта позвоню – и привет, тайм-аут на двое суток, все номера отключу, сим-карту поставлю тамошнюю, типа отдых...»

И так ехал он, по раннему свободному времени, конечно, сто двадцать там, где разрешенная шестьдесят, за что и был остановлен инспектором ГИБДД Игорем Исуповым. Который спрятался вместе со своими радаром и палкой как раз сразу за подъемом, перед развязкой.

А Макс таких прячущихся инспекторов очень не любил. Поэтому он, затормозив, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, чтобы успокоиться за те секунды, пока инспектор, медленно передвигаясь в своем синем толстом костюме-скафандре, подойдет слева и козырнет. Закрыл, посидел на три счета и снова открыл.

Но совершенно не успокоился, а, скорее, наоборот. Прелестное утро исчезло, как будто и не было его. Небо сделалось мутным, как похмельный глаз. Городской пейзаж превратился в свалку неаккуратного бетона. Исчезла куда-то бодрость. А главное – испарилось ожидание воздушного бегства на двое суток в милую, скучноватую, но очень удобную страну, где можно будет вы-

пасть из ритма и, отведя три часа на неизбежную встречу с партнерами, в остальное время поваляться в гостинице, побродить по берегу озера, поесть вкусно. Теперь воздушное бегство нужным рейсом, распечатка электронного билета на который лежала в кармане Макса, оказалось под угрозой, потому что ехал Макс в обрез под конец регистрации и любая задержка могла сделаться роковой.

Как поступил бы в таком случае нормальный человек, тот же Макс, оставайся он нормальным? Естественно, дал бы инспектору Исупову взятку в не очень крупном размере... ну, тысячу рублей... ну, учитывая нынешние строгости и особую спешку в аэропорт, две... ну, черт с ним, одну светло-зеленую бумажку в сто европейских денег – это выше головы. И все, конец инцидента, все люди опозданию в аэропорт сочувствуют, и бесплатно портить соотечественнику жизнь тоже никто не желает.

Но Макс Виноградов уже перестал быть нормальным, а, напротив, совершенно взбесился, услышав от Игоря Исупова произнесенные с грустной и даже сочувственной интонацией профессиональные слова: «Превышаем, водитель». И поступил совершенно необъяснимым образом...

То есть это неправильно сказано – «необъяснимым». Как раз очень даже объяснимым. Раз-

ве с вами никогда так не бывало: вот только что все у вас шло хорошо, приятно, складно — и вдруг какой-то... ну, в общем, какой-то, мягко говоря, идиот свалился на голову и весь кайф обломал. Причем он прав, вот что обидно! Вы сами подставились, а могли бы и не подставиться, и все продолжалось бы, и жили бы себе дальше. Но уже поздно, счастье рассыпалось, пошло прахом... Ах, как хочется что-нибудь разбить, въехать кому-нибудь в едало, бросить что-нибудь на землю и растоптать, и порвать что-нибудь!

Вот Макс так и сделал.

А именно: достал права, техталон, страховку, присоединил к ним бумажник с деньгами, пластиковыми карточками и прочими платежными средствами, туда же добавил свой паспорт, сплошь зашлепанный визами, приложил распечатку авиабилета — и молча, глядя в сторону, протянул инспектору. Поскольку же тот ничего не взял и даже инстинктивно спрятал руки за спину, то Макс просто уронил все эти предметы в снежную жижу, рядом с дверью машины.

Потом он открыл дверь, слегка отпихнув ею инспектора Исупова (это мы знаем, что инспектора зовут Исупов И.К., а Макс этого не знал и не интересовался, он же, как сказано, был не в себе), и вылез наружу. Все так же, глядя

в сторону, он нагнулся, выдернул ключи и, хорошо, спортивно размахнувшись, забросил их на откос, где они и исчезли, проделав в чистом снежном покрове черную дыру.

После этого Максим Виноградов быстрым и ровным шагом пошел по осевой назад, в город.

Там он и сгинул.

Возможно, он превратился в нелегального иммигранта и в этом качестве вместе с другими таджиками стал работать грузчиком на строительной ярмарке возле кольцевой. Да вы, наверное, знаете, проезжали: той, что рядом с самым большим в Европе торговым центром. Там его и можно увидеть. У него красные от холода руки и один ноготь черный – придавил пакетом керамической плитки.

Не исключено, что он стал обыкновенным бомжем и теперь проводит время на одной из центральных площадей столицы. Точнее, в длинном и грязном переходе под этой площадью он сидит возле стены на корточках, как сидят восточные люди, зэки и русские солдаты. Лицо его представляет собой сплошной синий кровоподтек, а отросшие волосы на макушке склеились черной засохшей кровью.

Вполне вероятно также его другая жизнь в облике аккуратного нищего, стоящего на коленях рядом со входом в знаменитый гастроном. Перед ним на асфальте лежит шапка, в ко-

торой шевелятся под ветром мятые десятки и блестит мелочь, а на груди висит картонка с немного кривой надписью «На лечение».

В конце концов, его просто могла сбить меняющая ряд «Газель», водитель которой не видел за другими машинами человека на осевой и никак не ждал его там увидеть. А потом его привезли в городскую больницу, где положили с переломами обеих голеней, левой руки и четырех ребер в коридоре травматологии, и теперь к нему ходит следователь, чтобы выяснить личность и обстоятельства. Ни одному слову Макса следователь не верит, поскольку никогда не видел людей, бросающих на землю деньги и загранпаспорта.

Все может быть...

...Макс затормозил и откинулся на спинку сиденья, закрыв глаза, чтобы успокоиться, пока подходит инспектор, передвигающийся в своем синем толстом костюме, как астронавт в лунном скафандре. На третий счет Макс глаза открыл. Тут и инспектор Исупов подошел, отдал честь, представился с упоминанием отдельного батальона и сочувственно, с сожалением сказал: «Превышаем, водитель». Макс дал ему тысячу... нет, учитывая новые строгости, две... да черт с ним! Вот, держи сто евриков, командир, а я погнал, спешу, извини...

И приехал в аэропорт.

Превышение

И поставил машину на охраняемую стоянку.

И улетел себе в свою Женеву или куда там еще.

И больше ничего не было.

И то сказать: ну, превысил человек скорость, ну, сделал ему инспектор правильное замечание, ну, разошлись, как люди, – не ломать же судьбу!

Но, с другой стороны, все может быть... Ох, господа, послушайте старика, держите себя в руках!

А то ведь и правда – все может быть.

ПОВЕСТИ САНДРЫ ЛИВАЙН

Сандра ЛИВАЙН – американская писательница русского происхождения, автор большого цикла рассказов, героиня которых, очевидно, имеет психологическое и биографическое сходство с автором – во всяком случае, обе склонны принимать свои фантазии за реальность. Все произведения С. Ливайн написаны в изобретенном ею жанре «детектив без преступления», или «женский триллер». Сведений о самой С. Ливайн почти нет, известно только, что она живет в маленьком городе на восточном побережье США, публикуется под псевдонимом и скрывает от окружающих свои литературные занятия.

Повести, вошедшие в эту книгу, публикуются в авторском переводе и с разрешения автора.

Эплвуд, Нью-Джерси. Будний день

Я решила его убить, только исчерпав все прочие методы воспитания.

Мне казалось, что теперь-то самое трудное позади. Решение было принято, я плакала целую ночь, прощаясь с ним, только под утро успокоилась, вспомнив все хорошее, что он мне сделал, и заснула, почти простив его: если ситуацию разрешить его убийством, побеспокоившись, чтобы смерть была безболезненной, мы будем вполне квиты.

Я все подсчитала. С одной стороны – то, что я от него получила, с другой – мои пятнадцать лет жизни, которые я на него потратила. С одной – его намерение уйти от меня, с другой – мой план. В конце концов, он ведь тоже собирался меня в некотором смысле убить, зачеркнув эти пятнадцать лет и обеспечив мне как минимум еще пять одиночества в ближайшем будущем. Итого – двадцать. А всего проживу я, допустим, семьдесят пять. Значит, почти треть жизни он у меня отнял, то есть на треть убил. А я тоже отниму у него не больше трети, поскольку в свои пятьдесят два он уже две трети наверняка прожил. Вот и весь баланс.

Согласитесь, я неплохо считаю. Причем в уме! Я даже подсчитала, что может получиться

в других вариантах. Например, вполне вероятно, что я не выйду замуж не только спустя первые пять лет после его ухода – вернее, смерти, – но и все десять. Тогда получится, что он отнял у меня почти полжизни, а я у него уже никак не смогу отнять половину, потому что вряд ли он прожил бы до ста четырех...

Тут я немного запуталась и начала просчитывать третий вариант, в котором я вообще уже не выходила больше замуж. Вон сколько моих ровесниц, и даже очень привлекательных, и хороших хозяек, и все такое, не замужем. Чтобы снова не заплакать, я быстренько заснула.

А утром все оказалось гораздо сложнее. Потому что одно дело – решить, а другое – действительно убить. Можете попробовать сами и убедиться. Вот специально, чтобы проверить: придумайте, как именно кого-нибудь убить, не обязательно даже собственного мужа, пусть совершенно постороннего человека. Вот увидите, ничего толкового не придумаете. А мужа, причем так, чтобы на вас не пало подозрение, еще труднее! Кому еще нужно убивать мужа, кроме жены? Вообще мне кажется, что чужих людей убивают только на войне.

Я даже почти не заметила, как выжала сок из морковки и зеленого яблока, хотя обычно я очень боюсь соковыжималки – она грохочет

и в нее можно засунуть пальцы. А тут настолько задумалась, что и выжала, и выпила, и ничего не почувствовала, и кофе тоже сварила как-то механически, без нетерпения, и тоже выпила, и кусок сыра съела – и хоть бы что. А ведь я очень люблю поесть и, оттого, что ем мало и считаю калории, люблю еще больше.

Но в это утро ничто меня не радовало, потому что я никак не могла придумать способ убийства.

Проще всего, конечно, отравить его.

И никто не удивился бы, решили б, что он выпил лишнего, ведь он, как всем известно, пьет много, почти не пьянеет и от этого пьет еще и еще. Вполне может когда-нибудь допиться и без моей помощи, сердечный приступ, не успел набрать девятьсот одиннадцать – и все...

Но я не могу ждать.

Следовательно, надо, во-первых, найти яд, во-вторых, растворить его в бутылке его любимого старого *Jack Daniels* и, в-третьих, сделать так, чтобы он выпил именно этот бурбон и в достаточном количестве. Потом надо позаботиться о том, чтобы уничтожить все улики – то есть недопитый виски вместе с бутылкой... Стоп! А то, что останется у него в желудке? Будет вскрытие, как бывает во всех фильмах, всякие анализы, обнаружат яд... И, конечно, сразу заподозрят меня. Кстати – а где же

взять яд? И какой? И как его растворить – в закрытой бутылке не растворишь, а открытую – как ему подсунешь? И вообще он пьет в барах, а дома выпивает только последний стаканчик перед сном, бутылка стоит в его кабинете, на полке среди университетских призов, подмену он с его сверхъестественной наблюдательностью обязательно заметит...

И этот способ – отравление – был еще самый простой из всех, которые приходили мне на ум! Представляете? А когда я начинала обдумывать, как застрелить его из пистолета, или задушить его же брючным ремнем, или зарубить топором, как убили старуху в каком-то русском романе, у меня вообще голова начинала идти кругом. Откуда я возьму пистолет? Я даже не знаю, где он хранит свой. Как я стащу его пояс, не вызвав его удивления? Я же говорю, он дьявольски наблюдателен. А я, кстати, не наблюдательна вообще, не запоминаю мелочей, так что обязательно на какой-нибудь попадусь.

А топора у нас дома нет – я вообще смутно представляю себе, как он выглядит. Вспоминаются только клетчатые рубахи и бороды канадских лесорубов, которых я видела по телевизору.

В общем, получалось так, что убить его мне никак не удастся и остается только ждать, когда он меня бросит, а он меня, конечно, бросит,

и одно утешение – ждать осталось не слишком долго, хотя бы это хорошо, ждать я не люблю, все, что должно произойти, должно произойти немедленно.

Вообще-то я понимаю, что у вас уже могло составиться представление обо мне как о законченной идиотке, к тому же необразованной. Уверяю вас, что это не так. Заметьте: мне далеко не восемнадцать, и мужу моему за пятьдесят, мы вполне зрелые люди, прожившие вместе очень долго, и вообще – до замужества я окончила колледж. Просто с некоторых пор я взяла за правило, размышляя на любую тему, формулировать все очень ясно, даже примитивно, чтобы не оставалось возможностей для самообмана, ухода от прямых ответов самой себе.

Итак, что происходит? Мой муж, как я полагаю, влюбился и собирается уйти к своей любовнице, только еще не решил, когда и как именно, чтобы не вызвать с моей стороны серьезного сопротивления. Я ни в коем случае не могу этого допустить, потому что останусь не просто одна, но одна и без средств. Ну, не вообще без средств, но без тех средств, которые могла бы получить, оставшись его женой до тех пор, пока я сама не решу это прекратить. Конечно, будет развод, суд, и я получу все, что мне полагается. Но почему я должна терять то,

что мне не полагается, то, что мне не выделит суд? А его будущие доходы? Он при любом естественном развитии событий умрет раньше меня, так что рано или поздно я получу все, а не часть – но только в том случае, если не появится новой наследницы.

Следовательно, он должен умереть не просто раньше меня, но не успев эту новую сделать наследницей.

Можно, конечно, заняться ею, а не им. Но, во-первых, ее еще надо определить среди сотни-другой его знакомых и коллег женского пола, потом разыскать и, главное, убить – трудностей еще больше, чем с ним. Однако и это не сняло бы проблему навсегда, спустя какое-то время снова сложится точно такая же ситуация. Он обязательно найдет какое-нибудь утешение в безутешном горе, и этим утешением буду не я... Во всяком случае, есть большая вероятность, что не я. А я не хочу оставлять ужасной судьбе даже одного шанса.

Но топора нет.

Я все еще думала о том, что топора нет, точно так же, как нет яда и пистолета, когда услышала, что по гравийной дорожке прошуршала его машина, а через минуту лестница тихо за скрипела под его шагами.

– Я дома, дорогая, – громко, чтобы я услышала, где бы ни находилась, произнес он риту-

альное приветствие и прошел в свой кабинет. С некоторых пор он избегал здороваться обычным «здравствуй» – только такими же ритуальными «доброе утро, дорогая» и «добрый вечер, дорогая». И это при том, что утром он видел мое опухшее от очередной бессонной ночи лицо. И «добрый вечер» бывал часа в два ночи, когда он еле стоял на ногах от выпитого и несло от него не только бурбоном, но и явно не его парфюмом, а я опять была заплаканная, уставшая от бессонного ожидания. Зачем я его ждала, почему стояла в дверях своей спальни, а не спала спокойнейшим сном? Волновалась за человека, которого уже решила убить? Глупость какая-то, как из юмористического телешоу...

– Я тоже, – ответила я и, переждав, пока он прошел в кабинет и закрыл дверь – он и смолodu не любил раздеваться при мне, – пошла вниз, в столовую. Обедать вместе – это был еще один ритуал, хотя уж от этого точно надо было бы отказаться давно, потому что едва ли не каждый обед заканчивался тихим конфликтом за столом и громким скандалом наверху, когда горничная, убрав посуду, уже уходила.

Слава богу, хоть детей у нас не было.

И даже собаку я предусмотрительно не завела. Я вижу, как привязаны к своим животным мои подруги и соседки. А привязываться нельзя ни к кому, даже к себе. Потому что, если

сильно любить себя, можно наделать кучу глупостей, как делают все влюбленные, и это пойдет тебе же во вред.

Поначалу я каждый раз находила другой ответ на это его дурацкое «я дома». Например, «а я подумала, что это ночная пицца» или «вы не ошиблись адресом, сэр?». Вообще он считает меня остроумной, и я слышала, как он несколько раз повторял мои слова приятелям даже с некоторой гордостью. Он способен гордиться чем угодно – своим очередным унылым *Nissan*, удачной игрой его университетской футбольной команды в сезоне семьдесят восьмого года... И даже моими шутками, в которых самое смешное, на мой взгляд, то, что я вовсе не считаю их шутками. Просто я почти всегда – если нет практических причин врать – говорю то, что думаю, и теми словами, которые первыми вспоминаются, а многим это кажется чертовски смешным, потому что наши знакомые никогда не говорят ничего подобного...

За столом Элайя демонстративно молчит. Я его знаю – это именно демонстрация, если бы он не хотел что-то сказать этим молчанием, он обязательно начал бы рассказывать какую-нибудь ерунду про совет директоров или еще о чем-нибудь таком же непонятном и неинтересном мне. Уже давно я перестала интересоваться его жизнью, она кажется мне не-

лепой, суетливой и недостойной – все эти интриги в правлении, напряженные отношения между чуждыми и неприятными мне людьми. Он выбрал такую жизнь. Когда мы познакомились, она еще не поглотила его целиком, но постепенно он погружался в нее все глубже и одновременно уходил от меня все дальше. Выбирая между мною и бизнесом, он выбрал бизнес. Однажды я сказала ему об этом, и он пришел в настоящее бешенство, орал и топал ногами – как я смею судить его, ведь он работает, как мул, ради меня же, ради этого дома, чтоб он сгорел (тут я вздрогнула), ради того, чтобы у меня было все, что мне нужно!.. И посреди скандала я вдруг поняла: он действительно уверен в том, что говорит, и возражать ему бессмысленно. Тем более что я еще не придумала тогда, как именно возразить. Ведь он действительно зарабатывал на нашу жизнь... В общем, выход только один – надо прекратить мою зависимость от него, надо исключить возможность того, что он изменит свою жизнь, перестав в нее верить, а чтобы этого не случилось, его жизнь должна закончиться как можно скорее, пока он ее еще не изменил... Но, несмотря ни на что, и после этого важного скандала он продолжал заводить за столом разговоры обо всем, в том числе и о неприятных мне вещах – например, о семейной жизни наших зна-

комых, – он просто не мог не говорить со мной, в этом смысле он был психологически зависим от меня не меньше, чем я от него в смысле материальном. За долгие годы он привык к этим разговорам и к скандалам, почти всегда следовавшим за ними, без этого он тосковал. Это было что-то вроде любви.

А сегодня он молчал. Допустить, чтобы он так и закончил обед в молчании, я не могла: один раз тишина, другой – и он сможет преодолеть свою зависимость. И я взяла на себя его роль – начала неприятный разговор, причем самым простым образом.

– Ты молчишь демонстративно, – сказала я и отложила салфетку, будто собралась встать. – Пожалуй, нам лучше обедать в разное время...

Он отреагировал, как никогда прежде: не заорал, не прошипел сквозь зубы «сука» и даже не встал из-за стола – вместо этого он очень мило мне улыбнулся и продолжил с большим аппетитом уничтожать тушеную баранину, которую, честно говоря, я приготовила отвратительно. Его улыбка была настолько неожиданной, что я пропустила удар и потеряла лицо.

– Ты так и будешь молчать?! – взвизгнула я, и мой крик наверняка донесся до соседской кухни, но я уже не могла остановиться. – В конце концов, лучше рассказал бы о своих идиот-

ских делах, чем сидеть и улыбаться, как долбанный японец!

Но даже этот мой явный проигрыш мяча не смягчил его, и издевательство продолжилось. Все так же молча, с тенью той же доброй улыбки на лице, он доел жаркое, допил свой стакан австралийского красного, которое в последнее время мы обычно пили за обедом, утерся салфеткой, положил ее на скатерть... И только после этого, со все более милой улыбкой – с улыбкой, черт бы его взял! – глядя мне в глаза, спросил:

– А что бы ты хотела послушать, дорогая? Мне кажется, что тебе не очень интересны дела в моей компании... Может, лучше поставишь диск Генделя, которого ты так любишь? Во всяком случае, он всегда лежит на виду...

И, не дожидаясь моего ответа – да я и не могла ответить, поскольку от бешенства потеряла дар речи и обрела его только через час для телефонного разговора с моей лучшей подругой Кэйт Маковски, – не дожидаясь ответа, он встал и вышел из столовой. И я слушала, как он поднимается в кабинет, бух, бух, бух по лестнице, а раньше у него была такая легкая походка...

Советоваться с Кэйт относительно столь важного дела, как убийство мужа, я не решалась. Кэйт была умница, но, в отличие от меня, легкомысленная, за это я ее и любила. Убийст-

во ей наверняка показалось бы слишком серьезным решением проблемы, слишком лишенным юмора. А вот о неожиданной реакции Эла на мою вполне заурядную провокацию ссоры я ей рассказала. Она от всей души посмеялась над моим поражением – на другого человека я бы обиделась, но Кэйт простила все – и дала прекрасный совет.

– Ты должна немедленно стать паинькой, – сказала она, – потому что, когда мужчина перестает орать и даже не пытается ударить кулаком по столу, чтобы не ударить тебя, дело плохо. Значит, он освобождается от тебя. Хуже может быть только одно из трех или все сразу: он сделает тебе дорогой подарок, или позовет поужинать в хороший ресторан, или, наконец, просто придет домой с букетом твоих любимых фиалок. Тогда пиши пропало, он свободен и либо уйдет от тебя в ближайшее время, либо, что еще хуже, всю оставшуюся жизнь проживет с тобой свободным человеком, чего допустить никак нельзя. Будь осторожна, не давай ему возможности отвечать на твои гадости наглой снисходительностью.

Я приняла к сведению то, что Кэйт сказала, даже не сделав поправки на естественную неискренность. С какой бы стати подруга давала прекрасный совет от чистого сердца? Но в ее рассуждениях – как всегда, надо признать –

была логика и, что еще важнее, юмор. Я давно заметила, что сказанное с юмором почти всегда верно, в то время как совершенно серьезные рассуждения обычно скрывают ошибку в самом начале. Вот Кэйт шутя проникла в самую суть нашей с Элом ситуации...

Итак, прежде всего надо переменить тактику, стать тихой и покорной. Он готов к моей агрессии, а как только ее не станет, он растеряется – тут я его и обойду. И при этом надо, конечно, ускорить подготовку к окончательному решению вопроса... Кажется, именно так нацисты обозначали все эти свои газовые камеры, печи и прочие кошмары дурного вкуса – окончательное решение еврейского вопроса. Формулировка, следует признать, точная.

Я остановилась на отравлении.

* * *

Если вам нужно срочно принять меры против древоточца, доставшегося вам вместе с комодом *chippendale*, который вы нашли на обычной гаражной распродаже, или привести в порядок все кладовые в доме, или починить лампу, которую вы нечаянно сдернули за шнур с каминной полки, или убить кого-нибудь – что вы сделаете? Конечно! Вы возьмете местную

газету и откроете ее на странице объявлений: там всегда есть с полсотни предложений разных услуг.

Вот и в этот раз я устроилась на диване с телефонной трубкой, развернула газету, еще мокрую от травы на газоне, и начала читать все объявления подряд. Дошла я только до сообщения об открывшейся в нашем городке студии традиционного тибетского пения, которому брался научить за резонные деньги любого желающего господин Тан, – и в это время зазвонил, конечно, телефон. Пометив карандашом Тана, чтобы продолжить поиски после телефонного разговора, я ответила на звонок. Обычно я звонила Кэйт, она же мне – только в исключительных случаях, когда я, например, сидела на унитазе, проклиная лишнюю ложку майонеза в соусе, или возилась с эпилятором...

– Что ты делаешь, милая, разводишь крысиный яд для своего тирана или считаешь морщины на своей шее? – вместо того чтобы поздороваться, спросила она. От упоминания крысиного яда мне едва не стало дурно, хотя я давно привыкла к тому, что в шутках Кэйт всегда есть много большая доля правды, чем в обычных шутках. Но откуда она все узнала?!

– Ждала твоего звонка, потому что если его не ждать, то ты обязательно позвонишь, – ответила я довольно резко, уж очень меня огорчил

крысиный яд. А может, посоветоваться с нею, мелькнула мысль, ведь все равно она догадывается...

– Я не обижусь и не повешу трубку, не надейся, – она действительно нисколько не обиделась. – Я чувствую, что тебе необходим мой совет.

Мы обе замолчали, но через минуту я рискнула.

– Скажи, Кэтти, с чего бы ты начала, если бы тебе надо было решить... ну, некую проблему... конфиденциально... – тут меня, как мне показалось, осенило, – допустим, у меня есть некоторые подозрения относительно моего здоровья, и мне нужно найти доктора, который все проверит, не поднимая шума ни в каком случае...

– ЭЙДС?! – завопила она так, что я могла бы ее услышать без всякого телефона. – У тебя ЭЙДС?! Но он же не мог передаться через взгляд на того латиноса-бармена! А кроме него – от кого он мог бы у тебя взяться?

– Ты не все знаешь, – гордо сказала я, уже сама почти веря, что меня заразил случайный любовник, и вспоминая всякие эпизоды из фильмов с мотелями, неотразимыми негодьями и неудержимой страстью... – Это было случайно, минутное безумие... А теперь я не нахожу себе места от страха, но не хочу идти к нашему доктору Вэйнстайну, потому что потом... потом

я уже не найду в себе сил обратиться к нему, если я еще чем-нибудь заболею...

– После ЭЙДС ты уже ничем не заболеешь, – мило пошутила Кэйт. – А Элу ты еще не сказала? Или у тебя после... после твоего грехопадения ничего не было с Элом? Как тебе удалось? У него что, уже проблемы с эрекцией?

За секунды, в которые она задавала свои неприличные и глупые вопросы, я сообразила, что все это – не такая уж хорошая выдумка.

– Никаких проблем у него нет, а у меня, боюсь, есть... Что касается Эла вообще... Ты же знаешь, что у нас уже два года разные спальни... Ну, так что ты думаешь по этому поводу? Как мне найти то, что мне нужно, – не совсем легальное, но и не вполне криминальное? Я сейчас смотрю нашу газетенку, эту паршивую «Эплвудскую хронику», но пока...

– Боже, в каком веке ты живешь?! – опять закричала она в трубку так, что у меня зачесалось в ухе. – Ты что, не слышала, что уже изобретен Интернет и в нем есть все? Например, все десять или сто миллионов врачей, которые тебе скажут, что вообще незащищенный секс опасен, особенно со случайными партнерами, но у тебя на этот раз обошлось благополучно...

– Значит, – оставаясь в своем образе милой дурочки, перебила я, – ты уверена, что искать

следует в Интернете? И там есть то, что мне нужно?

– Сраная дура! – рывкнула вместо ответа Кэйт и бросила трубку. Она бывает очень раздражительной, но обязательно извиняется потом и делает какие-нибудь безумные подарки. Однажды она назвала меня «алчной сукой», причем прилюдно, на заседании нашего совета «Женщины Эплвуда за аборты», но в тот же вечер стояла у моих дверей на коленях, протягивая коробочку с очень милыми сережками, мой камень – сапфир. Не сказать чтобы крупные, но все же...

Я спокойно продолжила читать газетные объявления, собираясь заняться Интернетом ближе к вечеру. Но, дойдя до недвижимости в районе Пэрадайз-Хиллз, недавно застроенном на противоположном берегу озера, и совсем немного подержанного *Lamborghini*, я поняла, что Кэйт и на этот раз была права – газета как носитель информации безнадежно устарела, надо включать ненавидимый мною лэптоп.

Впрочем, если использование техники необходимо и неизбежно, я управляюсь с нею не хуже нормальных людей. На следующее утро примерно через полчаса поисков я прочла на экране то единственное объявление, которое было мне нужно: «Специалист поможет в решении любых персональных проблем, конфиден-

циально, легально». К счастью, специалист дал не только свой *e-mail*, но и номер телефона – терпеть не могу эти письма в пустоту! Никаких других подходящих объявлений не нашлось даже в Интернете.

* * *

Голос в телефоне был симпатичный, немного с хрипотцой, но молодой.

– Я могу приехать к вам, мэ, – так ответил он на мой вопрос об адресе его офиса, или мастерской, или кабинета, не знаю, как это называть. – Где вы живете?

Такая неожиданная любезность меня смутила. Я привыкла к тому, что все специалисты, за исключением разве что сантехника, требуют везти предмет их деятельности к ним – все равно, сломавшуюся кофейную машину или больного дедушку. А располагаются их служебные помещения, как правило, где-нибудь на границе штата. И в поисках адреса мой *GPS* в машине – одно из немногих любимых мною электронных приспособлений! – сходит с ума, а когда я наконец стучу в ободранную дверь, обнаруживается, что прием закончился час назад и специалист, черт бы его взял, уже подъезжает к аэропорту, чтобы улететь в родной Канзас на

уикенд. Точнее, до вторника, мэм, нет, мэм, вы не ошиблись, сегодня четверг, но я ничем не могу вам помочь, я просто сосед, который присматривает за всем этим, когда он улетает в Канзас, бывали в Канзасе, мэм?..

Он сказал, что прекрасно знает Эплвуд, сам живет неподалеку и может приехать минут через сорок. Был полдень, среда, Эл должен был появиться не раньше половины шестого вечера, и я разборчиво продиктовала свой адрес. Что сказать этому парню, я уже придумала – меня осенило сегодня под утро. Мне нужны сильные снотворные, а врач не выписывает, это не совсем законно, но в том и проблема – без снотворных я не могу, а получить их обычным путем не могу тоже... Не очень складно, но довольно правдоподобно – правда всегда не очень на себя похожа.

Он выглядел примерно так, как и должен был выглядеть. Щетина на голове короче, чем на щеках, под старым полотняным пиджаком рубаха навывпуск, будто он впопыхах вылетел из спальни, слишком длинные джинсы, лежащие складками на несоответственно дорогих ботинках... Словом, настоящий специалист, из тех молодых, которые умеют все, но хотят чего-то такого, что мне непонятно – да и им, думаю, тоже. От выпивки не отказался и уселся с бутылкой пива в кресло, повернув его таким обра-

зом, что у меня остался выбор: либо стоять, причем за его спиной, либо сесть на диван к нему прямо лицом, через стеклянный столик.

– Я хочу предупредить вас, мэм, – начал он, будто мы уже час беседуем и обо всем договорились. – Во-первых, вы мне будете говорить правду, исключительно правду о ваших проблемах. Во-вторых, вы заплатите мне много, хотя вам будет казаться, что я ничего не сделал, только поболтал с вами. В-третьих, вы заплатите только после успешного преодоления ваших трудностей.

Я сразу забыла свою версию вранья и, словно под гипнозом, кивнула три раза.

– У вас проблемы в отношениях с мужем? – Он продолжал тем же тоном если не старого знакомого, то домашнего доктора.

И я снова кивнула.

Через полчаса я рассказала ему все, кроме как о намерении убить Эла. Но об убийстве заговорил он сам.

– Другого решения вы не найдете, – сказал он (я уже знала, что его зовут Марком). – Любое другое приведет к потере денег вами, а следовательно, и мной – мой гонорар пропорционален сумме, которая вам достанется, и составит от нее тридцать процентов.

– Таким образом, вы предлагаете свои услуги наемного убийцы, – меня начала бить силь-

ная дрожь, потому что я вдруг поняла, что происходит. – Тридцать процентов – это много, но как вы собираетесь проверить, не обманываю ли я вас?

– Я найду способ, – он усмехнулся. – Странно... Вы интересуетесь, почему я доверяю вам, но не озабочены тем, можно ли доверять мне...

Увы, иногда, особенно когда разнервничаюсь, я забываю о том, что мне, с моими золотыми кудряшками, не положены мозги. Вот и сейчас, стараясь унять дрожь и начисто утратив чувство юмора – что ни говори, я впервые нанимала киллера, – брякнула лишнее, да еще тоном человека, который привык делать умозаключения.

– Если вы не боитесь, что я вас обману, значит, собираетесь обмануть меня раньше, – вот что я сдуру сказала, но тут же спохватилась и добавила: – Такого принципа ведения дел придерживается мой муж Элайя, и он так часто повторяет это, что я запомнила.

Подняв глаза, я встретила взглядом с Марком, он смотрел на меня с интересом и явным удивлением – следовательно, его не ввела в заблуждение моя ссылка на мужа, который на самом деле за всю жизнь не сказал ничего похожего и вообще изъяснялся очень просто... Некоторое время мы сидели молча, первым заговорил он.

– Я полагаю, что вы уже обдумывали отравление и вас испугали трудности. Так вот: моя работа – справляться с трудностями в такого рода делах... В частности, я использую вещество, следов которого уже через полчаса никакой анализ не обнаружит.

– Вы все сделаете сами?! – Мое восклицание выдало меня с головой – мою заинтересованность и мою растерянность. Он даже не кивнул, только прикрыл веки.

* * *

Все, что происходило потом, осталось в моей памяти отдельными картинками, промежутки между которыми я до сих пор никак не могу заполнить. А сами картинки яркие, подробные, но какие-то странные, как будто все на них не настоящее, а нарисованное. Именно картинки – и каждая в таком облачке, в тумане по краям, как старые комиксы.

И звук немного плывет, будто проигрыватель изношен.

И при этом картинка сменяет картинку так быстро, что не успеваешь понять, реальность это или действительно комикс.

...Жарким бесшумным полднем я слышу шорох у задней двери и выхожу прогнать наглую

белку. На крыльце лежит холщовая сумка из супермаркета натуральных продуктов, в ней бутылка *Jack Daniels*, полная примерно на две трети...

...В кабинете сумрачно и прохладно из-за постоянно закрытых жалюзи, я боюсь перепутать бутылки или уронить – перчатки из латекса скользят...

...Вечером я сижу в гостиной перед телевизором, не замечая, что сегодняшняя серия давно кончилась. В доме тихо, так что донесшееся сверху восклицание кажется невыносимо громким...

...Элайя стоит на верхней площадке лестницы, он странно одет – будто собрался на пикник: джинсы и старая мотоциклетная куртка, которую он не надевал, по-моему, с университетских времен...

...В одной его руке стакан, в другой – бутылка...

«Я знал, что ты попытаешься это сделать, – говорит он, – но ты не учла, что не на всякий организм яд действует немедленно. Виски без отравы имеет вкус, который я хорошо знаю».

...Он зачем-то снимает куртку, кладет ее на перила и спускается, спускается, спускается по лестнице, идет ко мне, а я все еще не понимаю, что произошло. Я встаю, делаю шаг к нему. Он ставит бутылку на ступеньку, стакан просто

роняет, разжав пальцы, толстое стекло падает на ковер с глухим стуком и катится к моим ногам...

...Теперь в его руке – он левша – пистолет, тот самый его *Walter PPK*, который я искала, но не могла найти...

Ведь это он должен был умереть, вовсе не я!..

...Какая-то тень появляется за его спиной, его левая рука неестественно выворачивается, гремит отвратительно громкий выстрел. На белой тишотке, которую он надел под куртку, мгновенно набухает и расплывается пламенно алое пятно...

...Марк взваливает длинный черный пластиковый мешок, вроде тех, которые показывают в новостях, на плечо и, прихватив куртку Эла, идет к задней двери...

Вот тут наконец я и упала в обморок.

* * *

Я пришла в себя лежащей на боку, прижавшись щекой к колкому ворсу ковра, будто в последние минуты сна, а не валялась без сознания. Вставать не хотелось. Первое, на чем остановился взгляд, был листок, вырванный из небольшой записной книжки. Он лежал в пяти сантиметрах от моего лица. Все еще не пытаюсь

встать, я взяла листок и прочитала то, что на нем было написано.

Написано было немного: «30%».

Прочитав это, я все вспомнила и тут же встала. Меня довольно сильно качнуло, но я доплелась до дивана и свалилась уже на него.

В комнате было как-то по-особому пусто, как бывает, когда выносят какой-нибудь громоздкий предмет.

Я вспомнила, что именно отсюда только что вынесли – судя по моим часам, которые Элайя мне недавно подарил, прошло максимум десять минут, – и вспомнила довольно спокойно, будто не я здесь только что лежала, как труп, рядом с трупом. Пожалуй, сегодня мы в последний раз лежали рядом, подумала я. Обычное для меня состояние наблюдателя, не участвующего в происходящем, а лишь замечающего в действительности смешное и нелепое, вернулось. И благодарная единственному зрителю реальность тоже вернулась в свою обычную форму – мир уже не был нарисованным, а самым что ни есть обычным.

Мне даже не пришлось делать усилие, чтобы посмотреть на то место, где лежал он. Там пустота, оставшаяся после исчезновения главного предмета, была заметней, чем во всей комнате. Я не сразу поняла, чего там еще не хватает – пятна, вот чего. Странно, совершенно хо-

лодно размышляла я, когда же Марк успел все вычистить... И предположение, что он здесь во-зился с пятновыводителем, тогда не показало-сь мне idiotским – все же я была не совсем в порядке. Когда убиваешь даже мужа – ну, или когда его убивают на твоих глазах, – неко-торое время чувствуешь себя не совсем в своей тарелке.

Как раз на мысли об удивительных возмож-ностях современной хозяйственной химии за-звонил телефон – не мой сотовый, а наш до-машний телефон, по которому уже давно почти никто не звонит. Разве что Кэйт – вовремя, как всегда...

Звонил небритый Марк, и я пропустила ми-мо ушей его первые слова, пытаюсь вспомнить, давала ли я ему этот номер.

– Вы меня слушаете? – раздраженно спро-сил он. – Мне кажется, вы не услышали мой вопрос: когда я получу гонорар? Все сдела-но чисто, и, уверяю, вам не грозят неприят-ности...

– Больше вам нечего сказать? Ну, напри-мер... – начала я, но он резко перебил меня.

– А вам не следует знать ничего более. Про-блема, которую надо было решить, устранена полностью, ее уже не существует. Будьте лю-безны рассчитаться со мной и забудьте обо всем.

– Завтра я не смогу получить в банке такую сумму, – сказала я, – утром позвоню им, и, вероятно, дня через три...

– Постарайтесь провести эти три дня спокойно. – Что-то не понравилось мне в этом его совете, но я не поняла, что. И переспросить не могла – он уже отключился. Тут я сообразила, почему он звонил по домашнему телефону: его номер не определился. Я попробовала перезвонить по тому, который списала из объявления, но он не отвечал. Связь теперь сделалась одно-сторонней.

* * *

Три дня я спала.

Я просыпалась в разное время – в середине ночи, под утро, в поддень и на закате – и брела на кухню голая и босиком, брала из холодильника первое, что попадало под руку... Однажды это оказался неведомо как попавший туда кусок венгерской салями, который я погрызла и бросила в мусор, в другой раз это был любимый сыр бри в вакуумной упаковке, с которой я не справилась и отправила в мусор все целиком...

За три дня я выпила весь запас джина, что был в доме, бутылку «Смирновской», неведомо

для чего хранившуюся в холодильнике же, почти весь коньяк из бара и черт его знает что еще.

Ту бутылку я опорожнила в раковину и, сплоснув на всякий случай, поставила в ряд с другими, содержимое которых плескалось в моем желудке и помогало спать.

И все время, что оставалось от высасывания из горлышка всякой дряни, я спала – кроме первых минут после очередного пробуждения, когда меня рвало. Я сидела на полу в ванной, и мне казалось, что все вокруг пахнет отравленным виски. Я помню, что бормотала, как последняя сентиментальная дура: «Эл, прости меня, я не хотела, чтобы тебя унесли в мешке» – врала, как обычно.

В банк я успела позвонить утром первого дня. А утром третьего позвонили из банка и сказали, что деньги можно взять, они уже упакованы в стандартный кейс из тех, которые банк дарит свои давним и почтенным клиентам, решившим по каким-то причинам закрыть счет.

Я закрыла свой, потому что там была как раз та сумма, которая причиталась Марку, – треть того, что я собиралась унаследовать от Эла, но это должно было произойти нескоро – судебное разбирательство, признание отсутствующим без вести, установление прав наследования... Совсем немного оставалось на счете в другом

банке, это были остатки денег, которые Эл каждый месяц давал на ведение дома. Там скопилось кое-какая мелочь – например, разница между тем, что я получала на хозяйственные нужды, и тем, что тратила на них в действительности. На эти деньги я и доживу до статуса официальной вдовы и наследницы...

Утром третьего дня после звонка из банка я, стараясь не визжать, приняла холодный душ и примерно полтора часа приводила себя в порядок. В результате я с удовлетворением констатировала, что вполне готова к Хеллоуину – лучшей маски Смерти не купишь. Правда, темные очки снижали эффект не менее чем вдвое, но, садясь в свой старенький *Mini*, который Элайя подарил мне еще к десятой годовщине свадьбы, я все равно тряслась от страха: если меня остановит полицейский, за вождение в полупьяном состоянии он отберет права навсегда...

Однако доехала я без приключений, и в банке все прошло спокойно, никаких неприятных вопросов от клерка и управляющего – неприятности случаются только тогда, когда их не ждешь.

Около двух пополудни я уже ехала домой, и плоский алюминиевый чемоданчик, какие недавно вошли в моду, лежал на правом переднем сиденье. Городок был пуст, солнце изо всех сил

освещало улицу, лужайки, дома, и его старания не пропадали даром: все вместе напоминало макет, который обычно располагается на возвышении посередине конторы риелтора, распродающего жилье в поселке среднего класса...

У нашего дома стояла большая серебристая Toyota, и мне это не понравилось, хотя я должна была ожидать визита.

Марк сидел в гостиной, в том кресле, которое по вечерам занимал Эл – если смотрел телевизор вместе со мною, чего уже не бывало в последние года три. Специалист был в том же плотняном пиджаке и в тех же джинсах, только вместо рубахи под пиджаком теперь была майка Лиги плюща. Да еще щетина отросла, так что теперь это была уже небольшая борода.

Я опустила чемоданчик на ковер и слегка пнула его ногой – этого оказалось достаточно, чтобы полированный алюминий доехал до ботинок убийцы. Он поднял его и положил на колени, но не раскрыл.

– Не сомневаюсь, что вы не обманываете меня, – сказал он.

Мне уже нечего было скрывать, и я ответила, не пытаясь выглядеть дурочкой.

– Не преминула бы, но я уже видела вас в деле, так что не буду рисковать, – я села в кресло напротив него. – Итак, мы в расчете, и вы можете оставить меня без мужского общества.

Он усмехнулся.

– Пожалуй, мог бы, но тогда дело не будет полностью завершено, – тут он встал и объявил негромко, но торжественно. – Позвольте представить вам вашего покойного мужа, мэм, и его будущую жену.

Еще не осознав, что он сказал, я обернулась и посмотрела туда, куда указывал Марк.

В дверях, ведущих на кухню, стояли Эл и Кэйт.

Они стояли обнявшись.

* * *

Падать второй раз за три дня в обморок было бы глуповато, да и упасть, сидя в кресле, нелегко. Поэтому я ограничилась... впрочем, не помню, чем я ограничилась, поскольку, надо признать, на некоторое время утратила рассудок.

– Ты считала, что только кажешься дурой, – как всегда, кстати сказала Кэйт, и от ее интонаций, совершенно тех же, к которым я привыкла за годы бесконечных телефонных разговоров, я покрылась мурашками, – а на самом деле умней всех. Оказалось, дорогая, все наоборот: ты полагала, что умная, а тебя одурачил даже такой простодушный человек, как Эл... Ты знала, что лучшей подруге нельзя верить, но все же

верила. Ты хотела убить мужа и представить себе не могла, что муж давно хочет убить тебя – в удачном варианте это обошлось бы ему много дешевле развода. Ты доверилась моему племяннику Марку и удивлялась, почему он доверяет тебе. И ведь говорила неглупо – мол, если вы не боитесь, что я вас обману, значит, собираетесь обмануть меня раньше... Интересно, в каком ток-шоу ты это услышала? Скажи спасибо, что я тебя люблю – мы решили проблему без убийства. Бутылка хорошего бурбона, которую ты, к сожалению, вылила, обойма девятимиллиметровых холостых патронов да немного красной краски из магазина дурацких гаджетов в баллончике под майкой – вот и все...

Тут она вытащила из сумочки тот проклятый *Walter* в пластиковом пакете, вытряхнула его на ковер и продолжила монолог. Все же мы все смотрим слишком много сериалов, подумала я, пока Кэйт набирала дыхание.

– Даже ты, вероятно, догадываешься, что он весь в твоих отпечатках, к моему удивлению, ты была в настоящем обмороке и спокойно дала себя дактилоскопировать. Так что теперь можешь тереть рукоятку сколько угодно, что-то все равно останется, – она просто сияла, никогда я не видела свою подружку такой счастливой. – Да это и не слишком важно, телекамеры по всему твоему дому записали, как ты поку-

шаешься на убийство, а ненужное мы из записи стерли... Вот телекамеры установить было не просто, ты редко уходишь из дому надолго. Зато никогда не заглядываешь в углы... В общем, полицейским останется только объяснить суду, как ты смогла унести тело и утопить в озере. Но они что-нибудь придумают – ведь других подозреваемых в убийстве твоего бесследно исчезнувшего мужа не будет...

У меня сел голос, так что первые слова, обращаясь к Элу, я еле слышно прохрипела.

– Когда... когда у тебя началось... с нею?

Эл пожал плечами и улыбнулся, и опять мурашки озноба поползли по моей спине – он точно так же снисходительно и доброжелательно улыбался, сидя несколько дней назад напротив меня за обеденным столом.

– Ну, я уже не помню точно, дорогая, – сказал он, – вероятно, вскоре после того, как Кэйт развелась и осталась одна.

Значит, два с лишним года... Я перевела взгляд на Марка, он было собрался что-то сказать, но Кэйт опередила его.

– Марку очень пригодятся твои деньги, йельский профессор зарабатывает гораздо меньше, чем хотел бы тратить, – сказала она. – Все артисты этого театра получили приличные гонорары. Впрочем, Эл играл не из корысти, а из страха за свою жизнь...

Не знаю, как я смогла все это выслушать – никогда мне не говорили столько правды сразу. Вероятно, меня спасло то, что чувство юмора уже полностью вернулось ко мне и я ощутила комизм ситуации.

– Итак, все свои деньги я отдала профессору, – мне удалось засмеяться натурально процентов на семьдесят, – а после Эла... то есть Эл теперь не даст мне ничего? И в любой момент он может пойти в полицию? Значит, развод, и я отказываюсь от всех претензий... Неплохо... Действительно, неплохо придумано и сделано, ребята. Поздравляю, вы победили. И где же вы теперь будете жить? В доме Кэйт, через пару кварталов отсюда? Чтобы каждый день видеть, как я ищу объедки в мусорных мешках?

– Была ты душой и стервой, ею и осталась, ничего тебя не изменит, – тут я впервые услышала, как Кэйт говорит всерьез. – Эл уже перевел треть всего, что у него было, на твой тайный счет, открытый для денег, которые ты сэкономила на хозяйстве. Ты ведь хранишь в своем лэптопе все как попало – и номер счета, и названия лекарств от молочницы – и никогда его не выключаешь... Треть он оставил себе, треть беру я – это справедливо, любовь любовью, но именно я спасла ему жизнь, догадавшись, что ты за-
теяла.

– Ты поразительно умна для злобного животного, – сумела тут вставить я, но она не обратила на мои слова никакого внимания и продолжила.

– Теперь мы покинем тебя, милая. И развода не будет, успокойся. Если ты не наделаешь глупостей и не поднимешь шума, мы не будем посылать записку в полицию. Эл просто исчезнет, и через некоторое время его признают неизвестно отсутствующим, а ты унаследуешь всё, что не получила уже, – дом и так далее. Мы боимся загонять тебя в угол – от безвыходности даже ты можешь стать по-настоящему опасной. А Эл еще зарабатывает, ему будет для кого стараться...

Тут уж я не нашлась, что ответить, и, думаю, не придумала бы ответа, даже будь в лучшей форме. Я просто сидела и смотрела, как они уходят, слушала, как хлопают дверцы и отъезжает машина...

Вероятно, они успеют к поезду, который отправляется на запад в начале шестого. Нет, скорее всего, они все вместе уедут из Эплвуда машиной, на станции их могут узнать многие, этот поезд привозит всех, кто работает в городе. Доедут до аэропорта, а Марк, проводив их, погонит свою *Toyota* на север...

Трудно поверить, но, размышляя таким образом о том, как будут дальше жить мой муж

с моей лучшей подругой, я опять задремала. Вероятно, за предыдущие три дня я привыкла засыпать в тех случаях, когда нормальные люди умирают сами либо убивают кого-нибудь из окружающих.

А когда я проснулась, жизнь была уже совершенно другая.

И в кресле моей гостиной проснулась совершенно другая женщина.

Теперь она будет жить в Эплвуде.

Я не завидую тем, кому выпадет жребий – он взыщет с них плату за все.

Экспресс в 5:12

В нашем городке, который называется Эплвуд* и в котором ни одной яблони нет и никогда не было, меня все знают. Во-первых, я живу здесь уже двадцать лет. Во-вторых, все эти годы активно участвую в работе местного комитета «Граждане Эплвуда против осушения болот» и еще полдюжины общественных комитетов и советов. В-третьих, весь городок мне сочувствовал, когда пропал мой нежно любимый муж Элайя, просто вышел из дома и не вернулся уже никогда больше, оставив мне, надо при-

* От *англ.* Applewood – яблоневый лес.

знать, приличные средства, но, увы, и вечную грусть, и одиночество, и, в конце концов, просто неудовлетворенную женственность. Ведь мне всего... впрочем, не важно.

Итак, я известна каждой собаке в Эплвуде, в том числе и коричневому спаниелю, которого в тот день я встретила по пути к железнодорожной станции. Спаниеля зовут Гордон, а его хозяйку, которая вяло тащилась за ним на поводке, кажется, Лоис... Или Лизи... Нет, не помню, да это и значения не имеет. Я поздоровалась с Гордоном, отчего он невероятно обрадовался и на радостях потащил Лоис на чей-то только что постриженный газон, где недвусмысленно присел. С Лоис... нет, все-таки Лизи... В общем, с полусонной амебой мы расцеловались и остановились поболтать, поскольку она, уже приготовив совок и пластиковый мешочек, дожидалась, пока Гордон сделает свое дело.

– Куда направляешься, милая? – совершенно бестактно адресовав такой вопрос одинокой женщине, поинтересовалась Лизи... ну, пусть будет Лизи. – Ты не спешишь? Может, мы с Гордоном тебя задерживаем?

– Нет, пока не спешу, – ответила я, глянув на часики, которые Элайя подарил мне незадолго до того, как покинуть. – Я хочу успеть к тому поезду из города, который прибывает что-то около четверти шестого...

– В пять двенадцать, – перебила меня амеба, – я точно знаю, что в пять двенадцать, этим экспрессом многие возвращаются из города, те, кто ездит туда на работу. Мой Эндрю...

Тут уж я ее перебила.

– И Элайя всегда приезжал этим поездом... – вдруг сверкающая слеза поползла по моей смуглой (солярий у меня в подвале) щеке. – Вот я и хожу каждый день встречать, как это бывало раньше... Но я знаю, что он уже не вернется. Сердце подсказывает мне...

Я не стала говорить этой дуре, что именно подсказывает мне сердце. Тем не менее она разволновалась, тоже прослезилась – конечно, совершенно безобразно, с мгновенным покраснением носа – и зачем-то дернула поводок Гордона. Пес совершенно справедливо зарычал (посмотрела бы я на нее, если бы ее попытались сдернуть с толчка!), но, видимо, разумно оценив соотношение сил, кое-как доделал то, что делал, и неохотно и неловко приковылял к хозяйке.

– Вот так, – сдержанно и твердо закончила я, – я встречаю этот поезд, хотя не верю, что когда-нибудь Элайя вернется.

– Это так романтично! – воскликнула Лизи, совершенно не придав значения смыслу той чуши, которую я произнесла. – И ты будешь ждать его всю жизнь, и он вернется на второй день после твоих... – тут валаамова ослица заткнулась

на секунду, но продолжила, – твоих похорон, и он никогда больше не увидит тебя и поймет...

Пришло время выключить этот фонтан, слушать весь бред по поводу моих отношений с Элайей я не собиралась.

– До свидания, дорогая, мне обязательно надо успеть к экспрессу в пять двенадцать, – весьма жестко прервала я ее. – Была очень рада повидать тебя.

С этими словами я обошла ее, стоявшую, как статуя, с обвитым вокруг ног поводком Гордона, и пошла своей дорогой.

Дорога эта представляла собой длиннейшую, километра в полтора, Янг-стрит, которая, собственно, и есть наш Эплвуд. Приближались сумерки, небо приобрело цвет спелой сливы, окна в домах светились, словно это были не обычные *middle class* коттеджи, а декорации к сказочному спектаклю.

Я еще раз посмотрела на часы – до прибытия поезда оставалось двадцать минут, потом он еще долго, минуты четыре, простоит перед платформой и понемногу, плавно ускоряясь, двинется в сторону Санрайз Вэлли и дальше, куда-то в глубь страны...

Все они запомнят, как я шла в сторону станции около пяти вечера, а уж дура Лизи с ее Гордоном наверняка запомнили разговор о моем трогательном обычае встречать экспресс

в пять двенадцать. Ну, и ладно, пусть помнят, тем интереснее.

Бар у станции уже закрылся, бармен Рамон с грохотом опускал внешние жалюзи.

– О, Рамон, – взмолилась я, – от самого дома я мечтаю о стаканчике твоей текилы, неужто ты обречешь меня на смерть от жажды?! Учти, у меня дома совершенно нечего выпить, и на твоей совести будет моя белая горячка...

Поколебавшись секунду – он уже переработал четверть часа и рисковал налететь на штраф, – Рамон вздохнул и отпустил жалюзи, которые с совершенно уже невыносимым громом взлетели вверх.

– Заходите, мэ, – он отпер дверь, – только ненадолго...

Ровно через пять минут, выпив стаканчик текилы и поощрительно коснувшись кончиками пальцев плеча Рамона, отчего бедный мексиканец, запомнивший это сразу и навсегда, покрылся темным румянцем, я вышла на платформу, к которой уже подходил поезд. Из вагонов повалила толпа почти одинаковых мужчин в темных деловых костюмах, дорогих галстуках, с тонкими чемоданчиками в руках и чехлами лэптопов под мышками. Среди них я заметила Эндрю, того самого, представляющего собой собственность Лизи и ее Гордона. Угораздило же несчастную попасться на моем пути!..

Я преградила ему дорогу.

Я видела, что он заметил меня издали.

Я решила действовать прямо, просто и быстро.

– Энди, – сказала я, – только что я встретила твою жену Лизи. Гордон вывел ее на прогулку. Она облизнула мою щеку и сказала, что ты приезжаешь экспрессом в пять двенадцать. Этим поездом приезжал мой Эл до тех пор, пока не предпочел мне свободу. Лизи не встречает тебя – она занята собакой, кроме того, насколько я помню, она не любит водить машину...

– Моя машина здесь, на стоянке, – он суетливо перебил меня. – Я могу подвезти тебя...

– Пойдем пешком, – твердо продолжила я, – я люблю ходить пешком, а у тебя есть шанс проводить меня до дому и, войдя, попробовать заменить Эла на полчаса. Мне кажется, что сравнение будет в твою пользу, а узнать об этом не сможет никто, даже мы с тобой уже завтра не будем уверены, что это было. Если, конечно, не поедем на твоей машине, которую Лизи или Гордон – кто знает, куда их занесет, – заметят у моего дома. Пошли?

Обычно человек от такого теряется. Чаще всего жертвы сводили все к шутке, иногда напускали торжественный вид и несли что-то вроде: «Ты мне давно нравишься, но потом будет стыдно нам обоим», некоторые от меня про-

сто убегали. За все время только восемь человек без слов кивнули и пошли рядом, свернули следом за мной на боковую улицу, которая, собственно, была не улицей, а плохо асфальтированной дорожкой вдоль берега озера, и были соответственно вознаграждены...

Энди оказался принадлежащим к промежуточной категории. Он застыл, как Лотова жена, потом дернулся, будто хотел снова залезть в вагон, потом криво усмехнулся и пробормотал: «А ты сможешь потом поглядеть Лизи в глаза?», после чего смиренно пошел за мной, словно привязанный, и я чувствовала, что он неотрывно смотрит на мою задницу.

За все время нам встретился только один человек – джоггер в красном спортивном костюме, с седым *pony tale*, болтающимся вправо-влево по воротнику. Одинокий бегун на длинную дистанцию улыбнулся нам, и мы улыбнулись ему, а Энди еще и поощрительно показал большой палец.

– Ты его знаешь? – спросила я.

– Нет, просто вчера я проезжал мимо, когда он разгружал свой «Додж рэм» возле дома, что на углу напротив аптеки, – ответил Энди обстоятельно, вероятно, он всегда отвечал исчерпывающе. – У него большая семья, там была куча детей. Видимо, они сняли тот огромный дом...

Да, этот бегун уж обязательно нас запомнит. Я почувствовала острое наслаждение от того, что риск становился все больше.

Мы шли вдоль озера, от которого приятно, еле ощутимо тянуло гнилью. По гладкой темной воде скользили утки, похожие на маленьких лох-несских чудовищ, а коряги возле берега притворялись еще более страшными монстрами. Я подумала о том, что монстрами почти всегда кажутся безобидные деревяшки, в то время как настоящие монстры... Вот до этого места я подумала, но тут Энди заговорил.

– Мне никогда не пришло бы в голову, – начал он и надолго замолчал, но в конце концов выдавил еще, – что ты... – И уже замолчал бесповоротно.

– Что я шлюха? – закончила я его фразу. – Ты ведь это хотел сказать? Так и скажи, я насколько не обижусь. Потому что я не шлюха. И то, что я делаю, шлюхи не делают.

Он, конечно, был сильно не в себе, потому что вдруг сменил тон на игривый.

– А что же ты делаешь такого, чего не делают другие женщины? – спросил он и, кажется, даже подмигнул.

– Увидишь, – коротко ответила я.

Мы подошли к дому со стороны озера, я толкнула незакрытую заднюю дверь, он пропустил меня в гостиную первой и тут же начал

оглядываться, будто пришел к соседям на пятничасовую вечеринку. Я прошла к кухонной стойке и налила себе джинку из оставленной там час назад бутылки.

– Ты что-то ищешь? – спросила я.

– Знаешь, – он замялся, – я весь день парился в городе и потом ехал в поезде...

– Пойди в душ на втором этаже, рядом с большой спальней. Чистые полотенца там, – сказала я, и, пока он поднимался по лестнице, не выпустив из рук даже кейса и лэптопа, я допила свой джин, рассматривая его сзади. Он был крепкий мужчина, и зад у него был крепкий, не плоский, как у большинства тех, кто пять дней в неделю просиживает в офисе. Жаль...

Душ шумел, а он фыркал за занавеской и поэтому не сразу услышал, что я сказала.

– Закрой воду, отодвинь занавеску и замри, – сказала я.

И в тот момент, когда вода перестала шуршать, еще не успев – видимо, все же стесняясь или, наоборот, ожидая увидеть и меня голой – отодвинуть полупрозрачную занавеску, он услышал знакомый каждому выпускнику гражданских стрелковых курсов негромкий лязг передергиваемого затвора. Боже, сколько было хлопот, когда я получала разрешение хранить *Walter PPK*, оставшийся от Эла! Но оружие бы-

вает полезно, иногда оно помогает добиться цели – либо вашей, либо оппонента, смотря у кого оно в руках.

– Замри, я сказала, – повторила я, когда он попытался прикрыть горстью причинное место, увы, весьма привлекательное. – Внимательно слушай и не шевелись...

– Мне холодно, – выговорил он, трясясь, похоже, действительно от холода, а не от страха. Он все больше мне нравился. – Я хочу вытереться... Что за игру ты затеяла? Я не поклонник всех этих штучек со связыванием...

– Я тоже, – прервала я, – и штучки предполагаются совсем не эти...

Он занес ногу, чтобы выйти из-под душа. Я немедленно подняла пистолет повыше, так что черная дырка глянула ему прямо в глаза.

– Стой, где стоишь, – приказала я спокойно и почти безразлично, а потому, я знаю из книг, особенно страшно. – Речь идет о гораздо более серьезных вещах. Ты слышал, что из нашего городка после ухода Эла за три года ушли еще восемь мужчин? Мой муж подал дурной пример...

– Я слышал, – пожал он плечами, все заметнее дрожа, – но разве их не нашли? Или хотя бы... тела? Ведь были расследования...

– Не нашли никого и ничего, – сказала я. – И не найдут.

– Ты... – он в ужасе совсем не по-мужски всплеснул руками и попытался сделать шаг ко мне. – Ты их всех...

– Не всех, – ответила я, дернув стволом пистолета, чтобы напомнить ему, что двигаться нельзя, – только самых глупых и трусливых... У тебя ведь есть любовница? Не ври, что нет, невозможно жить в Эплвуде с Лизи и не иметь любовницы. Ты неплохой парень, и я думаю, что та женщина тебя действительно любит...

– Да! – заорал он так, что вопль мог услышать весь Эплвуд. Но он забыл про Эплвуд, уже почти забыл.

...Энди оказался гораздо более умным и решительным, чем мне показалось сначала. Я было испугалась, когда он голый задрожал под моим пистолетом, – пришлось бы отыгрывать назад, и я не уверена, что все удалось бы обратить в шутку. За такие шутки прокурор обвиняет в похищении человека...

Но, к моему и своему счастью, бедняга быстро пришел в себя. Он даже не жаловался больше на холод. Голый за компьютером, он напоминал слегка ожиревшую античную статую, которая присела просмотреть электронную почту. Минут за сорок он перевел треть своих денег на мой счет в Доминикане (я сочла, что это честная цена за идею и труд), еще треть на счет своей несчастной дуры Лизи (я приказала сделать

это) и оставшиеся на свой секретный счет (я так и знала, что у него есть счет в каком-нибудь цюрихском банке, теперь даже обычные граждане вроде этого Энди прячут деньги от налогов, как закоренелые гангстеры, – а почему бы нет, если мошенничают самые почтенные банки, а попадается один из миллиона жуликов). Операции уже шли к концу, и только тут раздался звонок: недотепа Лизи обнаружила, сколько времени, когда Гордон стал тянуть ее на очередную прогулку перед сном. Я вытащила телефон из внутреннего кармана его пиджака и выключила.

– Я бы мог сказать ей пару слов, – нерешительно начал он и замолчал.

– Глупость, – сказала я. – Путь к свободе не начинают с вранья.

Я выронила телефон на пол и наступила на него всей своей тяжестью, так что почувствовала сквозь подошву сникерса, как он расплющивается и расплзается на осколки.

– Теперь компьютер, – сказала я, и он, страдальчески кряхтя, минут за десять расколотил в пыль свой лэптоп моим молотком для отбивания мяса. Обломки убитой электроники я собрала в мешок для мусора, завтра он уже будет на свалке, где его никогда не найдут, да и искать не будут. – Вот и все. Ты свободен. Ты ведь можешь к ней пойти, к той женщине? Если бы я не была уверена, что у тебя есть прибежище,

я не затеяла бы все это. Я – партизанка адюльтера, а не грабительница.

– А водительская лицензия, – вяло заныл он, – и швейцарский счет тоже на мое имя...

– Счет номерной, ты ведь сам сказал, а права... ну, вот новые документы пусть и будут первой твоей проблемой свободного человека, – я наконец опустила пистолет и сунула его за пояс джинсов, перед этим на всякий случай еще раз проверив, не сняла ли нечаянно оружие с предохранителя. Не хватало еще размахивать перед носом человека предметом, который действительно мог выстрелить... Потом я вытащила его бумажник из кармана брюк и достала из него все, кроме денег. – Все, расслабься. Поскольку тебя уже нет.

И с этими словами я бросила все его пластиковые карты, все сертификаты и удостоверения, все расписки и чеки, всю его жизнь, все его рабство, всю его безнадежность – в камин.

Потом я чиркнула старой бензиновой зажигалкой, чудом сохранившейся с тех времен, когда Эл еще курил, и бросила ее туда же – получилось совсем как в кино. Только там предвзрительно поливают заправочную станцию бензином из шланга, а я прыснула на кучу бумажек и пластика из баллончика пятновыводителем – он прекрасно горит. Запомните, может, пригодится...

Энди не изображал непоколебимую верность своей дальней возлюбленной, но в постели у него просто ничего не получилось, ровным счетом ничего. Да и на что можно было надеяться после такой веселой вечеринки? Он праздновал свое освобождение во сне – в том же одиночестве, в котором провел почти всю предшествовавшую жизнь. Как только он заснул, я сошла в гостиную. Там я просидела в кресле пять часов.

И никого не касается, о чем я думала, никого, понятно?

Перед рассветом он надел летние штаны и куртку Эла, положил в сумку Эла свою одежду, которая никак не подходила для его новой жизни, надел темные очки Эла... Я не стала вызывать такси – шофер уж точно запомнил бы, что мужчина уезжал из моего дома ранним утром. Энди пошел пешком на станцию, по той же дорожке вдоль озера, по которой шел накануне, только в обратную сторону. Так рано на ней уж наверняка никого не встретишь, а на станцию он успевал к первому поезду в город, всегда уходившему из Эплвуда пустым.

– Она, твоя подруга, действительно ждет тебя в любой момент и в любом состоянии? – спросила я перед тем, как он вышел в заднюю дверь.

– Во всяком случае, она говорит, что ждет, – ответил он и, осторожно подбирая слова, в свою

очередь, спросил: – А что было с теми, кто... не решился выбрать свободу?

– Они доставили мне много хлопот, – усмехнулась я. – Один весил не меньше двухсот пятидесяти фунтов...

Он тоже усмехнулся – у него обнаружилось даже чувство юмора.

А потом он ушел.

Не знаю, почему я переметнулась на их сторону. На сторону тех, кто всегда ждет наших мужчин, а они все не приезжают к ним совсем, все возвращаются к нам экспрессом в пять двенадцать и никак не решаются выбрать любовь и свободу. На сторону тех, кто готов принять их в любое время и в любом состоянии. В какой-то момент я поняла их, и мне показалось, что я стала такой же. Но было уже поздно, Эл не мог вернуться, даже если бы и захотел. Я сама сделала все для того, чтобы он не вернулся.

Впрочем, мне только показалось, нет, я не стала одной из них – тех, кто любит. Но я стала их уважать. В конце концов, любить не легче, чем добывать деньги. Просто умеешь, как правило, одно из двух.

На вторую неделю поисков, допросив всех жителей городка – и никто, вопреки моим опасениям, не вспомнил меня, привычное не запоминается, – допросили наконец и бегуна. Он, конечно, сказал, что видел меня с женщиной в тот

вечер, и очень точно описал внешность и мою, и Энди. Но я, когда мне предъявили его показания, просто пожала плечами и безразлично сказала, что он ошибается. Он был чужим в нашем городе, и ему не поверили, а он не настаивал.

А Рамон твердо заявил, что не видел меня в тот вечер. Он очень рисковал – у мексиканца, чужого дважды, были бы большие неприятности, если бы выяснилось, что он лгал полиции. Он всегда мне нравился, Рамон...

Лизи однажды подошла ко мне в кондитерской и спросила, не со мною ли все-таки шел Энди тогда по берегу озера.

– Да, со мною, а потом я его убила, расчленила бензопилой и наделала бифштексов, – сказала я. Лизи шуток вообще-то не понимает, но на всякий случай осторожно улыбнулась. Собственно, отсутствие Энди никак не сказалось на ее жизни: днем он и так проводил все время не дома, а ночью спал точно так же одиноко, как тогда у меня...

Боже, если бы Эл вернулся!

Старик и дама.

Двойной портрет соседей художника

Кто-то топтался у моих дверей, и я не стала дожидаться, пока маньяк начнет действовать, – сбросив туфли, прокралась через холл

и распахнула дверь так решительно, что стекло в ней звякнуло, а оставшийся с Рождества венок едва не свалился. Любимый *Walter PPK* чуть дрожал в моей руке как раз на уровне лба гостя. При стрельбе самое сложное – не всегда можно упереться дулом в цель.

Шел влажный крупный снег, городок наш, как всегда днем, был пуст, будто после взрыва нейтронной бомбы. Только через три дома от моего трудолюбивый мистер Голдфарб чистил большой лопатой дорожку, ведущую к его крыльцу, хотя никто, кроме него самого, не ходил по этой дорожке лет пять. Кто, спрашивается, будет ходить к пенсионеру с прекрасным здоровьем, лишаящим надежды на наследство не только детей, но и внуков?

Совершенно другой пенсионер стоял сейчас на моем крыльце, его звали мистер Уилсон, и жил он не через три дома от меня, а примерно в полумиле по дороге к железнодорожной станции, на нашей бесконечной Янг-стрит. Как и все жители Эплвуда, одного из самых приличных и, безусловно, самого тихого городка в Нью-Джерси, я знала мистера Уилсона. Не знать его невозможно: весь день, от рассвета до заката, он сидит на своей веранде в старом, слегка развалившемся кресле-качалке и без всякого выражения смотрит прямо перед собой. Каждый проходящий по улице неизбежно попадает

в зону этого взгляда, некоторое время передвигается в ней и наконец выходит из нее, а некое записывающее устройство внутри мистера Уилсона фиксирует очередной движущийся объект и выключается в ожидании следующего. Если бы у Пентагона было устройство слежения за всем, что движется, равное мистеру Уилсону, русским пришлось бы нелегко.

Сидя на веранде, мистер Уилсон никогда ничего не читает.

А что мистер Уилсон делает от заката до рассвета, не знает никто.

Независимо от погоды на голове мистера Уилсона косо торчит клетчатая красно-синяя охотничья шапка козырьком назад, чем доказывается его безусловное и давнее знакомство с *Catcher in The Rye**, а тело его спрятано в длинный пастуший плащ. Лицо у него коричневое и в таких глубоких складках, что никто и не подумает о загаре – разве о том, который можно получить в крематории.

И на коленях этого пугала всегда лежит полицейский *Remington 870*.

Словом, весь мистер Уилсон в таком виде представляет собой оживший – хотя и не вполне – персонаж из классического боевика кате-

* «Над пропастью во ржи» (англ.), роман Дж. Сэлинджера.

гории В. Только кассеты с теми стариками валяются в картонном ящике в подвале, а видеомагнитофон для их оживления сто лет назад сломался и отправлен на свалку; напротив, мистер Уилсон жив, целехонек и стоит у моей двери... Интересно, подумала я мельком, почему полиция позволяет ему сидеть на крыльце с дробовиком.

– Миссис Л., – он обратился ко мне по фамилии моего последнего мужа, бедняги Эла, пистолета он будто и не заметил, – простите, что тревожу в столь поздний час (было что-то около трех пополудни!), но у меня есть важный вопрос к вам: не слышали вы сегодня ночью выстрелов на нашей улице?

Он, конечно, не мог избежать старческого слабоумия, возможно, даже Альцгеймера, но не производил впечатления дурака. Можно тысячу раз впасть в слабоумие и полностью забыть свое имя – но ведь от этого не станешь глупее. Точно так же, как тот, кто прекрасно помнит все, включая свой почтовый код, не делается благодаря этому умнее.

– Я ничего не слышала, мистер Уилсон, – я сунула пистолет за пояс джинсов сзади, тоже сделал вид, что не тыкала его минуту назад в нос человеку, и посмотрела вниз и немного вбок, как приличествует девушке, беседующей с джентльменом. – Однако я сплю очень креп-

ко... с тех пор, как мой муж, несчастный Элайя... Ну, вы знаете... Нет, я ничего не слышала, сэр. Не хотите ли войти и выпить чего-нибудь?

Явление этого задержавшегося клиента эплвудской похоронной конторы «Луис Манчини и сын» – единственное кирпичное здание в городке, не считая железнодорожного склада, – заинтересовало меня, и я мгновенно решила не отпускать его, пока не пойму вполне, в чем дело. А свои мгновенные решения я выполняю всегда – в отличие от зарок и обещаний.

Мы расположились в гостиной – я, как обычно, на диване, спиной к свету из двери на кухню, а он в кресле, сразу застывший, будто в своей качалке. Полы плаща лежали на полу. И сейчас к его неподвижности очень пошел бы Remington на коленях, но, видимо, он взял за правило ходить в гости без оружия. Он держал стакан, в который твердо налил скотча до половины, а в моем стакане джина было вдвое меньше, чем хинной воды.

– Мэм, вы не слышали выстрелов потому, – сказал он, – что никто не стрелял. А если бы выстрелы были, вы непременно их услышали бы.

Меня всегда восхищают люди, своим умом дошедшие до того же, что и я.

– Вы совершенно правы, – сказала я. – Вот, например...

– Дослушайте меня до конца, не перебивая, – сказал он, не дослушав и перебив меня. – Итак, в нашем городе все далеко слышно, потому что здесь нечего слышать. В Эплвуде всегда очень тихо, так что, когда я кашляю у себя на крыльце, вы можете желать мне здоровья – могли бы, если бы, как и все местные, не были так ужасно воспитаны...

Я все же перебила его.

– А разве вы не коренной эплвудец? – спросила я с искренним удивлением.

– Я живу здесь всего двадцать пять лет, немногим больше, чем вы, – ответил он. – Поселился, когда ушел на покой. И с тех пор считаюсь местным пугалом...

– Ну, что вы, – опять перебила я его, намеренно затягивая разговор, который меня прекраснейшим образом развлекал, – я, например, вовсе не считаю...

– Да заткнитесь вы, черт бы вас побрал! – он заорал так, что, по его теории, вопль услышали в новом районе Пэрадайз-Хиллз, за озером. – Я отлично знаю, что обо мне думают все, включая вас, и полагаю, что все правы, я и есть пугало, воплощенная деменция. И вас ждет та же старость, если доживете. Однако я не всегда сижу на крыльце в дурацкой шапке и с ружьем на коленях. И я решил вам рассказать кое-что о себе и своих обстоятельствах, причем не при-

му никаких возражений – я выскажусь, даже если для того, чтобы заставить слушать, мне придется вас связать.

– Но почему именно я? – Голос мой сорвался, он меня действительно напугал.

– Потому что вы корыстны, жестоки и решительны, потому что за последние пять лет вы совершили по меньшей мере семь безнравственных и достойных общественного осуждения поступков, начиная с того дня, когда исчез ваш муж Элайя, и заканчивая недавней историей...

– Хватит! – я попыталась прекратить это безумие, за какие-то десять минут полностью заполнившее мир. – Я на самом деле не желаю больше вас слушать, мистер Уилсон. Спасибо, что заглянули...

Он усмехнулся, если этим словом можно описать оскал трупа, и, откинув полу плаща, открыл ружье, висевшее в специальных петлях, неаккуратно пришитых к подкладке.

– Я на вашем месте тоже изображал бы непонимание и возмущение, но быстро сообразил бы, что это не поможет. Я знаю все. А каким образом я это узнал – не ваше дело. Ну, предположим, я просто умею анализировать раздел происшествий в «Эплвудской хронике». И если вы не подчинитесь мне, я позвоню в эту газетку...

– Вы просто старый параноик, – я подумала, не закурить ли, но вспомнила, что уже два года назад бросила. Потом я подумала, не вытащить ли из-за спины пистолет, но отказалась и от этой идеи, *Walter* обязательно зацепится, а старик наверняка выдернет ружье за секунду, что-то мне подсказывало, что ему уже приходилось бывать в таких ситуациях. – Какого дьявола вам от меня нужно?

– Теперь слушайте внимательно, – он наклонился ко мне и заговорил еле слышно, так что и я оказалась вынуждена склониться к нему. – Ваши качества, которые я перечислил, делают вас идеальным кандидатом...

Не знаю, сколько длился его рассказ. Впрочем, когда он закончил говорить и допил второй стакан скотча, уже стемнело.

Значительную часть своей жизни он служил охранником в одной из самых известных художественных галерей Нью-Йорка, название которой украшает список достопримечательностей города. Он был старателен, молчалив, жил холостяком и за все это ценим начальством, которое вообще-то относилось к работникам весьма подозрительно...

И все эти годы он сотрудничал с мощной шайкой похитителей шедевров, вернее, был одним из важнейших ее членов. Дело шло планомерно, без спешки и неудач.

Четверо первоклассных, если не великих живописцев, обосновавшись в одном из тех кварталов Гринич, где бородатые люди в заляпаных краской вельветовых штанах составляют большинство населения, писали неотличимые копии временно выставленных в галерее полотен. Они работали в прекрасно оборудованном подвале по сделанным цифровыми аппаратами безупречным снимкам. Подвал располагался под их официальной мастерской, где они для легальности создавали из мусора и ржавой жести современное искусство и даже продавали его каким-то придуркам, вызывая зависть соседей-коллег. Но подвальных художников не очень интересовали даже заработки, тем более шарлатанские, — они соревновались с гениями.

Свежее, но уже состаренное в подвале по новейшим мошенническим технологиям изделие доставлялось в галерею и там сохранялось до срока — это была часть работы, за которую отвечал мистер Уилсон. А в ночь перед тем как картина должна была уйти к покупателю, он же впускал тех, кто мог отключить сигнализацию ящика из бронированного стекла, предназначенного для защиты полотна от сумасшедшего с ножом и кислотой. После этого за несколько минут подлинный холст заменялся в раме на точно такой же, но истинной ценою почему-то на миллион-другой меньше.

Вынесенная из галереи картина переправлялась через разветвленную сеть курьеров на какой-нибудь противоположный край света, где одержимый коллекционер, не смущаясь явно криминальным происхождением предложенного товара, легко расставался с невообразимыми деньгами ради того, чтобы навсегда спрятать великое творение от человеческих взглядов в секретной комнате своего замка... А одуроченный официальный покупатель платил галерее почти столько же за приличную копию.

И счет мистера Уилсона, открытый, естественно, на Каймановых островах, понемногу прибавлял нули.

Но однажды он решил выйти из бизнеса – выйти так, чтобы напоследок по меньшей мере удвоить свое состояние, поселиться где-нибудь в глуши и уже до конца жизни ничего не делать – только читать книги по истории живописи и рассматривать репродукции в альбомах. Теперь, спустя четверть века, ему стало понятно, что решение было ошибочным, а тогда он действовал твердо и быстро. Он сообщил – анонимно – в несколько газет, что в знаменитой галерее посетители уже давно любят подделками, их же и покупают. По меньшей мере одна из десяти выставленных и сейчас работ – безукоризненная фальшивка. Разразился скандал

буквально на весь мир. Владельцы галереи что-то заподозрили, однако он опередил их: сам пришел и заявил, что может указать все еще не проданные подделки и сообщить, в каких примерно направлениях отправлялись подлинники. Но сделает он это только за определенную – он назвал, с некоторым запасом, ровно столько, сколько, как он считал, ему понадобится до вероятного конца жизни, – сумму, при условиях полной неприкосновенности, и чтобы никакой полиции. Говорил он с младшим из директоров наедине. Вы же понимаете, сэр, что против меня, если что, у вас нет никаких улик, а наш разговор не записывается, уж я-то знаю всю здешнюю электронику...

Все прошло идеально. Он получил желаемое из музейного бюджета «на поддержание безопасности» – и исчез. Обитателей мастерской с подвалом арестовали первыми, потом взяли специалистов по сигнализации – они попытались заняться просто сейфами, провалились из-за нехватки опыта, согласились сотрудничать со следствием и рассказали всю историю обворовывания галереи. Курьеров находили по одному, причем они не могли уже припомнить, о чем именно идет речь. Коллекционеров обвинить не удалось – там, где счет идет на миллионы, побеждают миллионы. К тому же не везде FBI пока действует так свободно, как хотело бы.

А он купил домик в тишайшем и достойнейшем Эплвуде и сел на крыльце, на всякий случай держа ружье на коленях. Глядя прямо перед собой, он видел не пустую Янг-стрит, а великие картины, которые раздваивались и расплывались в воздухе перед его глазами...

По ночам он рассматривал репродукции и пытался понять тайны гениев.

Он был уверен, что все кончено и забыто, и не придавал достаточного значения тому, что своим предательством создал себе по крайней мере сотни три решительных, жестоких и умелых врагов.

Они нашли его спустя двадцать пять лет.

Они пришли ночью и назвали свою цену: никаких денег, только единственный холст, тот подлинник, который он чудом утаил тогда от всех. «Старик и дама. Портрет соседей художника». Семнадцатый век.

Они могли бы сразу убить его, но понимали, что сами ни за что не найдут картину. Уж если он успешно спрятал ее тогда, то, наверное, и теперь прячет надежно. Поэтому они предложили ясно и твердо: жизнь за холст. И пообещали вернуться в пятницу, послезавтра.

— А вот и она, — закончил мистер Уилсон и откинул вторую полу своего необъятного плаща. Я увидела металлический футляр-тубус, торчащий из узкого кармана, пришитого к под-

кладке такими же кривыми стежками, как и петли для ружья. – Я не расстанусь с этими вещами.

В комнате стало уже совсем темно, я включила высокую лампу, ту, что рядом с диваном, так что его лицо оказалось освещенным, а мое – в тени. Он поморщился, но не двинулся с места.

– Итак, что вы предлагаете мне? – сама удивляюсь, откуда у меня берется хладнокровие в таких случаях, которых и было-то в моей жизни... семь... ну, девять... – Сесть на крыльце рядом с вами и в ночь на субботу отстреливаться вместе, пока полиция не подоспеет, чтобы арестовать или просто прикончить нас обоих? Это войдет в историю Эплвуда...

– Я отдам вам эту картину, – старик ответил преувеличенно громко, так упрямые люди произносят мучительные для себя слова. – Мы с нею прожили вместе хороший срок...

– Примерно такой же вы отсидели бы в федеральной тюрьме, если б тогда полиция все же занялась вами, – не удержалась я, но мистер Уилсон будто не расслышал моей глупой фразы.

– Но теперь я не хочу оставлять ее у себя, – продолжал он все тем же тоном говорящей машины. – И не потому, что эти... эти люди в ближайшие дни обязательно убьют меня, чтобы за-

брать картину. Я уже совершенно не боюсь смерти...

И опять я не сдержала обычную свою иронию, в которой поровну издевательства и сочувствия.

– Никто не боится смерти до тех пор, пока не поймет, что она неизбежна, – сказала я.

– Вы не правы, – вдруг вполне человеческим голосом ответил он, – я как раз и перестал бояться смерти тогда, когда точно узнал не только о ее неизбежности, но и о близости. Доктор Вэйнстайн...

Я промолчала, но, видимо, как-то дернулась, потому что он кивнул, отвечая на незадаанный мною вопрос.

– Да, доктор Вэйнстайн приглашал в прошлом месяце консультанта из Филадельфии. Конфиденциально, за большие деньги... И теперь я точно знаю, что никакая пуля не опередит рак моей поджелудочной больше, чем на несколько недель. Они еще сэкономят мне деньги, которые я трачу на нелегальные обезболивающие. Но я не хочу, чтобы картина досталась им даже после моей смерти. В конце концов только это мне и остается: перехитрить их напоследок...

– Но почему?.. – Я действительно недоумевала, чем объяснялся его выбор, выбор этого джинна, высвобожденного филадельфийским онкологом.

– Потому что вы так же любите деньги, как я любил когда-то, и готовы на все, чтобы их получить. В серьезных предприятиях лучше иметь дело с мошенниками, они, в отличие от порядочных людей, не подвержены беспричинной злобе, бесплодной зависти и жажде бессмысленного разрушения. Мошенник никогда не сделает того, что ему невыгодно. Поэтому вы, мэм, выждете пару месяцев после ночи с пятницы на субботу и только тогда начнете действовать. Вы ведь понимаете, что если они выследили меня, то вас найдут уже на третий день после того, как вы обратитесь в этой стране к любому перекупщику краденной живописи?

– А что же я должна делать ночью на субботу? – понемногу я приняла его тон и уже говорила обо всем этом, как о чем-то реальном. Похищенный шедевр, убийцы, международная мафия... Это плохое кино. У нас в Эплвуде если что-то и происходит, то без всякой стрельбы, как правило. – И что в субботу утром?

– Как только ночью вы услышите выстрелы, вызывайте полицию и не волнуйтесь – картина останется у вас, к приезду копов я уже буду похож на мишень, использованную взводом рейнджеров. А утром звоните в какое-нибудь бюро путешествий, только в городское, а не здешнее, и заказывайте билет... Ну, в Сингапур, напри-

мер. В апреле там прекрасно, а раньше вам не следует бежать отсюда. Понемногу подыскивайте покупателя картины, но не продешевите. И мой вам совет: не продавайте дом, не обращайтесь внимания соседей на свой отъезд. Потом, лет через пять-шесть, избавитесь от него через подставных лиц. Вам ведь приходилось узнавать о неожиданных бегствах из Эплвуда, не так ли? Вот, к ним прибавится еще одно.

– А если они вас не убьют? – вслед за ним я отказалась от деликатных иносказаний. – Что будет с картиной?

– Вы вернете ее мне, – он усмехнулся, снова немного напугав меня оскалом скелета. – Вернете, никуда не денетесь, я еще протяну достаточно, чтобы, если вы не захотите выполнить все условия, рассказать кое-что какому-нибудь репортеру...

– А когда вы все же умрете, – я уже вовсе перестала выбирать слова, – куда денется картина тогда?

– Посмотрим, – коротко ответил он. – Посмотрим... Возможно, вы получите ее при любом исходе, но... Если я переживу утро субботы, мои планы, возможно, изменятся...

Он в третий раз усмехнулся, и теперь уже мне стало страшно по-настоящему, но я взяла себя в руки.

– Я согласна, – сказала я.

– Вы все поняли в уже сказанном? – спросил он. – Тогда поговорим еще немного о деталях. Толковая инструкции ведь всегда состоит из двух частей – собственно инструкции и указаний, как ею пользоваться..

После этого мы говорили еще около часа.

Потом он ушел, и вскоре раздался телефонный звонок. Разговор занял еще с полчаса, и заснуть после этого удалось не сразу – словом, у меня была тяжелая ночь, а следующая, с пятницы на субботу, была еще тяжелее. От волнения я то и дело начинала дремать, сидя за рулем своего *Mini*. Наконец я услышала их приближающуюся машину – в Эплвуде действительно все слышно издалека – и поехала им навстречу.

Я запросила треть того, во что они сами оценили сделку. Всю жизнь я претендую только на треть, этому когда-то научила меня лучшая подруга: такая сдержанность смягчает партнеров... Договорились, что они принесут все деньги в бар Рамона днем в понедельник – раньше не успеют. То есть мою часть они выплачивают немедленно, но с долей старика придется повозиться... Им предстояла действительно большая работа.

Утром во вторник мистер Уилсон снова стоял на моем пороге.

– Итак, мэ, я жив и предлагаю вам все пополам, это просто из симпатии, – он оскалился,

пытаясь, как обычно, выдать этот кошмар за улыбку.

– На черта вам деньги, мистер Уилсон? – спросила я.

– А, вы насчет рака?! – он захохотал, как и подобало скелету, со скрежетом и лязгом. – Производит впечатление, да? Даже на вас подействовало... Честно говоря, у меня был расчет именно на рак как главную подробность мелодрамы, которую мы должны были разыграть. И внешность у меня подходящая. В общем, сработало... Нет уж, никакого рака. Я собираюсь прожить еще достаточно, чтобы потратить свою долю, по крайней мере большую ее часть.

– Да, мне далеко до вас, мистер Уилсон, – признала я. – Вообще-то я всегда беру треть, но в данном случае... Маловато. Мне причитается компенсация за то, что я выставлена дурой.

– Берите половину, как договаривались, – великодушно согласился он. – Но каковы идиоты, а? Столько лет искать меня, но не узнать, что тогда я не успел устроить подмену подлинника, так что в моих руках осталась подделка! Не понять, что, идя к вам, я был уверен в слежке! Когда они позвонили?

– Через полчаса после вашего ухода, – сказала я. – Каждый может ошибиться... Вот ваша доля, мистер Уилсон.

Взяв чемоданчик, он не взглянул на его содержимое. Впрочем, мог бы и посмотреть – он неплохо разбирался в живописи, но явно ничего не понимал в деньгах.

И он не поинтересовался, где картина находится теперь. И то правда – на черта ему знать, где теперь эта подделка?

Он просто направился по Янг-стрит к своему дому. На ходу он поклонился неутомимому мистеру Голдфарбу. Снег все падал, а Голдфарб все махал лопатой.

В конце концов, это только справедливо – за фальшивку расплатились фальшивками. А сделать столько копий известного портрета президента Франклина всего за три дня – это, пожалуй, не проще, чем скопировать в одном экземпляре даже гениальный двойной портрет. Так что всем пришлось поработать в минувший уикенд...

Надеюсь, что моя половина напечатана Резервным банком, а не умельцами в каком-нибудь подвале. Ведь эти люди мне обязаны – другой посредник на моем месте содрал бы с них всю сумму настоящими, да еще всучил бы эту трубу со свернутым холстом, которая теперь лежит в моем багажнике.

Да, мистер Уилсон расстроится.

И, конечно, я не смогу убедить его в том, что старые приятели, которых он так ловко пы-

тался обдурить, обдурили его самого без моей помощи. Слишком высокого мнения он о моем уме и слишком низкого – о морали. Хотя не совсем понятно, почему, считая меня совершенно бессовестной, он мне рассказал, что на самом деле хранил подделку. Наверное, ему просто хотелось рассказать это кому-нибудь... Или он желал увидеть именно мое восхищение его замыслом? Следует признать, он его увидел. Всего второй раз за свою жизнь я встретила не менее умного человека, чем я сама. Первый случай я когда-нибудь тоже опишу подробно...

Обнаружив обман, он, конечно, придет в ярость и, возможно, действительно попытается рассказать какие-нибудь грязные истории обо мне репортеру из «Эплвудской хроники». Да кто ж его станет слушать? Ведь он не только сумасшедший, но и, оказывается, приезжий.

А чужакам в Эплвуде не доверяют.

Правда, я тоже не из местных. Но, по крайней мере, я не торчу на крыльце с дробовиком в руках, а спокойно собираюсь на заседание нашего женского литературного клуба. Сегодня у нас очень важная тема для обсуждения – нет ли признаков мужского шовинизма в списке классиков национальной литературы, изучаемых в школах графства. Так вот: я считаю, что таких признаков полно...

Черт возьми, он ничего не потерял! Вместо копии, которая дешевле пошедших на нее красок, у него теперь чемодан денег, не стоящих бумаги, на которой они напечатаны. Никакой разницы, только справедливо.

Да и картину в конце концов я ему верну, если захочет. Мне она не нужна, а он к ней привык.

Мне почему-то жаль старика. Я вообще становлюсь все сентиментальнее с возрастом.

Каюта первого класса, мадам?

К концу лета наш тихий Эплвуд сделался мне мал, как становятся малы туфли к концу жаркого и напряженного дня. Обстоятельства сложились таким образом, что отъезд — конечно, на время — стал не только желателен, но и необходим. Не помню, говорила ли я вам, что в моей жизни всегда так: нужное приятно, а приятное правильно. Потому я считаю себя счастливой и даже, увы, не всегда могу скрыть это. Собственно, лишь осведомленность друзей, в особенности же подруг, о моей гармонии с миром эту гармонию и нарушает. Если вы хотите испортить что-нибудь хорошее, расскажите об этом людям. Они найдут способ.

Да, так вот: я решила отправиться в океанский круиз. Путешествие должно было продлиться две недели, как раз столько, сколько мне следовало бы отсутствовать в нашем городке. Туристическая компания обещала несравненный комфорт на корабле и незабываемые впечатления от экзотических стоянок не то на Восточных Карибах, не то на Западных Багамах – забыла сразу, поскольку совершенно не интересуюсь названиями ни на что не годных мест.

Перелет в Майами и сам Майами, состоящий из неряшливых пальм и похожих на бумажные коробочки гостиниц, в памяти не сохранился – ничего интересного, да и дважды двойной *Beefeater* с минимумом тоника перед вылетом рассеял впечатления. По секрету: я боюсь летать, так что за всю жизнь ни разу не поднималась в небо на трезвую голову...

Первый проблеск любопытства возник во мне, когда я попала в посадочный зал причала, у которого стоял суперлайнер *Star Sky*, второй или третий, если верить проспектам, по величине пассажирский корабль в мире – на нем мне и предстояло провести четырнадцать ночей и тринадцать дней.

Собственно, не было ни причала, ни лайнера – ничего, кроме гигантского, слегка ободранного ангара, перегороденного поперек линией

кабин, в которых сидели не слишком любезные контролеры, проверявшие билеты и паспорта. Толпы, сотни, если не тысячи людей входили в этот сумрачный сарай с залитой солнцем улицы и растекались на короткие очереди к кабинам. Колеса чемоданов грохотали по неровному бетонному полу. Все это вместе наводило на мысли о каком-то насилии, мне вспомнились кадры хроники, которую снимали наци, – прибытие очередного эшелона с евреями в лагерь уничтожения.

Сходство усиливалось тем, что толпа была чрезвычайно разнородная.

Едва ли не треть ее составляли явно дорожные и строительные высокооплачиваемые рабочие. До кризиса было далеко, и они могли потратить три-четыре тысячи на две недели семейного отдыха. Это были хмурые люди в длинных и широких шортах, таких же длинных и широких майках, в золотых цепочках с амулетами на жилистых шеях, с бритыми головами, похожими на шары для боулинга. Их можно было бы принять за мелких гангстеров, если бы не кроткие выражения лиц. Жены в обтягивающих брючках и блистающих всеми металлическими оттенками широких блузах держали руки перед собой, будто изображая рождественских зайчиков или собираясь сдавать отпечатки пальцев – на самом же деле следя, чтобы

свет все время падал на дешевые колумбийские изумруды в уродливых оправках. При этом и мужчины, и женщины непрерывно что-то ели. Это, конечно, секрет, но я не люблю рабочий класс.

Здесь же стояли элегантные пары, стройные мужчины в летних пиджаках, тоненькие женщины в платьях из приличных магазинов, с недешевыми сумками и чемоданами – лос-анджелесские адвокаты и врачи, вашингтонские чиновники, архитекторы и дизайнеры, отправляющиеся в свадебное путешествие, скорее всего не первое. Они не смотрели по сторонам, явно тяготясь полутюремной обстановкой и будущими попутчиками. Один из них читал, стоя в очереди, Торо... В общем, ладно, эти хотя бы не чавкали.

Пенсионеров в кроссовках, спортивных штанах и куртках, обвешанных фото- и видеокамерами, было большинство, как везде, где можно бессмысленно глазеть вокруг и фотографировать все подряд. Между нами, я терпеть не могу стариков. От них всегда пахнет могилой, даже если этот запах неуловим.

Очень редко мелькали молодые пары – в сандалиях, из которых торчали пыльные пальцы, в рваных джинсах, мятых тишотках, в мутных водорослях татуировок и пыточных приспособлениях пирсинга, с огромными рюкзаками.

Молодежь была представлена абсолютным меньшинством, что вполне объяснимо: я не могла вообразить, чем они будут две недели заниматься на этом титанике. Можно было бы предположить, что запасы травы и таблеток у них с собой, но контролеры, видимо, пришли к такому же выводу и выворачивали их рюкзаки буквально наизнанку. Молодежь я тоже не люблю. Мне кажется, что они все делают демонстративно, даже умирают от овердозы напоказ.

Было полно детей, я представила себе, как они будут повсюду носиться и верещать, и меня передернуло. Да, я и детей не люблю, но еще больше я не люблю лицемеров, сюсюкающих над очаровательными крошками и роняющих слезу уважения к ветеранам, сохранившим нам прекрасную страну.

Среди двух или трех тысяч пассажиров было десятка два или три китайцев. Они непрерывно оглядывались, и впечатление было такое, что им хочется присесть и прикрыться чемоданами – вторая экономика мира все еще стеснялась носить шорты. Не могу сказать, что не люблю китайцев, как не могу сказать, что не люблю регулярно приходящие на наше Восточное побережье ураганы. Конечно, лучше бы не было ни тех ни других, но они есть, что ж тут поделаешь.

Только у самых дальних пропускных кабин толпа была пореже и другого сорта. Там няньки двигали в креслах на колесах старух, вокруг которых распространялось даже не сияние, а зарево от бриллиантов, болтающихся на их веснушчатых, скрюченных пальцах. Там старики, сплошь, от лысин до кончиков носа, покрытые пигментными пятнами, сквозь которые проступала густая сетка багровых сосудов, спокойно дымили десятидюймовыми сигарами, как бы не замечая запрещающих табличек, — и никто им не делал замечаний. Там витал сильный и приятный запах богатства, простой, но не надоедающий, как аромат по-настоящему дорогих духов.

И я пошла туда. У меня для этого были все основания в виде билета в каюту первого класса и твердой уверенности — которая не покидала меня никогда и независимо от обстоятельств — в том, что мое место возле денег.

Наконец я миновала угрюмого контролера, прошла еще несколько шагов и пересекла нанесенную прямо на полу красную черту. Тут же передо мной оказался смуглый красавец — я приняла его за араба, работающего под итальянца, но он оказался греком. С ног до головы наследник Аполлона был во всем белом плюс золотые шевроны и аксельбанты, темно-русая завитая — вот провалиться мне на месте, если

не завитая! – бородка и запах *Hugo Boss* максимально выносимой интенсивности.

– Я старший помощник штурмана Джо Ставракис, мэ, – промурлыкало это существо и поклонилось с тошнотворным изяществом. – Буду рад проводить вас в вашу каюту. Добро пожаловать на *Star Sky*...

– А где же сам корабль? – перебила я ароматизированную молочную шоколадку довольно резко. Забыла сказать: мужчин с внешностью и манерами жиголо я тоже не люблю. Жиголо должен быть похож на настоящего серьезного парня, только тогда он чего-нибудь стоит.

В ответ все шевроны и витые шнуры пришли в изумленное движение.

– Но, мадам, это же и есть *Star Sky*, величайший корабль столетия!

И он обвел рукой зал, почти столь же ободранный, как ангар, только в стенах его было десятка два лифтовых дверей, время от времени они с лязгом раскрывались, проглатывали очередные пятьдесят-сто моих попутчиков и с таким же лязгом закрывались.

– Да вот же, – продолжал водоплавающий грек, – вот здесь начинается корабль!

И тут я заметила едва видный шов, проходивший по полу зала как раз под красной чертой. За чертой, очевидно, было уже наше уютное суденышко...

Отказавшись от его услуг и миновав заметно удрученного профессиональной неудачей хартбрейкера, я вошла в лифт – естественно, «для пассажиров первого класса и апартаментов». Мне показалось, что лифт ехал минут десять, а когда двери его снова раскрылись, я увидела прежде всего стеклянный потолок уже третьего гигантского зала. До потолка было примерно пять этажей высоты. За потолком были небо и солнце – то и другое слегка смягченное тонированным стеклом. Вокруг стояли те же пальмы, которые я с удовольствием оставила в Майами. Вдаль по коридорам – точнее, по довольно широким улицам – уходили ряды дорогих магазинов. Все это вместе, судя по надписи в лифте, называлось «Главный зал». Девушка в шевронах и аксельбантах – я готова была признать ее сестрой красавчика Джо, такой же одуряющий запах, только *D&G*, и нос примерно на три размера больше, чем первоначально задуманный для этого лица, – сидела за стойкой ресепшен. Она с сомнением осмотрела меня и мой билет, но все же дала мне ключ от моего жилья и объяснила, каким лифтом и по какому коридору мне добираться до места.

Дорога – с поисками – заняла не меньше получаса. За это время я обнаружила пустой театральный зал мест на шестьсот, закрытое по дневному времени казино величиной с не самое

маленькое в Вегасе и гигантский буфет, работавший вовсю, снабжая пролетариев (некоторые из них еще возили за собой чемоданы, так и не добравшись до кают) пиццами и чизбургерами. Их дети уже визжали в огромном джакузи, напоминавшем кипящую суповую кастрюлю. Я поняла, что большую часть своего пребывания в этом чистилище из полированного алюминия, матового стекла и мягкого пластика я проведу там, где никого из таких людей наверняка не будет, то есть в своей каюте и ресторане первого класса.

* * *

День начинается с того, что мимо моего окна проносятся лошади.

Я нажимаю кнопку у изголовья моей кровати – самой широкой, на какой я спала за всю жизнь. Ее вторая половина уже пуста, и лишь неистребимый запах напоминает о том, что еще полчаса назад здесь было тесно, просто некуда деваться... Жалюзи в квадратном окне поворачиваются, в мою спальню врывается бешеный свет тропического солнца. Примерно каждые три минуты конский топот нарастает, и над нижней кромкой окна проносится потная багровая лысина. Потом галоп понемногу стихает, за-

тем нарастает снова, лысина мелькает... Вокруг верхней надстройки проложена дорожка для сумасшедших, на которой они предаются своему безумию обязательного бега в любых условиях. Думаю, что они бегали бы и после смерти, если бы кладбища были оборудованы специальными дорожками для джоггинга – воздух там чистый, одно удовольствие сделать кругов двадцать...

В ванной меня преследует тот же запах. К счастью, никаких других следов ночной гость не оставил, я терпеть не могу сбритую щетину в мыльной пене на дне раковины.

Вы, конечно, упрекнете меня в непоследовательности – и будете правы. Я действительно не люблю надушенных красавцев, да еще южан с томным взглядом и буйным темпераментом, да еще в попугайской одежде, да еще щелкающих каблуками, прикладывая два пальца к козырьку. Я провела всю жизнь среди мужчин в деловых костюмах, среди мужчин, пользующихся парфюмерией, которая почти не имеет запаха, среди мужчин с незапоминающейся внешностью и минимумом растительности на лице – а иногда и на голове. Я давно установила закономерность: пышность прически и бороды обратно пропорциональна банковскому счету и уму, исключений мало, и они, как обычно, подтверждают правило.

Да, я непоследовательна. Аксельбанты царапают кожу там, где она нежней всего, от запаха одеколона меня тошнит, а короткая кудрявая бородка вносит путаницу, иногда забываешь, что именно сейчас делает твой рот... Все так.

Но на кой черт вообще нужно было бы это занятие, если бы мы всегда следовали своим гребаным правилам и привычкам?! А?

Вот. И я нисколько не жалею о том, что этот Ставракис – к концу второй ночи я все же запомнила его фамилию – уже почти неделю занимает половину необозримой постели.

Проведя в ванной всего минут сорок, я выхожу, кое-как приготовившись к завтраку – чтобы привести себя в порядок по-настоящему, у меня еще будет час-другой днем.

По дороге в ресторан я обнаруживаю, что мы опять никуда не плывем, а сквозь стеклянные стены ресторанный палубы виден очередной остров, прислонившийся к нам где-то внизу.

Расписание приключений строгое.

Утром мы пристаем к какому-нибудь островку Восточных Карибов (или Западных Багамов, черт их знает), и после завтрака все отправляются в экспедицию по диким местам. Места эти ощущаются и выглядят следующим образом: температура под сотню градусов; липкая влаж-

ность и запах точь-в-точь такие, как те, что я смыла с себя после ночи, – сперма и одеколон; фанерный дворец губернатора с гипсовыми колоннами – и перед ним полицейский в черном шерстяном мундире, без единой капли пота на торжественном лице цвета сливы; две улицы вдоль линии берега, застроенные картонными магазинами *duty-free*; и то, что продается в этих магазинах, – дешевое золото, шали-парео, сделанные на Тайване, отвратительный джин, прекрасный ром и бесчисленные акулы зубы – чтобы носить на шее. Несчастные акулы! А ведь они могли бы носить как амулеты зубы беспечных купальщиков... Но для этого они недостаточно жестоки.

Все острова абсолютно одинаковы, самое сильное впечатление – вид на наш корабль с берега. Это восставшее из океана чудовище в несколько раз больше всей островной столицы, оно заслоняет небо и солнце, оно нависает над двумя улицами, как монстр из фильма о нашествии космических захватчиков. Смотреть на него со стороны еще не проглоченного островка невыносимо страшно. Очень разумно, что пассажиров сначала запускают в обычный пакгауз – если бы они сразу увидели корабль снаружи, многие не захотели бы идти внутрь. Один парень по имени Иона был первым, кто отправился в круиз в брюхе такого чудовища. Впро-

чем, оно было поменьше, и, кажется, в его программе не было утренних стоянок у островов *duty-free*...

* * *

В ресторане первого класса столы сервированы восемью приборами тяжелого серебра и гербовым фарфором, но почти все места всегда свободны. На дверях трепещет чуть косо приклеенная записка – твердым почерком человека, привыкшего в любых условиях разборчиво заполнять важные документы, капитан адресовался к господам пассажирам с личной просьбой не входить в ресторанный зал в шортах и купальных костюмах. Поэтому мои соотечественники, свято чтущие Декларацию прав человека, не ходят в ресторан вообще – в шортах и бикини демократической толпой с бумажными тарелками и пластиковыми стаканами в руках они слоняются по верхней, открытой буфетной палубе, на которой я мгновенно задыхаюсь от океанских банных испарений и запаха общей кухни. Там пассажиры приличного второго класса, совершенно на равных с пассажирами экономического и даже туристического, круглосуточно наслаждаются обгорелой пиццей, гамбургерами, изливающими

кетчуп на все ближние предметы, колой со льдом и прочей мерзостью, которая у нас заменяет еду. Классовый мир, заключенный в области *fast food*, убедительно доказывает: мы – одна нация.

Что касается стариков, курящих стодолларовые сигары, и старух, сверкающих, как рождественские деревья, то они, видимо, заказывают еду в свои четырехкомнатные люксы.

Впрочем, кроме меня в ресторане обедает черепаховым супом и пьет отличное белое вино еще одна претенциозная особа, пренебрегающая кулинарными заветами отцов и интересами отечественной индустрии питания. Уже на второй день, издали поулыбавшись друг другу, мы сели за один стол и принялись неудержимо злословить по адресу попутчиков, поскольку сплетничать мешало отсутствие какой-либо информации.

А на третье или четвертое утро я вполне спокойно рассказала ей, как и с кем провела только что закончившуюся ночь. Главная прелесть такого рода дамских знакомств заключается в том, что они прекращаются вместе с объятиями по окончании путешествия – еще до того, как вы садитесь в разные такси.

Мне понравилось, что Лара – ее родители, помешанные на литературе, называли ее так в честь возлюбленной какого-то русского поэта,

я в детстве видела кино про его жизнь, и Омар Шариф в меховой казачьей шапке произвел на меня, помню, сильное впечатление, красота восточных мужчин меня всегда раздражала, но при этом они и возбуждали меня лет с десяти... Да, так вот: мне понравилось, что Лара не стала скрывать зависть.

– Не в твоих скромных физиологических радостях дело, – сказала она, – а в том, что теперь у тебя есть занятие, причем, вероятно, на все эти чертовы две недели...

– Почему ты считаешь мои ночные радости скромными? – сделала обиженный вид я. – Он неутомим и ловок...

– Не морочь голову, – она грустно усмехнулась, – я знавала этих южных чемпионов секса. Их неутомимость сосредоточена в бицепсах и разгибательных мышцах, а не там, где ей правильное место, их ловкость – это ловкость акробатов, а не любовников. Они могут совершать однообразные движения сутками, но толку в этом никакого или почти никакого. Однажды я уснула под это укачивание...

Описание было почти точное, разве что в моем случае все было дополнено омерзительным парфюмерным запахом, который, однако, как и парикмахерская борода, возбуждал меня каким-то противоестественным образом.

– Чему ж ты тогда завидуешь? – спросила я.

– Я же объяснила: тебе не будет так скучно все это время, как мне, – она допила вино и крутила в руках бокал, очевидно, раздумывая, не попросить ли официанта налить снова. – И ты по ночам не будешь накачиваться в барах джином и текилой (я даже вздрогнула: откуда ей известна моя слабость к этим напиткам?), а потом смотреть в каюте сорок второй раз «Касабланку», заказав ее в корабельной видеотеке... И тебя гораздо меньше будет раздражать эта биологическая масса, непрерывно уничтожающая еще проще организованную биологическую массу, эти чавкающие трусы и майки, превращающиеся к танцевальному вечеру в смокинги и длинные платья, специально купленные для круиза; эти гордые и напряженные до состояния непрерывной спазмы пиджоны и их возлюбленные, напуганные тем, что их бросят сразу по возвращении; эти старики, давно пропустившие все сроки приличного ухода; эти юнцы, стремящиеся превратиться в растения раньше, чем придет естественный срок; эти дети, похожие на взбесившуюся икру...

За такими мирными разговорами завтрак переходил в обед, а обед – в ужин. В промежутках мы сидели под навесом и смотрели, как десяток мужчин, похожих на мужчин, – больше атлетов не набралось среди полутора тысяч пассажи-

ров – играли в баскетбол на спортивной палубе. Любой из них скрасил бы путешествие даже такой придирчивой пассажирке, как Лара, но каждого подбадривала пискливыми криками совершенно очевидная жена – дело не в кольце, а в самодовольном выражении уродливого лица.

И вот уже прошел очередной ужин, и в сумерках, глядя на отлично сделанный художником-постановщиком закат, мы сидели, конечно, в баре, я с текилой, а она продолжала бокалами уничтожать южноафриканское белое.

– Тебе не приходило в голову, что он этим зарабатывает на жизнь? – спросила Лара.

– Как именно? – удивилась я. – Я не собираюсь покупать ему поддельный золотой *Rolex* на ближайшей стоянке и не отсчитываю по гранду после каждого оргазма...

– Не знаю... – задумчиво протянула Лара и прикончила одним глотком очередной бокал вина. – Твоя привлекательность, конечно, может заставить даже такого амура бросить на время профессию и перейти в любительскую лигу, но...

Я легко отношусь к шуткам по поводу своей внешности, потому что у меня нет на этот счет комплексов. Светлые кудри, голубые фарфоровые глаза с неизменно удивленным выражением, короткий носик, бедра вдвое шире талии и прочие особые приметы Барби – это просто

и надежно, как автомат «калашников». И так же эффективно. Поэтому шутите, девочки, сколько угодно, придавайте загадочность своим темным глазам и распространяйте слухи о страстности длинноносых – нам, хорошеньким простушкам, ничего не грозит. Особенно тем, у кого под маскировочной внешностью есть хотя бы какие-нибудь мозги... Но на этот раз что-то меня кольнуло – как мелкая косточка в непервосортном рыбном филе.

– Даже если он зарабатывает таким образом, то со мной его ждет неудача, – жестко, слишком жестко ответила я. – Еще никогда я не платила мужчинам, вот они мне – это бывало... Но тоже не за постель.

Мы замолчали, выпили еще по одной порции и попрощались холоднее обычного. Мне показалось, что Лара обиделась, но понять, на что именно, я не могла.

* * *

Джо – это простое имя отчасти примиряло меня с его варварской фамилией – спал так, как спят здоровые грудные дети (когда-то я видела) и такие же здоровые мужчины: на спине, раскинув руки и ноги. При этом он не храпел, чем редко могут похвастаться мужчины и даже дети,

привыкшие спать на спине. От него пахло так, будто он только что облился дезодорантом, а не своим и моим потом плюс прочими естественными жидкостями. Его волосы – везде, где росли, – были всегда шелковыми на ощупь. Его кожа была гладкой, как полированная, представить себе прыщик на этом теле было невозможно. Его ногти... Словом, вам все ясно – кем еще, кроме альфонса, он мог быть с такой внешностью? При том, что его нельзя было считать настоящим красавцем – слишком большой нос, слишком маленький и узкий рот, небольшие – правда, изумительного лилового цвета – глаза... Но все это вместе с его нечеловеческой чистоплотностью создавало такое притяжение!.. Думаю, я была не слишком оригинальна в своем выборе, его же выбор мне всерьез льстил. В конце концов, мне не двадцать и даже не... Ладно, оставим.

Однако альфонсом он не был, вот что удивительно.

Мы не могли появляться вместе ни в ресторане, ни в танцевальном салоне – он сразу сообщил, что офицерам команды категорически запрещается вступать в близкие отношения с пассажирками. К слову – манеры некоторых морских волков говорили о том, что они больше страдают от запрета на общение с юными пассажирами... Короче – он вел себя как джентльмен, а не сексуальная прислуга. Каждый вечер он проскаль-

зывал в дверь моей каюты с бутылкой вполне приличного шампанского, из этих новых дорогих сортов, за которые берут необъяснимые деньги. За такую бутылку, по моим оценкам, приходилось выкладывать как раз все дневное жалованье старшего помощника или младшего штурмана, как там его. Как правило, к шампанскому прилагалась корзиночка первоклассных фруктов, или коробка швейцарских конфет, или букет цветов, которые в корабельных цветочных лавках продавали по ценам бриллиантов и сапфиров. Однажды он принес даже баночку настоящей иранской икры – впрочем, тут же признался, что она досталась ему в подарок от какого-то перса, пытавшегося таким образом извиниться за политику своего правительства...

Ночь пролетала быстрее, чем я успевала понять, что произошло.

В прекрасной постели не было нужды, потому что мы оба летали, и воздух служил нам вполне достаточной опорой.

* * *

Ближе к середине путешествия наступил вечер капитанского бала. Прелестная традиция, сохранившаяся, вероятно, со времен «Титаника», почти примирила меня с пластиково-алю-

миниево-стеклянным крейсером, на котором я оказалась, хотя намеревалась путешествовать среди красного дерева, начищенной латуни и восточных ковров – эти представления я вынесла из классических детективов, действие которых часто разворачивалось на шикарном корабле. На капитанском бале офицеры могут и даже обязаны танцевать с пассажирками, а за столы, предназначенные для публики первого класса, подсаживается сам капитан – словом, я надеялась хорошо провести вечер. Прочие пассажирки первого класса вряд ли сумеют танцевать, а если капитан все же решит пригласить какую-нибудь из этих калек с костылем в бриллиантах, мне пригодится Джо.

Я еще приводила себя в порядок, когда в дверь постучали. Офицер Ставракис был в полной форме – то есть в белом с золотом – и при черном бальном галстуке бабочкой. Оставив его в гостинной наедине с купленной мною на утренней стоянке бутылкой приличного скотча – в магазинах на островах все было вдвое дешевле, чем в барах на корабле, – я вернулась в спальню и продолжила сборы. Наконец возник достойный повод надеть длинное платье, не могла же я в нем щеголять каждый вечер, как жена бригадира бетонщиков. Одевшись, что заняло минут пятнадцать, я вышла к моему океанскому павлину.

* * *

Он сидел в кресле, где я его оставила, но вместо стакана виски держал маленький алюминиевый чемоданчик – со всеми, в сущности, моими деньгами.

Дверца сейфа, скрытого в тумбе стола, была распахнута.

* * *

– Помнишь, тебе понадобились наличные перед какой-то стоянкой и ты полезла в сейф? – своим обычным, глуховато-мягким голосом обратился ко мне Джо. – Они так громко щелкают, эти сейфы, что ничего не стоит сосчитать щелчки замка даже из спальни и определить код... Нужен только хороший слух. А у меня хороший слух, я даже одно время зарабатывал настройкой роялей...

– До того, как стал моряком? – задала я вопрос, самый идиотский из всех возможных.

– А я никогда не становился и не стал моряком, – он очаровательно улыбнулся, и тут я почувствовала, что от запаха его одеколona у меня начала кружиться голова. – Кто тебе сказал, что я моряк?

– Но форма! – заорала я, и тут же голос сел, так что последовавшие слова я прохрипела. – Но другие офицеры команды... И ты встречал пассажиров...

– Не пассажиров, а только одну пассажирку, – возразил он, – ту, которую ждал. Форму можно купить, а команда здесь в две тысячи человек, и почти вся меняется после каждого рейса, никто никого не знает...

Я все еще не могла понять, что происходит. И почему он меня ждал?..

– Твоя фамилия должна быть хотя бы в списке команды, – продолжала я нести чушь, в подобных обстоятельствах так бывает даже с самыми умными людьми.

– Конечно, – он улыбнулся еще очаровательней, – будь я членом команды и будь моя фамилия Ставракис – она, уж конечно, была бы в каком-нибудь списке. Удачная, кстати, фамилия, правда? Я сам ее не сразу запомнил... Да, интересно, кого ты будешь искать? Некогого проходимца из пассажиров, чью настоящую фамилию ты не знаешь? Что ты скажешь? Что он отнял у тебя деньги, которые ты утаила от налоговой службы? Наследство, полученное от живого мужа, который сбежал от тебя. Кстати, я его вполне понимаю. Никогда еще не встречал такого бесчувственного существа, как ты. По сравнению с тобой все мои сокамерники во всех

тюрьмах – сентиментальные девочки. Не сбежать от тебя мог бы только мертвый.

Последние его слова совсем меня подкосили, во всяком случае, я сделала все необходимое, чтобы это продемонстрировать: рухнула на диван и закрыла глаза. Открывать их мне не хотелось – тем более что поделать я ничего не могла. Во всяком случае, не могла пока ничего придумать.

* * *

Я услышала, как отворилась дверь и кто-то вошел в комнату.

Я открыла глаза.

Но еще до того, как я их открыла, я знала, что вошла Лара.

* * *

За те несколько минут, что я просидела с закрытыми глазами, я поняла, что не смогу придумать выход из положения, даже если мне дадут думать до самого возвращения в Майами. Наличные я взяла с собой потому, что у меня не было времени положить их на счет в таком банке, который не мозолит глаза

налоговой службе. Как о содержимом сейфа в моей каюте мог узнать этот мошенник, я не представляла себе – так же, как не представляла, чем продолжится этот сюжет. Мой одинокий труп будет ждать завтрашнего прихода горничной? Вряд ли, Джо, продолжу так называть его для простоты, не нужно, чтобы судовая служба безопасности начала пропускать всех пассажиров через сито – у него вряд ли все в порядке с документами. Да и не похож он на убийцу... Значит, скорее всего, он просто заберет деньги. «Легко пришли, легко уходят», – предательски подумала я о ставших мне уже родными за последний месяц денежках как раз в тот миг, когда открылась дверь и вошла женщина, которая никем, кроме Лары, не могла быть.

* * *

– Все-таки я не понимаю, на кой черт надо было брать с собой такую сумму, – сказала она, усаживаясь на угол стола и закуривая. – Ты что, собиралась остаться навсегда на одном из этих островов, дорогая? Это неплохая идея, но я не вижу в твоём положении, насколько я его знаю, ничего, что заставило бы принять такое радикальное решение...

– У меня есть пара встречных вопросов, – хрипота еще не прошла, и это мне не нравилось едва ли не больше всего остального происходящего: если уж ты потеряла деньги, сохрани хотя бы лицо. – Первый: как вы узнали, что я держу в сейфе? И второй: вы с этим... с этим Джо только партнеры или он прямо от меня по утрам бежал к тебе и повторял все свои подвиги? Тогда он – абсолютный феномен и представляет невероятный интерес для физиологов...

Лара искренне расхохоталась – остроумные люди, как правило, не смешливы, и меня очень привлекало то, что она могла расхохотаться по любому поводу, хотя была наблюдательна и остра умом не меньше меня.

– Все же в тебе есть нечто от живой женщины, ты не совсем робот для извлечения денег из чужих карманов! Увы, у тебя все основания для ревности, мы с ним, – она ткнула большим пальцем себе за плечо, в сторону Джо, сидевшего все так же в кресле с чемоданчиком на коленях, – не только партнеры. Но обычно на то время, что он занимается очередным нашим проектом в чужой постели, я отпускаю его из своей. Надо беречь талант, который кормит нас обоих...

– Да, в таланте этой секс-машине не откажешь, – перебила я. – К тому же у него такой

тонкий слух... А чужие деньги сейчас, по-моему, извлекаю не я, а совсем другие люди.

– Что касается того, откуда мы получили информацию о тебе, – продолжала Лара, – то это просто несчастливое для тебя и удачное для нас стечение обстоятельств. Ты все же не такая умная и проницательная, какой кажешься себе. Думаю, у тебя уже были случаи в этом убедиться, но твое самомнение непобедимо. Посмотри внимательно на него, – она опять указала на Джо, – он тебе никого не напоминает?

Я послушно уставилась на красавчика в опереточном мундире.

– Его зовут Диего, как и следует звать человека, брата которого зовут Рамон! – торжественно объявила она и замолчала, ожидая, видимо, моей реакции на это странное сообщение.

Признаюсь, мне понадобилось не меньше двух минут, чтобы понять, но потом я поняла все и сразу.

– Ты брат Рамона из бара у станции, – теперь пришла моя очередь смеяться, и я рассмеялась радостно и искренне, чем, полагаю, несколько улучшила мнение грабителей обо мне. – Ты даже не грек, ты мексиканец, и тебе все рассказал обо мне влюбленный в меня бармен... Черт возьми, но откуда он столько обо мне знает?!

– Твоя проблема в том, что ты всегда играешь в шахматы без партнера, – Лара раздавила сигарету в пепельнице, слезла со стола и сделала несколько шагов по комнате. Я автоматически оценила ее вечернее платье и признала, что оно не хуже моего. – Ты не воспринимаешь людей как равных тебе мыслящих и чувствующих существ, для тебя все окружающие лишь картонные силуэты, марионетки, которых ты дергаешь за веревочки. Ты не представляешь, что влюбленный бармен может следить за каждым твоим шагом и делиться своими наблюдениями с братом и его женой. Упаси боже, он не хотел, чтобы мы тебя ограбили, ему просто хотелось рассказать о том, как живет женщина его мечты... Он заметил, что ты уезжаешь из вашего тухлого Эплвуда с большим багажом, в том числе и с алюминиевым чемоданчиком, с которым ты давеча вышла из банка. А в туристическом агентстве – это через дом от его бара – билет первого класса на этот корабль был самой большой продажей за месяц, о ней говорили за стойкой у Рамона... Вокруг тебя люди, понимаешь, в чем дело?

Наступила пауза. Из коридора доносились голоса – народ стекался на бал. Молчание нарушила я.

– Ну, дорогие друзья, перейдем к делу. Я все поняла и готова оплакивать свою неправильно

прожитую жизнь до самого ее конца. Но прямо сейчас я хотела бы отправиться на капитанский бал – это должен быть единственный приятный вечер за две недели. Вы берете деньги и исчезаете? Или прежде пристукнете меня на всякий случай?

– Не то и не другое, – заговорил Диего, которого я и дальше буду называть Джо, так приятнее. – Есть гораздо более интересное для всех предложение. Сейчас мы втроем отправимся на бал. Там мы будем веселиться, потому что нет серьезной причины огорчаться. А потом мы вернемся сюда и поделим все самым честным образом – на троих...

– Это, по-твоему, честно? Делить мои деньги, да еще так, что мне достанется только треть?! – возмутилась я, будто забыв, что чемоданчик у него в руках. – Вы заодно, не хватит ли с вас и половины?

Вообще-то я кривила душой: его предложение показалось мне вполне справедливым. Мне и самой приходилось делить чужие деньги примерно таким же образом...

– Все честно. Лара все придумала и оказала тебе неоценимую услугу – ты получила очередной урок жизни среди тебе подобных – такой урок стоит оплатить. Я целую неделю работал здесь по ночам, не без удовольствия, но до полного изнеможения, за такую работу

некоторые берут немало. А ты, в конце концов, добыла эти деньги – думаю, не самым безупречным способом, но тем более трудным. Так что все справедливо, по трети каждому... – все-таки ему не шло говорить, с закрытым ртом он выглядел более привлекательно, но сказанное им было очень неглупо. – Конечно, я мог бы просто уйти с этим кейсом, не попрощавшись, пока ты одевалась в спальне. Более того – я мог бы сделать это в любую из ночей, когда ты засыпала без сил и спала крепко, как грузчик. Но это было бы некрасиво и испортило бы всем настроение. Кроме того, нельзя загонять человека в угол – если бы мы забрали все, ты взбесилась бы и устроила нам проблемы.

Произнеся эти слова, он встал, сунул чемоданчик в сейф, закрыл и запер – я заметила, что код он уже изменил, – дверцу и предложил мне правую руку, а Ларе – левую.

Когда мы вышли, я захлопнула дверь, даже не проверив, при мне ли ключ-карта, и правильно сделала – Джо вынул ее из кармана и протянул мне.

– Это часть справедливого ведения дел, – сказал он. – Я знаю код сейфа, зато у тебя ключ от каюты. Мало ли что может прийти в голову любому из нас, когда мы выпьем как следует...

Выпили все как следует – особенно я.

Бал удался, было необыкновенно стильно, и шикарно, и даже весело.

Но я наслаждалась этим недолго – полагаю, полчаса или минут сорок максимум.

Я напилась отчаянно, как не напивалась никогда в жизни, если не считать трех дней некоторое время тому назад, дней, которые мне никогда не захочется вспоминать.

Напившись, я оставила Лару – кстати, любопытно, настоящее ли это ее имя – и Джо танцующими. И, кажется, даже целующимися в танце – интересно, сколько времени они вместе? Никогда не могла понять, как может не надоест мужчина за срок более месяца... Без меня они не попадут в каюту, так что волноваться нечего, жаль только, что я потеряла их в толпе... А это будет потрясающе – когда капитан прикажет арестовать их прямо здесь. Танцующие расступятся...

Вполне стоя на ногах, я протиснулась к тому столу, где капитан в это время беседовал с каким-то столетним бородоватым уродом, то есть капитан почтительно слушал и кивал, а урод нес какой-то абсолютно непонятный вздор про международные хедж-фонды, дымил гигантской сигарой ипил огромными глот-

ками коньяк примерно своего возраста. Несмотря на дряхлость, мерзкий старец легко перекрывал своим сиплым голосом оркестр, игравший «Звездную пыль» во всю сладкую мощь.

Я остановилась напротив капитана и стала смотреть на него в упор. В тот момент я еще кое-как соображала и помнила, что именно в таком состоянии делаюсь неотразимой – от алкоголя расслабляюсь и становлюсь похожа на настоящую женщину, а не... как там она сказала?.. Робот, извлекающий деньги из чужих карманов... Сама ты робот, сука!..

Прошло минут десять или два часа, прежде чем капитан встал, поклонился старой жабе и пригласил меня на танго. И я приступила к делу немедленно, понимая, что еще чуть-чуть – и единственная услуга, которую сможет оказать мне этот престарелый Кларк Гейбл, – вызвать людей с багажной тележкой и приказать им доставить тело в корабельный госпиталь для промывания желудка. Так что я спешила делать глупости. А вдруг Джо все же есть в списке...

– Капитан, я хочу найти вашего офицера по фамилии Ставракис, – сказала я. – Он встретил меня при посадке, представился, влез в мою постель, а сегодня вечером ограбил меня. У него есть сообщница, красотка, которая путешествует, как и я, в первом классе. Мне очень хоте-

лось бы их найти, они здесь, танцуют... Честно говоря, я не стала бы его искать, если б вы не были заняты круглые сутки...

Именно такая простота действует вернее всего, я это проверяла не один раз. Капитан pokrылся багровой краской, и крупная капля пота поползла под воротник его мундира.

– Мадам, это не совсем удобно, – его прекрасный баритон дрогнул. – Наши судовые правила запрещают офицерам...

– Разве капитан должен следовать всем правилам? – тут как раз пришло время поворота в танго, я прижалась к нему и слегка выгнулась назад. – Разве капитан сам не есть главное правило на корабле?

Еще через минуту дело было сделано – мы присели к бару, он подозвал какого-то малого в не столь ослепительном, но тоже сияющем белизной мундире, что-то ему буркнул, и парень исчез. Мы выпили ровно по глотку, я джина, капитан чистой воды, когда посланный вернулся. Он произнес короткую фразу – насколько я поняла, по-гречески, – щелкнул каблуками, поклонился мне и растворился в воздухе, полном слезящихся огней. Когда в воздухе появляются такие огни, это означает только одно: мне уже не стоит пить джин.

– Мадам, – капитан откашлялся, сделал глоток воды и посмотрел мне в глаза. – Офи-

цера по фамилии Ставракис в команде нет. Я даже не уверен, мадам, что вы правильно произносите эту вроде бы греческую фамилию. Насколько мне известно, самой молодой красотке в первом классе – не считая, конечно, вас, мадам, – семьдесят один год... Если позволите, я распоряжусь, и вас проводит до дверей каюты мой первый помощник. Только до дверей, мадам... Я весьма сожалею, что не смогу покинуть бал еще по крайней мере час...

Он снова посмотрел мне прямо в глаза.

И вдруг я увидела, что это и есть Джо Ставракис, только седой и без завитой бородки – зато с потрясающими усами щеточкой.

– Ты быстро продвигаешься по службе, Джо, – сказала я. – Если так пойдет дальше, тебе понадобятся большие деньги, трети моих не хватит. Да, Джо? Пойдем ко мне напоследок, пойдем...

Капитан пожал плечами.

– Видишь, – сказал он, – ты так и не научилась ничему. Даже капитана ты считаешь своей прислугой... Кстати, тебе интересно мое настоящее имя? Так вот: меня действительно зовут Ларой, мои родители не просто читали русские книги, они были русскими...

Капитан покачнулся и медленно поплыл вверх, к слезящимся огням. Его бальное платье надувалось, как воздушный шар.

Некоторое время я вспоминала, каким образом получилось, что я лежу на постели в вечернем платье, а мои туфли стоят на прикроватной тумбочке – аккуратно, рядышком. Потом вспомнила и попыталась сообразить, какое сейчас время суток – в конце концов решила, что ночь уже кончается. Потом поняла, что физических сил у меня достаточно, чтобы нажать на кнопку, открывающую жалюзи, дело за душевными.

В конце концов я нажала на проклятую кнопку – правда, производя это действие, я пару раз заснула.

В окне был солнечный день. И по каким-то непонятным мне самой признакам я догадалась, что корабль стоит у очередного причала.

В гостиной я увидела открытый и пустой сейф. На столе, там, где вчера сидела Лара, лежал листок бумаги.

Под фирменным тиснением *Star Sky* явно женским почерком было написано вот что:

«Дорогая, не огорчайся, считай, что ты просто заплатила налог судьбе. Твоя доля под подушкой. Когда я засовывала ее туда, ты во сне произнесла выдуманное имя моего мужа. Но если тебе так нравится, пусть он остается Джо. Твоя Лара. Кстати, меня на самом деле так зо-

вуг – родители не просто читали русские книги, они были русскими».

Под подушкой лежал бумажный мешок, предназначенный для вещей, сдающихся в прачечную. Я не стала проверять его содержимое – вряд ли это было грязное белье.

* * *

В коридоре первого класса, как всегда, пусто, и некому обратить внимание на босую женщину в вечернем платье.

Выйдя на боковую открытую дорожку, на которой сейчас, разумеется, нет ни одного джоггера, я едва не теряю сознание от влажной духоты. Похмелье в тропиках – это ужасно.

Глубоко внизу по широкому трапу льется толпа – все в шортах и майках.

Островной городок неотличим от всех, уже виденных, – две улицы параллельно линии берега и торговые переулки, понемногу заполняющиеся пассажирами левиафана.

Мне кажется, что я вижу их.

Он так и несет деньги в алюминиевом банковском кейсе. Шорты и гавайка ему не идут, ему надо всегда быть в белом кителе.

И ей не идут джинсы – собственно, не ей, а ее имени.

Все дело в том, что я совершенно одна.

А их двое. Нет, Джо, это несправедливо – вас двое, и вы получаете две трети. Надо бы наоборот.

Однако хватит рыдать. Каждый делает то, что умеет.

Деньги ничего не заменяют и даже не утешают, но если уж начал их добывать, то останавливаться нет смысла.

Александр Кабаков
КОЕ-ЧТО О САНДРЕ

С давних романтических времен юности я мечтал поехать (или поплыть?) на большом трансокеанском корабле. Чтобы всюду ковры, красное дерево, начищенная медь и шампанское, чтобы дамы в перчатках и мужчины в смокингах, чтобы кровь вытекала выпуклой лужей из-под двери каюты (привет от Агаты Кристи), а оркестр, не обращая внимания ни на что, наяривал бы Star dust... У беспорядочно начитанных молодых людей в голове столько мусора!

И вот в 1997 году, в разгар докризисной гурьбы, я поплыл на корабле Celebrity, одном из трех (или тридцати?) крупнейших в мире

круизных теплоходов, по Восточным Карибам. Такой, из крупнейших, недавно опрокинулся и потонул на мели, где воробью по колено... Сплошная пластмасса и алюминий. Не то что красного – вообще дерева нет. Хай-тек, в общем.

Это были, мне кажется, самые скучные десять дней в моей жизни. Хотя оркестр играл «Звездную пыль», но под нее танцевали американские рабочие с женами и пенсионеры. Хотя они действительно были в смокингах и вечерних платьях – но, кроме этого, в их чемоданах были только широкие шорты и еще более широкие майки – для дневного времени. Все островки были одинаковые, и сувениры на них продавались одинаковые, и жара стояла одинаковая – под сорок по неведомому там Цельсию... Убейте меня, я не помню сейчас ни одного островного названия, кроме Сан-Мартен – но сам этот остров тоже не помню.

Бары на корабле открывались в одиннадцать. Любезная леди с соседнего табурета заботливо сообщила мне, что текила до обеда вредна, а с лаймом особенно. Озлобленный всем на свете, я ответил, что мой доктор запрещает мне до обеда только гамбургеры – как раз такие, мэм, грубо ткнул я пальцем во второй, который она доедала. «А, вы из Европы», – определила она по акценту и в ужасе отверну-

лась, как если бы обнаружилось, что я только что выполз из ада.

После этого разговора я стал покупать скотч большими бутылками на островках, в дьюти-фри – больше там все равно нечего было покупать.

От белой горячки и алкогольного гепатита меня спасли тоже дамы и тоже несчастные.

Одна – принцесса Диана, погибшая в эти дни. Я почти перестал выходить из каюты, обедал не в ресторане, а в корабельном фаст-фуде и неотрывно сидел перед телевизором. Новости о кошмаре под парижским мостом и версии следователей передавали непрерывно. Я стал меньше пить – увлеченный сюжетом, забывал сделать глоток. Однако к концу суток кончалась и бутылка – тут я чувствовал, что лицо мое намокло от слез, и вспоминал, что корабль уже, наверное, причалил к очередному островку и пора бежать в дьюти-фри...

Надобно заметить, что гибель народной принцессы тяжело переживал не я один. Во всяком случае, в островных магазинах появились очереди: пассажиры тащили на корабль алкоголь по литру на душу – больше не разрешалось: корабельные бары были безумно дороги, и администрация пыталась спасти их конкурентоспособность...

Вот в такой очереди мы и познакомились. С автоматической любезностью я сделал шаг в сторону, уступая ей место перед собой: она отлучилась зачем-то на минуту и теперь собиралась встать в конец – в американских очередях выражение «Я занимала перед этим мужчиной» не используется. Такого неpolitкорректного, сексистского, дикарского поступка не мог совершить никакой современный американский джентльмен! Я пропустил вперед равноправную женщину, которая теперь, Боже, храни Америку, может служить в подводном флоте Соединенных Штатов! Ladies first – скоро это выражение будет помечаться в американских словарях как устаревшее... Поэтому она немедленно поинтересовалась, откуда я, изумилась, как положено, и переспросила – так в русской провинции переспрашивают «Из самой Москвы?!».

Мы вместе вернулись на корабль и сели выпить все же в баре – не хотелось глотать из горла, спрятав бутылку в бумажный пакет, поскольку палуба – общественное место. Мы говорили о Диане, конечно, и полностью сошлись в оценке события: проклятые папарацци! Поэтому я, представляясь, скрыл свою первую древнейшую профессию – убийцу Дианы, иногда называли еще и журналистами. Назвался просто writer, зная, что никакого осо-

бого интереса этот статус в цивилизованных странах не вызывает. Никаких вопросов о том, как жить и во что верить, – максимум «а о чем вы пишете?» и «это приносит хорошие деньги?» – и дальше о погоде и кредитной ставке...

Но мою новую знакомую русский писатель неожиданно заинтересовал. Она допила один джин, попросила второй и, не отрываясь, рассматривала меня, быстро двигаясь к третьему. Я, в свою очередь, уже без стеснения, рассматривал ее.

Всеми своими чертами и размерами она напоминала маленькую собачку – пекинеса. Плоская мордочка, вдавленный, почти не существующий носик, выпуклый лоб, часто показывающиеся мелкие острые зубы... И ростом мне чуть выше пояса, метра полтора, и соответствующие ладони и ступни, и вообще – куклы таких размеров сидят в витринах игрушечных магазинов. Круглые вишнево-коричневые глаза тоже могли принадлежать кукле или, скорее, собаке – внимательный взгляд, про который говорят: «Смотри, какие глаза умные, прямо человек»...

Утром она оказалась первым человеком, которого я увидел в коридоре, ведущем на ресторанную палубу. Стоянка у очередного острова с дешевой выпивкой предполагалась в полдень,

до открытия баров в одиннадцать тоже оставалось еще порядочно — положение было тяжелое. Я вышел из него по-мужски и по-московски: подошел к первому же бармену, поговорил с ним негромко — и он оказался родным братом нашего ночного таксиста, взял второе и налил по двойному джину и скотча, закрасив на всякий случай колдой. Мы уселись в последнем ряду кресел, расставленных вокруг малого бассейна, и некоторое время молчали, возвращаясь к жизни.

Первой заговорила она.

У нее был правильный язык, даже не совсем американский, без прожевывания слов, так что я понимал почти все сразу. А если не понимал, то переспрашивал, и она терпеливо повторяла сказанное другими, простыми словами и оборотами.

Мы сходились ежедневно в этом пустом фойе, как только кончался выпуск новостей, и сидели часа по два, пока не начинала подтягиваться к вечернему представлению публика. Она уничтожала свой джин нисколько не медленнее, чем я свой виски, а разница в весе у нас была по крайней мере двойная. Эта американская леди вполне достойно выступала бы в любой компании русских мужчин.

И, не закрывая рот ни на минуту, она рассказывала.

Все ее рассказы были, в сущности, об одном: о том, как ей не удалось разбогатеть.

О сбежавшем муже и жадном любовнике, о мошенниках, встречавшихся ей на каждом шагу, о рухнувших проектах, о подруге, перехватившей богатого жениха...

Мир отказывал ей в кредите.

Однажды, на второй или третий день этой сокращенной Шахерезады, она – вряд ли сознательно – сформулировала суть.

«На свете так много богатых, – сказала она, – почему же мне не быть одной из них?»

Забавно: я задумался над ее вопросом и понял, что ответить мне нечего. Да и откуда мне было взять ответ? Она думала об этом всю жизнь, а я – только тогда, когда совсем не было денег, и судьба человечества поэтому волновала меньше...

Специально для доброжелателей и сетевых сплетников: мне даже в голову не приходило, что наши свидания могут продолжиться в моей или ее каюте. Это было так же невозможно, как сближение с пекинесом – хотя эти собаки бывают очень симпатичными.

Между тем корабль заканчивал описывать гигантский круг между островами и приближался к Форту Лаудердейл, в котором началось путешествие. Оставался еще день, потом ночь, а утром мы должны были попрощаться.

Но она, видимо, не любила прощаний. Или пожалела о том, что рассказала так много о себе какому-то русскому писателю – время от времени она перебывала себя вопросом: «Тебе ведь пригодится эта история для твоих романов?» Возможно, она раздумала становиться героиней русского романа – «Анну Каренину» она читала, и ей не понравилось, потому что «эта женщина не сумела сделать свою жизнь, она все время уступала мужчинам».

Как бы то ни было, я обошел весь этот корабль, черт его дери, все его салоны, теннисные корты, гриль-бары и покерные гостиные – ее не было нигде. Я уселся в театральном фойе – вдруг она все же решит прийти сюда – и просидел, пока бутылка в бумажном пакете не опустела.

Утром я стоял чуть в стороне от очереди спешивших выбраться в причальный зал – как будто они все куда-то опаздывали... Я простоял так, пока не сошли тысячи полторы из трех, которых выплевывал этот левиафан.

Ее не было.

Я улетел в Нью-Йорк, оттуда почему-то в Копенгаген – так был организован маршрут – и в Москву, в Москву, где меня ждало много важного, интересного, сложного и неприятного, не имеющего никакого отношения к Сандре.

Ее действительно звали Сандрой, а фамилию, как и прочие детали, я придумал. Прошло четырнадцать лет, и вот я вспомнил ее – не знаю, почему. Возможно, потому, что вокруг все больше таких женщин-пекинесов. Теперь они вызывают у меня сочувствие – их зубы слишком мелкие, чтобы как следует вцепиться в большой кусок. Вообще-то пекинесов нужно водить на красивом поводке и часто гладить, а не отправлять на свободную охоту.

Вот почему я написал о ней и от ее имени – вроде как долг отдал – поставил двойной скотч за вчерашнее.

Павловская Слобода
2012

Кабаков Александр Абрамович

**ПОВЕСТИ САНДРЫ ЛИВАЙН
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ**

Заведующая редакцией *Е.Д. Шубина*
Ответственный редактор *Д.З. Хасанова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректоры *А.А. Черный, И.Н. Волохова*
Компьютерная верстка *Н.Н. Пуненковой*

<http://www.facebook.com/shubinabooks>

ООО «Издательство АСТ»
127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д. 16, стр. 3
www.ast.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Александр КАБАКОВ
ДОМ МОДЕЛЕЙ

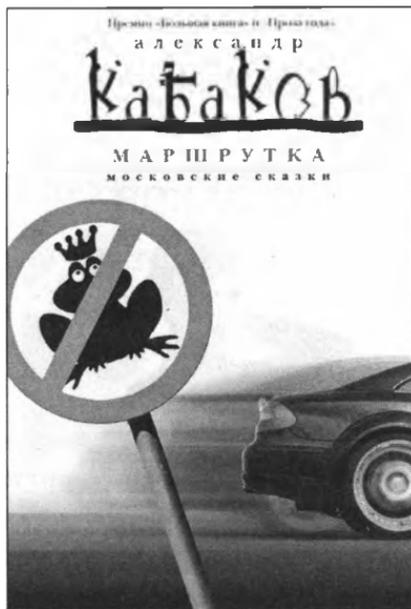

Все повести, собранные в этой книге, полны иронии и вместе с тем безграничным сочувствием к людям. И как всегда у Кабакова, реальная жизнь в них тесно смыкается с фантастикой...

Живут его герои в большом городе или в глубинке – они хотят вырваться из обычной жизни. Красивая девушка убегает в областной центр, чтобы стать моделью; женатый герой заглядывается на другую женщину; влюбленные взлетают с крыши в небо или исчезают в неизвестном направлении...

Александр КАБАКОВ

МАРШРУТКА

«МАРШРУТКА» — это байки о городе,
в котором мы привычно живем и который,
оказывается, может быть абсолютно непредсказуемым.

Кто сказал, что в нашей жизни нет места сказкам?!
Красная шапочка и Серый волк, Летучий голландец
и Царевна-Лягушка — они приспособились
к современному миру и... ходят по московским улицам,
как обычные жители!

Обернитесь на соседа в маршрутке...

И кто сказал, что историй с хорошим концом не бывает?
Случается, они происходят в жизни и...
в книгах Александра Кабакова,
лауреата премии «БОЛЬШАЯ КНИГА»
и «ПРОЗА ГОДА».

«В давние времена ходил анекдот, весьма похожий на правду. Советскому начальнику от культуры принесли вновь изданное собрание сочинений Пушкина, и он поднял скандал: «Куда смотрели?! В Пушкина вшили повести какого-то Белкина!!» Надеюсь, моему читателю не надо объяснять, что повести Сандры Ливайн включили в книгу моих рассказов не по ошибке. Эта дама существует исключительно в моем воображении и на бумаге. Как и все персонажи из этой книги. В конце концов, всё, что выдумывают авторы, есть одновременно и игра, и реальность. Детективы Сандры Ливайн и мои фантазии на сиюминутные темы – две стороны одного мира».

Александр Кабаков

ISBN 978-5-17-077183-7

9 785170 771837